

Василий Лягошкин

ТАЙНА ПРОЛИВА «ВРАТА СКОРБИ»

Том второй

Василий Лягоскин

**Тайна пролива «Врата
скорби». Том второй**

«Издательские решения»

Лягоскин В. И.

Тайна пролива «Врата скорби». Том второй / В. И. Лягоскин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832312-6

Это второй том исправленной и дополненной версии научно-фантастического повествования «Дома мы не нужны». История невероятных приключений подполковника Кудрявцева и его друзей в далеком прошлом — от первых мгновений их появления в мире неандертальцев и доисторических хищников до того дня, когда люди, победившие в борьбе за существование, смогли бросить вызов таинственному Спящему богу. За семьдесят тысяч лет до наших дней самым главным в их жизни оказались честь, мужество, дружба, любовь...

ISBN 978-5-44-832312-6

© Лягоскин В. И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 34. Профессор Романов. Здесь наш дом	6
Глава 35. Де – правнук вождя	18
Глава 36. Полковник Кудрявцев. Сила есть – ума не надо	28
Глава 37. Профессор Романов. Дела текущие	40
Глава 38. Оксана Кудрявцева. Ходи, да оглядывайся	50
Глава 39. Профессор Арчелия. О пользе и вреде профилактики заболеваний	56
Глава 40. Профессор Романов. Первый европейский язык	66
Глава 41. Анатолий Никитин. Мне сверху видно все	75
Конец ознакомительного фрагмента.	78

**Тайна пролива «Врата скорби»
Том второй
Василий Лягошкин**

© Василий Лягошкин, 2016

ISBN 978-5-4483-2312-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 34. Профессор Романов. Здесь наш дом

Тяжело вставать рано утром в понедельник. Но Алексей Александрович, заснувший на широком матрасе (спецзаказ!) в обнимку с теперь уже законной женой Таней-Тамарой под утро, не пропустил первые звуки просыпающегося лагеря. Или это жена его разбудила? Может она, как Оксана с Бэйлой когда-то, караулила, чтобы профессор не ускользнул без нее в поиск?

Как будто Романов мог обмануть любимую. Договорились же еще вечером, что едут восьмером – именно столько людей помещалось в «Эксплорере». Прямо свадебное путешествие получается – сразу четыре пары молодоженов собрались сегодня продолжить спасательную экспедицию. Только супруги Левины оставались в лагере. Для Бориса безопасность последнего была превыше всего, а Света Кузьмина – теперь уже Левина... В общем, ей было хорошо там, где был Боря.

Остальные... для начала, конечно, в разведку – из каких краев и времен, кроме миоценовой эпохи – неведомый злой разум перенес сюда непреодолимую преграду для микроскопического племени предков современного человека? Предков, в том числе профессора Романова и его товарищей.

Таня-Тамара потянулась под простыней, умудрившись этим движением едва не заставить Алексея Александровича отказаться от сегодняшней поездки. А потом она выскользнула из-под хлопчатобумажного покрывала в одном колье, подаренном вчера мужем...

Когда профессор открыл мечтательно зажмуренные глаза, Таня-Тамара с хитрой улыбкой на губах уже застегивала на высокой груди камуфляжную куртку. Она словно прочитала мысли Алексея Александровича, потому что нагнулась над ним, поцеловав в краешек губ, и спросила откровенно соблазняющим голосом:

– Ну что, мы сегодня едем?

Впрочем, она тут же, не дожидаясь, пока Романов затянет ее обратно под простыню, приняла деловой вид. Тем более что кто-то – а именно Толик Никитин – громко постучал в стенку медицинского фургона, который за отсутствием пациентов временно отдали в пользование чете Романовых, и закричал, разбудив при этом, наверное, еще не одного человека:

– Романовы! Вы едете? Автомобиль уже завели!..

Конечно тракторист, как всегда, преувеличивал. Но когда подхватившийся профессор выпрыгнул из фургона, не заметив ступенек, застегивая в прыжке последнюю пуговицу на своей куртке, ругать широко улыбающегося Никитина, не осталось ни задора, ни желания.

Лицо тракториста лучилось счастьем настолько светло и ярко, что вполне могло заменить собой почти показавшееся над горизонтом солнце. Этот молодожен наверное сегодня совсем не спал, как и Бэйла, прижимавшаяся сейчас к его боку нежной и ласковой кошечкой. Словно не она была главным и лучшим снайпером лагеря; словно не она хладнокровно и расчетливо всаживала тяжелые пули в ту точку, куда указывала рука командира.

А вот и сам Александр Николаевич – с Оксаной, естественно.

– И как теперь к вам обращаться, – хмыкнул про себя шутливо профессор, – господин Президент?

И опять его опередили. Никитин, как всегда несдержанный на язык, сунулся к командиру:

– Ваше Высокопревосходительство! Семья Никитиных к несению службы готова!

Романову стало стыдно за товарища, а потом немного страшно – лицо командира, мгновением раньше светившееся такой же широкой, как у Анатолия, и, наверное, как у него самого, улыбкой, вдруг застыло. Полковник чуть скривил губы в недоброй усмешке; он явно хотел бросить что-то резкое, но пересилил себя и улыбнулся вполне дружелюбно. Может потому, что его взяла под руку Оксана?

– Договоришься когда-нибудь, Анатолий, – вполне беззлобно отреагировал на неудачный экспромт тракториста Кудрявцев, – пошлю тебя к туземцам – будешь там чинами да званиями разбрасываться.

– Так здесь же никого нет, – попытался как-то сгладить немного нервное начало дня Алексей Александрович, – единственное племя на сотни верст вокруг. Но туда Анатолия точно нельзя посылать – какая после него цивилизация получится?

Все вежливо посмеялись, а командир задумался, и Романов понял: «Что-то Александр Николаевич сейчас опять напроорочит».

– Я бы не был так уверен, Алексей Александрович, – сказал наконец Кудрявцев; он тут же уточнил, – насчет племени.

– Вряд ли еще кто решился перебраться через пролив, – засомневался профессор.

– А откуда? – рука командира показала в сторону, противоположную побережью Индийского океана.

– Так там же чего только не наворочено – и пустыня, и горы высоченные. Не удивлюсь, если за ними еще какой-нибудь новый пролив образовался; шириной километров так в двадцать пять.

– Знаешь, как дикари могли преодолеть твой пролив? – Кудрявцев улыбался прежней ироничной улыбкой.

– Как?! – поразился Романов.

Он не был уверен, что даже им, владеющим знаниями и технологиями двадцать первого века, удалось бы преодолеть такую преграду без риска для здоровья и жизни. Учитывая, что из средств переправы у них были только моторная лодка, да двигатель от яхты. А ведь еще в воде их могли ждать неведомые чудовища – и не только те, что жили за семьдесят тысяч лет до рождения Христа.

А полковник теперь рассмеялся:

– Просто им надо было попасть по эту сторону пролива раньше, чем он появился. Такое могло случиться?

– Могло, – засмеялся в свою очередь профессор, – а завтракать мы сегодня пойдем?

– Пойдем, – пригласил всех командир, – надо успеть, пока кто-нибудь не помешал...

Успели! Как раз до того момента, когда перед столом появился Набижон Одылов – новый директор новой же школы. Первой школы этого мира! Хотя... Алексей Александрович в свете недавней беседы уже не был так категоричен. Он теперь ждал от аборигенов любого сюрприза. Лишь бы этот сюрприз не был смертельным – для них, для «новых русских», да и для самих дикарей тоже. Слишком много смертей видел профессор Романов за последние две недели. И сам едва избежал печальной участи быть съеденным племенем каннибалов.

– Успел, – шумно отдувался Одылов, – не уехали.

Он последние три дня вертелся словно белка в колесе – ругался с комендантом, проводил бесчисленные совещания с учителями; на парочку даже Алексея Александровича затащил. А сегодня, оказывается, был готов открыть новый учебный год. Не сам, конечно. Предоставил эту возможность полковнику Кудрявцеву, о чем и прибежал сообщить.

Александр Николаевич вроде как беспомощно огляделся – в такой роли ему еще никогда не приходилось выступать. Но профессор-то видел – командир был безумно рад такой новости. А директор уже трещал, делясь сокровенным. Оказывается, лучшей, в его представлении, была старая советская школа обучения – школа шестидесятых-семидесятых годов, когда сам Набижон учился в обычной русской школе. Когда, кстати, учился и сам Романов, и командир, и практически все их товарищи.

– Вот по традиции у нас сейчас будет линейка, посвященная началу нового учебного года, – Одылов посмотрел на часы, – через пять минут. Так что время подготовиться у вас,

товарищ командир, еще есть. Родителям (он строго посмотрел на Оксану) тоже желательно присутствовать...

Так что «Эксплорер» нетерпеливо зафырчал мотором только через два часа – после линейки, закончившейся шествием на командирском плече сразу двух первоклашек – Даши и Маши. Правда, колокольчик был один, зато какой! Тот самый, с которым в новом мире появился Сергей Благолепов.

Потом был первый урок – к удивлению профессора Романова – физкультура. Он даже подошел к расписанию уроков, вывешенному на общей доске объявлений. Все правильно – все шесть учебных дней в неделе начинались со спортивной разминки, которую для школьников проводил самый настоящий чемпион мира.

Такой урок командир тоже не пожелал пропускать. Даже снял камуфляжную куртку с полковничьими погонами, оставшись в тельняшке-безрукавке. А когда к нему с охотой присоединились остальные «разведчики-спасатели», профессору ничего не оставалось делать, как тоже стянуть с себя верхнюю часть камуфляжа.

Школьную разминку Алексей Александрович одолел, не посрамив чести своей новой семьи – а как иначе, если рядом с ним по малому кругу, уже размеченному комендантом для возведения первой стены будущего города, бежала Таня-Тамара. Так, практически на бегу, они и разместились во внедорожнике. Только командир на несколько мгновений задержался, подозревая к себе Юру Холодова.

Сержант сегодня руководил трофейной командой – с грузчиками в «Витаре» и майором Цзы за рулем трактора. Оказывается, далеко не все ценности прежнего мира были найдены и переданы в рачительные руки Валеры Ильина. Что хранилось в многочисленных подвальных этажах? Да хотя бы в развалинах той же Пизанской башни? Профессор и сам бы не отказался порыться в раскопах; с лопатой он был в последнее время весьма дружен. Однако впереди их могли ждать более удивительные открытия, и отказываться от такой чести – быть в составе отряда первопроходцев – он не собирался...

«Витара» не отставала от передового автомобиля. «Эксплорер» даже подождал ее (подождал командир за рулем, естественно), пока не выгрузились у развалин итальянского лагеря землекопы с лопатами и автоматами Калашникова. Сам же Холодов с Дубовым на пассажирском сидении продолжил путь вслед за разведгруппой.

У следующего, колумбийского, лагеря «Эксплорер» тоже остановился. Никто из разведчиков вопросов Кудрявцеву не задавал – даже чересчур любопытный Никитин. Может, он хотел сам угадать, куда это повел Холодова полковник. А тот довел сержанта до окраины лагеря наркобаронов и топнул по земле ногой. И все! Развернулся и быстро пошел обратно к автомобилю. И уже вырулив на накатанную колею вдоль стены леса, вдруг рассмеялся:

– Задавайте свои вопросы. Про клад, наверное?

– А я, кажется, Ю догадался, товарищ полковник, – первым, как всегда отличился тракторист.

– Ну?

– Это там вы палки обгорелые – ну те, что от кокаиновой рощи остались – закопали.

– Молодец, – поощрил парня командир, – а зачем они нам нужны?

Теперь решил отличиться Алексей Александрович:

– Может, для музея?

– Одну оставим для музея, – не стал его разочаровывать полковник, – а остальные...

– Остальные – для безопасности, – это уже Бэйла, которая на удивление быстро осваивала русский язык, – вы же сами все время, товарищ командир, говорите: «Главное – безопасность!».

– Молодец, – даже немного удивился командир, нажимая несильно на педаль тормоза – рядом с автомобилем бежал алабай; он бежал без остановки уже не один километр, – это мы с профессором Арчелия решили провести новый эксперимент.

– Это не типа того, когда вы моего Марио заставили колотить по каменюке кувалдой целый час, – вскинулась Ира Ильина (до сих пор Ильина, не пожелавшая взять фамилию мужа), – без всякого результата, кстати. Марио потом весь день не мог успокоиться.

Итальянец, сидевший рядом, попробовал возразить, но Ирина дернула плечом, и парень заткнулся. В этой семье роли уже были распределены, но Марио, судя по счастливому лицу, его роль нравилась. Вместо него ответил Анатолий:

– Это он расстроился, когда товарищ полковник эту каменюку из пластмассы одним ударом расколошматил. Так то же командир! Никому больше такое не под силу!

– Так прямо и никому? – по лицу Кудрявцева никак нельзя было разобрать, доставила ли ему удовольствие такая похвала; зато было видно, что он чего-то ждет от соратников.

И дождался. От жены, Оксаны:

– То существо, хозяин белой медведицы... Пластмассовая роща тоже наверное его...

– Создание, или изобретение, – подхватил профессор, – и уж оно-то точно знает все свойства этого пластика.

– В том числе как его разрушить. Но кое в чем этот божок оказался бессилён.

Теперь поняли все. Да и как не понять, когда они своими глазами видели непреодолимые для чудовищ укрытия – ту же Стену Плача, мандариновую рощу абхазцев, или даже... дохлую корову в индийском анклав.

– И что? – задал общий вопрос Никитин.

– Что-то есть в этих укрытиях, – объяснил командир, – может даже не совсем материальное. По крайней мере, Виталик Дубов вчера от нашей бани – от сруба – без всяких проблем «Хускварной» кусок бревнышка отчекрыжил. Вот мы и решили с Георгием – разотрем частицы укрытий и добавим в пластмассу. Порознь и сразу все вместе, а потом...

– А потом Марио дадим кувалду – пусть стучит, – опять засмеялся тракторист, – а командир покажет ему, как можно разбить одним ударом.

– Надеюсь, что у меня этого тоже не получится, – по его ставшему напряженным лицу в зеркале профессор понял, как сильно Александр Николаевич на это надеется, – так что у Холодова кроме основной задачи есть еще одна – доставить в лагерь фрагменты всех укрытий. Да-да (это он отреагировал сразу на несколько недовольных гримас), и от хижины людоедов тоже.

– А центральный участок, – вспомнила вдруг Оксана, – тот, где было логово?

– А кого он спас? – по-еврейски, вопросом на вопрос, ответил командир и дискуссия закончилась.

Между тем «Эксплорер» приближался к первой запланированной остановке; именно здесь нужно было выгрузить часть багажа, которым пропах весь салон, несмотря на опущенные до отказа стекла дверей автомобиля. Профессор Романов вспомнил слова ламы Севера о том, что ни сам он, ни его «коллеги» никаким диетам не подвержены и... А вот и он сам – встречает гостей.

Сегодня лицо ламы было приветливым. Может оттого, что от автомобиля несло не бензиновыми парами, а густым ароматом копченого мяса? Даже Малыш удостоился короткого поглаживания по безухой голове, на которое, к удивлению профессора, не огрызнулся. Пес словно подставил свою голову под благословление и, получив его, весело помчался вдоль границ участка, помечая их, как небезосновательно предположил Романов, по-своему, по-собачьи.

А лама Севера с помощью Анатолия и Марио отнес припасы, включая несколько канистр с водой в пещеру, которая, опять-таки по предположению Алексея Александровича, была сей-

час самым прохладным местом в округе на многие сотни, а может, и тысячи километров. Впрочем, лама тут же вернулся. Может потому, что не хотел отпускать русских без беседы. Что бы не твердили разнообразные религиозные и иные аскеты о возможности самосовершенствования путем углубления во внутренний мир, без общения с другими людьми прожить было невозможно. Иначе это уже не человек – такой была твердая убежденность профессора Романа.

Сейчас Алексей Александрович с интересом внимал словам ламы, который пытался донести до собеседников, а особенно до Кудрявцева, к которому собственно и обращался, спорную мысль о том, что все в мире можно понять, обратившись к прошлому. К тому прошлому, информация о котором никуда не исчезает, а «записывается»... Ну, хотя бы в камнях, которые сейчас окружали их.

– Правильно, – подумал профессор, глядя, как тибетец поднял камешек размером с куриное яйцо и поднес его к уху, – здесь ведь больше ничего нет кроме камней. Да и вся жизнь этих людей проходит в окружении каменных круч да перевалов. Ну, еще снег выпадет зимой, а весной растает. Сейчас он скажет, что этот самый снег и несет информацию...

А лама опустил ладонь с камнем от уха и протянул его полковнику:

– Миллионы лет этот камешек ждал, когда к нему обратятся. Сначала как часть потока раскаленной лавы; потом в монолите скалы и, совсем немного, отдельным куском, принесенным сюда благодаря солнцу и снегу («А что я говорил?!»). Он впитывал память каждой снежинки, каждого лучика солнца... Хочешь – спроси, что видел он за миллионы лет? Какие битвы, какие драмы, быть может, разворачивались рядом?..

И командир кивнул, закрыл глаза и прислушался к камню, который теперь замер в кулаке у его уха. Все с жадным любопытством замерли – и Алексей Александрович тоже. Вот спокойное выражение лица Кудрявцева сменилось слабым любопытством, затем улыбкой; тут же улыбка превратилась в гримасу – настолько ужасную, что виски профессора словно сдавила какая-то неодолимая сила; однако эта сила не могла заставить отвести глаза от лица друга, от его побелевших пальцев, которые, казалось, сейчас раздавят камень в порошок.

Романов вздрогнул (да и все рядом тоже), когда командир с видимым усилием открыл глаза и... улыбнулся. Виски словно отпустили чьи-то недобрые сильные ладони, и профессор открыл рот, чтобы задать вопрос..., Но Кудрявцев заговорил раньше:

– Как много плохого, просто ужасного было в прошлом – намного больше, чем хорошего. Или этому камешку просто не повезло. А вообще-то я тут себе нафантазировал наверное, и камень тут совершенно не причем.

Он опустил взгляд на ладонь, до сих пор сжатую в кулак и начал медленно разжимать пальцы. Потрясенный ученый так и не закрыл рта, наблюдая, как один за другим пальцы командира открывают всем на обозрение горстку мелкого песка – все, что осталось от камня. Профессор первым отвел взгляд от полураскрытой ладони; он не удивился тому, с каким жадным изумлением, любопытством и... восторгом смотрели его товарищи. В глазах сунувшегося вперед тракториста словно застыл возглас: «Это же командир! Он еще не такое может!».

Но больше всех был потрясен лама. Будто это не он только недавно протягивал камень Кудрявцеву, не он предлагал поэкспериментировать.

– Вот и смотри на результат эксперимента! – с некоторым злорадством подумал Романов, – а то пятьдесят лет, помедитируй... Нет у нас пятидесяти лет!

А лама Севера между тем пришел в себя очень быстро. Он ухватил командира за рукав куртки и, словно забыв от потрясения русский язык, без единого слова потащил его к темному входу в дацан. И опять гости столпились у входа в каменное жилище лам. Теперь оно выглядело более обжитым.

– Хотя, – обвел взглядом голые каменные стены профессор, – вроде ничего тут не прибавилось... Запах (понял он); запах копченого мяса – что же еще? Это тоже маленькое волшебство; волшебное мастерство Зины Егоровой.

Лама меж тем подвел командира к камню. Нет – к Камню с большой буквы. И в смысле размеров, а был этот «камешек» никак не меньше их «Эксплорера» – это без подземной части; и, конечно же, в части того неведомого, что он скрывал. В груди Алексея Александровича сладко зануло предвестием открывающейся перед ними тайны.

Полковник Кудрявцев уперся плечом в Камень, словно в тот самый внедорожник, застрявший в грязи, и покрытый инеем громадный валун сразу, без раскачки, и – что удивительно – без ожидаемого скрежета и визга раздавленных мелких камней отъехал в сторону. Словно был, как и «Эксплорер», снабжен невидимыми взорам колесам, на которых и проехал сейчас до противоположной от входа стены.

Но не камень теперь интересовал всех, а то, что он совсем недавно скрывал – круглое отверстие в полу, в которое нестерпимым глазу потоком врывались лучи другого (другого ли?) солнца. И это солнце, как совершенно точно понял Романов, светило людям двадцать первого века. Первой на этот раз опомнилась Ира Ильина. Она вдруг вытащила из кармана мобильный телефон и принялась тыкать в кнопки. Через считанные мгновения все остальные присоединились к ней, и профессор в том числе. Только командир и Толик Никитин стояли неподвижно, уставившись друг на друга.

Алексей Александрович, в отчаянии вглядывался в маленький экранчик, показывающий полное отсутствие здесь связи. Он краем сознания успел отметить, как Кудрявцев медленно кивнул и Анатолий, глубоко вздохнув (для храбрости, наверное), «нырнул» в это отверстие. Отчаяние не заполнило Романова, да и остальных разведчиков, тоже убедившихся в отсутствии заветных черточек на дисплеях; в первую очередь потому, что теперь они жадно ждали возвращения тракториста. А где-то на самом дне любопытства профессора жила и никак не могла исчезнуть не совсем честная мыслишка: «А вдруг он не вернется? Вдруг трактористу окажутся милее блага цивилизации и привычный мир без чудовищ и непонятного будущего; милее, чем мы; чем...», – его взгляд остановился на напряженном лице Бэйлы, которое вдруг прояснилось – когда в отверстии потемнело.

Тракторист спрыгнул на каменный пол как-то неудачно; если бы не сильные руки полковника, лежать бы ему сейчас у ног товарищей. Руки у тракториста были заняты. Он держал в них огромный ком кристально-белого снега, который тут же сунул в руки жене:

– Держи, ты, наверное, в своем Израиле никогда не видела такого.

К Бэйле с визгом бросились остальные девчата, так что только парни видели, как Камень, опять повинувшись рывку командира – теперь тот действовал одними руками, без плеча – занял свое привычное место. И профессор почувствовал вдруг, как что-то обрывается в нем, словно пуповина у новорожденного, покинувшего теплое лоно матери. Хотел ли он вернуться в прежний привычный мир?

Этот вопрос он задал не себе, а Толе Никитину, который первым вышел из дацана.

Тракторист на долгие мгновения задумался, а затем, к удивлению Алексея Александровича, рассмеялся и кивнул:

– Хотел бы.

– Так зачем...? – начал было Романов, но Никитин его не слушал и не слышал; он словно отвечал самому себе:

– Хотел бы пройтись по своей улице; набить кой-кому морду и заставить починить сарайчик бабе Оле. А потом... я бы выправил ему заграничный паспорт и отправил его в Израиль. Туда ведь виза не нужна? – повернулся он к жене.

– Нет, – ошарашено кивнула та, – а зачем?!

– Как зачем? – притворно удивился тракторист, – тебя искать. Там ведь ты меня еще не дождалась!

– Вот еще, – фыркнула Бэйла совсем по-русски, – нужен ты мне там такой старый.

– Ничего, – не обиделся Анатолий, – любовь зла...

– Если ты имеешь в виду того козла, которого привели китайцы, – со смехом вступила в этот семейный разговор Ирина, – то да, такого козла в Израиле точно нет.

Все дружно рассмеялись. Кроме Анатолия, который единственный, к удивлению профессора, стоял теперь с серьезным, даже торжественным видом:

– А вообще-то нечего нам там делать. Пусть сами разбираются. Наш дом – здесь!

– Вот это правильно! – поддержал его командир, – так что поехали, посмотрим, что еще у нас в доме не в порядке.

Через пару минут «Эксплорер» круто повернул направо, к темнеющей вдаль идеально ровной линии каменного отрога. Позади остался задумчивый лама Севера, забывший даже помахать вслед автомобилю. «А может это у них, тибетцев, не принято», – подумал Алексей Александрович, пытаясь понять, почему командир так и едет вдоль стены леса, когда их цель – неведомые лесные дебри – темнела в двух-трех километрах слева по ходу движения.

Он даже собрался задать этот вопрос, когда внедорожник резко затормозил и полковник, ни слова не говоря, выпрыгнул в открытую рывком дверцу и исчез в миоценовом лесу. В руках у него уже был арбалет; другой рукой он махнул, явно приказывая группе дожидаться командира. Это было не совсем честно по отношению к товарищам, зато вполне оправданно – признал профессор – ведь в густом лесу и он, и другие бойцы только мешали бы стремительно преследующему кого-то Кудрявцеву.

А лес, как оказалось, был не таким уж и густым. Иначе как командир ухитрился бы разглядеть в нем двух мальчишек, которых совсем скоро и привел, держа за руки. Нет – за руку он держал старшего – лет двенадцати; младшему не было, наверное, и семи, и он сидел на другой руке полковника, стискивая его шею своими ручонками с такой силой, что Маша с Дашей могли только позавидовать.

Казалось, никакая сила не оторвет этого сербского мальчишку о Кудрявцева; но нет – ласковые слова девушек, а потом и знакомая речь – это профессор опять стал переводчиком – заставили его все-таки разжать объятия. И вот уже оба давятся совсем крошечной (на их взгляд) порцией хлеба с мясом, запивая обед такой вкусной водой.

Как они смогли выжить в лесу, куда дружно драпанули, когда в сербский лагерь живой волной хлынули твари?! Что ели и пили две недели? Неважно – главное они дождались помощи. А тут еще новость, что рядом есть соплеменники, и совсем скоро они их увидят. Когда же еще позволил погладить себя Малыш...

– Ну что, – явно повеселевший командир советовался с командой, – едем домой?

Увидев ставшие враз кислыми физиономии парней, он рассмеялся:

– Ну хорошо, доедем до гор – тут совсем немного осталось – а назад вдоль того лесочка вернемся, – Кудрявцев показал на темневшую вдаль опушку, куда так стремилась душа Алексея Александровича.

Старший мальчик забрался на колени к Марио, младший теперь не отходил от тракториста, который на удивление всем мгновенно находил общий язык с детьми – может быть потому, что сам в глубине души был таким же пацаном? Во всяком случае, шлошничать он любил не хуже иного малолетнего хулигана.

До стены, выросшей перед ними как-то сразу, добрались очень быстро. Что такое для внедорожника с мощным мотором каких-то двенадцать километров. Все вышли из автомобиля. Мальчишки смотрели на отвесную стену, которая здесь доходила метров до трехсот, с восторгом. А взрослые – с понятным изумлением: какая могучая сила могла сотворить такое и, главное, зачем?

Вдоль этой стены, продолжающей расти с каждым метром, «Эксплорер» ехал медленно, словно командир каждый момент ждал засады. И дождался! Путь к неведомым джунглям преградила водная преграда; не очень широкая – метров пятьдесят. Но даже до нее добраться было нелегким делом. А точнее – смертельно опасным. Потому что берега этой стоячей реки, а точнее канала, тоже явно искусственного – вон какой он идеально ровный, – так вот эти берега буквально кишели крокодилами. А может, такое впечатление сложилось у профессора из-за их огромных, просто нереально громадных размеров?

Автомобиль остановился, не доехав до канавы метров сорок – ближе подъехать командир явно опасался. Мерно рокотал двигатель; рычаг переключения коробки передач стоял уже в положении заднего хода, а Кудрявцев все медлил, не давал команду на выгрузку. И профессор воспользовался этой паузой. Он открыл свой планшет, на который тут же покосился с завистью Никитин. Самому Анатолию подарили на свадьбу шикарный набор инструментом, которому тракторист искренне обрадовался.

Но теперь в руках Алексея Александровича был самый нужный на эту минуту предмет, в который его друзья – доцент Игнатов и Ежиков – в качестве свадебного подарка записали Википедию. И сейчас настала пора радоваться такому дару.

Романов не стал раздумывать – занес в поиск то, что видел перед глазами: «Вымерший гигантский крокодил». Ведь эти монстры явно не были современниками профессора. А Википедия выбросила сразу двух кандидатов – саркозуха и дейнозуха – вымерших миллионы лет назад крокодилов, действительно достигавших десяти, и даже пятнадцати метров – вон как тот экземпляр, который сейчас поднял голову и уставился немигающим взглядом на людей, все-таки покинувших автомобиль.

Увы, в Википедии не говорилось, и не могло говориться, как начинал атаку древний земноводный хищник. Этот побежал неторопливо, словно не веря, что рядом действительно находится добыча. Резко щелкнула тетива арбалета, но не знавшая прежде преград оперенная стальная смерть лишь скользнула по покатоному черепу, прочертив по нему длинную борозду. Тут же рядом громынуло. Вроде бы один раз, но профессор даже не оглядываясь, знал, что сейчас к плечу вскинули оружие и Бэйла, и Оксана. И действительно – выпуклые глаза хищника вдруг вспухли, взорвались кровавыми брызгами, но крокодил лишь запнулся на мгновение, и продолжил атаку.

Насколько острыми были слух и осязание хищника, смотреть было некогда. Больше того – не было времени даже запрыгнуть в автомобиль, тем более что водитель сейчас опять целился в крокодила. Был ли так уверен в этом выстреле командир?!

Тетива теперь щелкнула не так звонко; или это показалось Романову, уже зажавшую в руке ладонь Тани-Тамары, чтобы бежать вместе с ней в сторону – туда, где слепой уже древний хищник не сможет догнать добычу...

Крокодил словно споткнулся; более того, остановившись на мгновение, он вдруг закружился на месте, сразу подняв в воздух тучи травы и грунта – словно щенок, пытавшийся поймать хвост. Оказалось, что поймать и хвост, и остальные части тела уже мертвого, но до сих пор исторгающего океан энергии хищника, вполне возможно. Что именно – громкий звук выстрелов, запах крови или это бешеное вращение привлекло собратьев? Комья земли еще падали вниз, а ужасные пасти уже тащили мертвое тело назад, в тихие воды длинного омута. Через пару минут бешеный коловорот продолжился уже под водой – видимо более умные, или ленивые особи гигантской стаи ждали обед дома.

Профессор отпустил побелевшие пальцы жены и уставился на командира с укоризной. Тот вернул ему взгляд – уверенный как всегда; Алексей Александрович понял, что Кудрявцев держал все под контролем; только как быть с адреналином, который до сих пор бурлил в крови? И не только в его крови – надо было только посмотреть на потрясенные физиономии товарищей.

– Вот в чем разница, – задумчиво протянул командир, словно не заметивший его укоризненного взгляда, – со старым болтом можно послать только кинетическую энергию рогов арбалета...

– А с новым, пластмассовым? – в Романове проснулся ученый.

– С новым? – Кудрявцев задумался, наверняка формулируя ответ, – послать еще свою энергию, свое желание пробить кость, камень, броню; просто убить, наконец...

– Да.., – протянул Анатолий, – такому «крошке» человек на один зуб. Перекусит пополам и не почувствует.

– Что человек? – Алексей Александрович снова уткнулся в планшет, не забывая поглядывать на бурлящий водоем, – у этой водоплавающей ящерицы сила укуса в два раза больше, чем у тираннозавра. Он этого ящера вполне мог перекусить пополам. И перекусывал, кстати (это тоже было в Википедии). Оба этих крокодила – и саркозух, и дейнозух питались в том числе крупными динозаврами.

– Вот бы этих длиннохвостых сравнить с теми тираннозаврами, что за речкой живут.

– Ага, – засмеялся Марко, только теперь отпустивший руку Ирины, – на веревочке ответим.

– Интересно, – поменял тему профессор, – зачем их сюда перенесли?

– Как зачем? – удивился Анатолий, – затем же, зачем и нас, и собако-медведей, и тех же динозавров...

– Да? – резко повернулся к нему Алексей Александрович, опуская руку с планшетом, – а почему тогда эта канава тянется не поперек, а вдоль направлению движения динозавров?

– Я уверен, что там, – его рука протянулась в сторону, откуда приехал «Эксплорер», – эта протока продолжится. Такое ощущение, что крокодилы здесь для того, чтобы не разбежались... хотя бы они!

Теперь его палец показывал вверх водной поверхности, которая никак не успокаивалась. Там, в редких зарослях каких-то лиственных деревьев (куда им до миоценовых секвой!), стоял медведь. Нет, два... три – вот уже целая стая мохнатых хищников наблюдала за бурлением воды и, конечно, за незнакомцами у «Эксплорера».

И были эти «мишки» под стать древним крокодилам. Пальцы профессора опять забегали по клавиатуре. Википедия и теперь была готова помочь, и совсем скоро профессор уже бормотал под нос, впрочем достаточно громко, чтобы спутники могли расслышать:

– Гигантский короткомордый медведь; один из самых крупных хищных млекопитающих, обитающих в эпоху последнего оледенения. Высота в холке до метра восьмидесяти сантиметров; выпрямившиеся самцы достигали трех с половиной метров. Весили в среднем около шестисот килограммов, особо крупные экземпляры – больше тонны. Название – понятно... по форме морды, которая, кстати... точнее череп, а не морда, имеет больше общего с крупными кошачьими, чем с современными нам медведями. А это значит..., – тут Алексей Александрович оторвал взгляд от экрана и бросил его на хищников, застывших за протокой, – что никакая ягода-малина их не устраивала. Только мясо – лошади, бизоны, верблюды. Ну и человек, конечно – те его предки, что обитали на американском континенте. А потом – примерно двенадцать с половиной тысяч лет назад... ну, вы понимаете, что я имею в виду, короткомордые медведи вымерли. Скорее всего потом, что резко сократилось количество те самых крупных млекопитающих, которыми он и питался.

– Ну эти-то живее всех живых, – опасливо добавил Никитин, – худоваты, правда... Видать тут тоже эти самые млекопитающие вымерли...

Тут он осекся, поскольку понял, какими млекопитающими могли питаться эти хищники. Тягостную тишину нарушила Бэйла:

– Командир?..

Вопрос она могла задать только один, и касался он, как понял профессор, винтовки Драгунова, которую израильтянка медленно поднимала к плечу.

– Нет! – остановил ее возглас командира.

Еще раньше хищники, казалось такие неповоротливые, исчезли в зарослях. Только двое остались на месте – не самые крупные – те, что, может быть, добровольно подставляли себя под выстрелы. Или так распределялись роли в этой стае мохнатых зверей. По крайней мере ни у кого, включая профессора, не оставалось сомнений – хищники были знакомы с огнестрельным оружием; с результатами его применения...

Автомобиль тронулся в путь – медленно, на расстоянии тех же сорока метров от протоки. Провожали ли их взглядами неподвижные серо-зеленые монстры? Никаких видимых подтверждений профессор не замечал. А вот мишки переваливались на ходу следом за «Эксплорером»; держали ту же безопасную дистанцию от своего берега.

– Мы что, – так и будем кататься? – наконец не выдержал Анатолий.

– А что ты предлагаешь? – командир вглядывался куда-то; вроде бы опять в сторону их родного, миоценового леса.

– Давайте начнем выбивать этих крокодилов. Когда-то ведь это придется делать. Почему не сейчас? Ведь там, – тракторист махнул рукой направо – туда, где неторопливо трусили медведи, – может быть живые люди нас ждут.

– Ага, – чуть сварливо, на правах законной жены возразила Бэйла, – а потом эти мишки, а может и кто пострашнее, в два прыжка перемахнут через лужу и окажутся у нас в лесу. Сам ведь сказал, что они голодные. Что они начнут делать?

Вопрос остался без ответа, потому что командир все-таки что-то высмотрел и резко затормозил.

– Меня больше беспокоят не крокодилы с медведями, а вот это! – он ткнул пальцем в стену миоценового леса.

Нет не в стену, а повыше нее – туда, где едва различалось взглядом облачко сизого дыма. Облачко росло и означало оно лишь одно – в лагере что-то случилось и чья-то рука (скорее всего это был начальник охраны) подожгла сигнальный костер. Или два костра. Или, что было хуже всего, сразу три, что означало, что дела в русском лагере совсем плохи и требуется немедленная подмога. Два означали опасность, с которой дежурная смена справлялась сама. Единственный сигнальный костер звал: «Ваше присутствие желательно, потому что произошло что-то непонятное, пока не грозящее бедой...».

Разглядеть на таком расстоянии, сколько дымных столбов поднималось в небо, и как они объединились благодаря ветрам над лесом, было совершенно невозможно – до лагеря отсюда было больше двадцати пяти километров. И самый ближний путь (не считая, конечно, извилистых лесных троп), был тот, что вел вдоль крутой стены – почти до самой реки, до Волги. А дальше, по пойме, практически рукой подать.

Алексей Александрович не успел поделиться таким рассуждением. Командир резко, практически на одном месте развернул тяжелый автомобиль и погнал его навстречу стремительно растущей каменной стене. Однако лететь к этой преграде по траве не было никакого смысла – «Эксплорер» круто повернул, как только достиг последней секвойи; вправо вела такая же широкая полоса заросшей равнины.

Профессор украдкой прижал руку к левой стороне груди, где опять кольнуло; скорее это был психологический, а не физический укол – ведь именно здесь, под зловонной хижинкой дикарей он совсем недавно едва не простился с жизнью. Таня-Тамара не пропустила это движение; может быть, она тоже почувствовала нечто подобное? Ее рука стиснула другую ладонь Романова, и боль постепенно отпустила.

А внедорожник здесь прибавил в скорости, и прибавил хорошо. Ведь вдоль стены леса уже несколько дней ездили трактор с телегой и легковой транспорт, так что до следующего

поворота ничто не должно было помешать «Эксплореру», мчавшемуся сейчас, словно по автобану со скоростью (профессор пригляделся со своего сидения во втором ряду кресел к спидометру) никак не меньше ста километров в час. И этот замечательный автомобиль буквально «проглатывал» все кочки, неся пассажиров ласково и вальяжно.

Вот промелькнули по правую руку развалины валлонского лагеря, чью мертвую тишину уже не нарушало мычание коров; совсем скоро мимо пролетели еще одни каменные останки, помнящие (если верить ламе Севере) в тот числе и пьяные выкрики тайваньских парней. А вот и высокая крыша хижины маньчжурского шамана, бывшего портала, связывавшего когда-то их новый мир с прежним.

– Ничего, – успел подумать Романов, провозжая взглядом остроконечную крышу, возвышающуюся над развалинами, – у нас есть другой портал. И пусть никто не собирается бежать из этого мира, сама возможность вернуться... домой, в Санкт-Петербург, греет душу.

В последнем перед поворотом лагере развалин практически не было; все сборные постройки и медицинский фургон африканцев уже обрели постоянную прописку в русском лагере. Но именно здесь командир остановил автомобиль, притормозив его перед поворотом. Он легко выпрыгнул в дверцу; все последовали за ним – не затем, чтобы размять ноги, ведь просидели они в салоне не больше пятнадцати минут. Нет – они сгрудились вокруг полковника Кудрявцева, который рассматривал на лишенном растительности пятачке рыхлой земли отпечатки ног. Босых ног. Он медленно поднял голову и, найдя профессора, кивнул:

– Вот они, твои дикари!

Профессор кивнул в ответ, проглотив встречный вопрос: «Почему мои?», – потому что раньше прозвучал другой, тревожный возглас:

– Командир!

Кричал Никитин, который единственный сейчас стоял поодаль от группы, у другой такой же проплешины. Тут тоже были следы босых человеческих ног, и Анатолий прикладывал свою, в берце, к одному из них – громадному, наверное, в полтора раза превышавшему размерами отпечаток кожаной подошвы.

А командир вдруг громко выдохнул и уже совсем не тревожным, даже скорее веселым голосом воскликнул:

– Ну что, Анатолий, ждал в гости Николая Валугева? Вот он и прибыл.

Рука его тем временем тянулась вперед – туда, где над русским анклавом вырастал темный столб дыма. Один!..

К дому подъезжали медленно, едва фырча двигателем внедорожника. Может потому к ним не повернулся никто из толпы, окружившей кого-то, или что-то за пределами огорода. А может, никто не обратил внимания на автомобиль, потому что окрестности заполняла музыка, от которой невозможно было оторваться?

Аккордеон что-то надрывно спрашивал у рябины, что «стояла, качаясь»... Чей-то голос (Лариса Ильина – узнал профессор) отвечал за рябину, что та никак не может перебраться к дубу, а многоголосый хор – без слов, одним напевным длинным девичьим стоном подтверждал – да, не пара дубу рябина; как не пара коню трепетная лань, волку ягненок, а русским... Нет – всем людям – вот эти статные полуголые «красавицы», что выстроились перед сидящей на сером кубе (одном из первых образцов строительных конструкций) Ириной Жадовой. Последняя вдруг замерла, остановив меха аккордеона – девушка увидела подходящего командира с товарищами. Она испуганно заморгала и повернула лицо направо – туда, где стоял, наверное, самый примечательный гость. В этом гигантском старике, одетом в выделанные звериные шкуры и опирающемся на огромный, явно неподъемный посох, Романов угадал было чьи-то знакомые черты, но эта догадка тут же растаяла, спугнутая строгим вопросом командира:

– Это что за концерт художественной самодеятельности? И почему гости поют голодные?..

Глава 35. Де – правнук вождя

Зверь в логове глухо заворчал. Де тоже ворчал бы, больше того – кинул бы в того, кто посмел разбудить его ранним утром, чем-то тяжелым, что первым попало бы под руки. Но у пещерного льва не было рук; зато у него были страшные клыки и длинные когти, для которых порвать в клочья и шкуры на теле правнука вождя, и само тело не составляло никакого труда.

Хо! Пусть этот зверь доберется сначала до тела не-зверя; до его – такого мощного и красивого – тела, или до тщедушного тельца брата по второй матери Лая. Пусть лев попытается преодолеть вроде такую хлипкую преграду – ствол приречного дерева, перегородившего сейчас вход в логово. Бревнышко, зажатое меж камнями так, что предоставляло свободный ход только поверх себя, конечно стремительного броска зверя не выдержит. Но зачем ему, пещерному льву, бросаться на твердый и несъедобный кусок дерева, когда над ним вроде бы достаточно места, чтобы протиснуться наружу и успеть вонзить клыки в сладкую сочную плоть двуногих?

По правде сказать, все это – и бревно, и обманчивую щель над ним, придумал Лай. Но кто его будет спрашивать? Победа над ужасным; самым опасным, а потому самым почетным в качестве трофея хищником, все равно будет его – Де, сына Дена и правнука Дената. Дед погиб точно в такой охоте; он так и не стал Деном, оставшись в памяти просто Де... Точнее, ни в чьей памяти он не остался – кто будет помнить о неудачнике, у которого не хватило отваги или мозгов? А может быть, просто рядом не было такого... признаем – умного брата по второй матери.

Чуткое обоняние не-зверя почуяло терпкий запах льва. Тот был уже рядом с хлипкой преградой; даже вроде бы царапнул деревяшку когтями, отчего она мелко задрожала. Инстинкт, наверное, подсказывал зверю – неспроста совсем рядом ждут его источающие вкусные запахи двуногие, не надо совать голову в эту щель...

– А сам я, – ощерился про себя Де, – сунул бы голову в эту ловушку? Вот Лай бы не сунул, а я? Нет! Я бы разнес вдребезги эту тонкую деревяшку, вырвался на волю и рвал бы, рвал на части, заполняя сладкой кровью и мясом живот так, чтобы потом можно было в приятной истоме заползти в логово и валять там на мягких шкурах львицу...

Вот между каменным сводом и бревнышком показался нос – черный, блестящий, с шумом втягивающий воздух. Затем – рывком – на бревне оказалась вся голова пещерного льва, огромная, с зачатками гривы. Глаза хищника – почти не-звериные, потому что дикое животное никак не могло смотреть так изумленно, моргнули. А удивляться было чему. Двуногий не-зверь, который должен был сейчас удирать без оглядки от своего неизмеримо более сильного противника, стоял перед львиной мордой на расстоянии двух вытянутых рук. И в этих руках была...

Открывший глаза зверь не успел разглядеть Священную дубину в руках не-зверя, потому что она уже стремительно падала вниз. «Крак!», – с таким же звуком, только намного тише и как-то... беззлобно, что ли, маленький Де когда-то колол камнем лесные орехи. Череп хищника был намного крепче ореховой скорлупы, но и в руках совсем взрослого (двадцать зим!) охотника был не обычный камушек.

Священная дубина представляла собой огромный, весом, наверное, с Лая, молот (запретное слово, которое даже наедине нельзя произносить вслух!) из небесного металла (еще одно такое же!) – единственный такой предмет в племени. Да что там говорить – во всех племенах не-зверей, которые время от времени приходят на их родовой холм, на который когда-нибудь волчица принесет двух младенцев (так говорит прадед). Приходят, чтобы поклониться эти самым священным вещам – дубине (молоту), который сегодня Де взял в руки в первый и в последний раз в жизни, двум мешочкам с едва угадываемыми в них камнями, которые прадед никогда не доставал – по крайней мере на глазах у правнука. Наконец третьими, не такими

загадочными, предметами поклонения были еще два мешка из шкур. Эти были побольше, и в них хранились желтые кружочки с нацарапанными на них закорючками – совершенно одинаковые и почти невесомые.

По крайней мере когда вчера вечером прадед достал из меньшего мешка один такой кружочек и положил его на широкую ладонь правнука, Де почти не ощутил ее веса. А Денат ловко подцепил кружочек и бросил его в мешок. С грустным лицом – Де впервые видел такое выражение у сурового прадеда – он сказал:

– Скоро еще один кружочек брошу в этот мешок (он шевельнул тот, что был, наверное, впятеро больше первого) и в первом станет на один меньше.

– Но когда-то он совсем опустеет? – задал совершенно естественный вопрос правнук.

– Да, – кивнул вождь, – и тогда не-зверей не станет на этой земле.

– И кто же тогда будет убивать пещерных львов, кто будет жить на этом холме?

– Не знаю, – признался в своем незнании вождь – тоже впервые на памяти правнука, – кто-то придет нам на смену; может те четверорукие и хвостатые, которые не боятся прогневить Спящего бога; которых завещал опасаться великий предок Денатурат.

Имя священного предка прадед произнес, как всегда, с благоговением. Вообще-то оно тоже было под запретом, но только не для вождя. А потом... потом прадед произнес чудовищные, в понимании Де, слова:

– Совсем скоро ты, мой правнук и мой наследник, бросишь одну монетку в другой мешок. Да, – ответил он на невысказанный вопрос не-зверя, – Мина понесла от тебя, и нам уже сейчас надо искать вторую мать для твоего сына.

Де, глухо замычав от ярости, обиды и раздражения, выскочил из родовой пещеры, которая была здесь, на склоне холма, куда когда-нибудь волчица принесет двух младенцев, с незапамятных времен – может быть со времен самого Денатурата! И ярость молодого не-зверя была понятна. Теперь ему нельзя было валять на мягких шкурах подруг – а до сегодняшнего дня все девушки и женщины в племени, да и в других племенах тоже, могли и обязаны были принадлежать ему – по первому зову, в любое время и любом месте.

Такое право молодой не-зверь считал самым приятным в положении члена Рода, которых – членов – было под небом всего трое. Он сам, прадед и отец Ден, которого вождь давно перестал воспринимать как своего преемника. Наверное потому, что Дена больше волновали не дела Рода, а дела племени; слишком он стал близок в низшим не-зверям и слишком далек от деда и сына. Но это его дела. А вот как быть Де? Как он будет обходиться без покорных ласк девушек, без их первых испуганных вскриков, без их неистовых ласк потом, когда они понимали, что лучшего мужчины, чем Де, среди не-зверей нет?

Нарушить запрет? Де содрогнулся всем телом. Он вспомнил, как его, мальчишку шести зим, прадед взял поглядеть на остатки племени, нарушившего запрет; как он стоял вокруг окровавленных кусков низших не-зверей (ну это-то было совсем ерунда – одним племенем низших больше, одним меньше) и как зачем-то вернулась на эту бойню та, что учинила тут разгром. Седая медведица, палач Спящего бога.

Ее никто не видел, кроме мальчика, в свои шесть лет почти догнавшего ростом взрослых низших. Медведица не тронула его, только зевнула протяжно своей длинной волчьей пастью и заглянула в глаза Де. Этот взгляд не-зверь помнил до сих пор; помнил обещание того необъятного ужаса, который ждал персонально его в случае нарушения запретов, которых в их жизни больше, чем разрешенного.

Так что нарушить табу он не посмеет. Как-то переживет. А копившуюся злобу и нерасвоенную внутреннюю энергию, которую до сих пор расходовал на покорных низших, будет изливать как-то по-другому. Хотя бы вот так!

Тяжеленный молот поднялся и опять обрушился на полурасплющенный череп уже мертвого льва. Де колотил по нему, не замечая тяжести орудия, пока бревнышко, до сих пор пруг-

жиящее под его ударами, не переломилось пополам. Тогда он отошел в сторону и сел, обняв лоснящиеся в лучах восходящего солнца мокрые плечи. Теперь очередь потрудиться перешла к низшему брату. Тот еще как-то осилил две половины бревна, с трудом выдернув их из-под мертвого хищника. А вот сам лев...

Правнук вождя усмехнулся и все-таки встал, понаблюдав немного за тщетными потугами коротышки. Он отодвинул Лая в сторону и рывком выдернул тушу хищника наружу, не побоявшись испачкать руки в крови и мозгах пещерного льва.

– Что значит не побоявшись? – спросил он вдруг себя, – я никого и ничего не боюсь! Кроме прадеда... немного; и Седой медведицы.

Он снова содрогнулся всем телом и, поставив ногу на недвижимое тело льва, поднял голову навстречу солнцу. Окрестные холмы озарил яростный крик двуногого хищника, в котором была большая доля звериного, несмотря на то, что парень гордо называл себя не-зверем...

Вечером был пир. Прадед даже разрешил готовить праздничные блюда в своей пещере – тут многие запреты снимались, и в очаге мясо поливалось изумительным настоем трав, от которых мясо хотелось есть и есть, пока тяжелый живот не потянет сам набок, на мягкие шкуры, где так хорошо... Нет, об этом лучше не думать, так же как о Мине, устроившей ему такой неприятный сюрприз и о сыне (конечно будет сын, а кто же еще, если за тысячи поколений не было ни одной женщины-высшей), которого он даже не хотел себе представлять. Любил ли он его так, как любят беззаветно своих щенят дикие звери? Он не дикий. Он не-зверь! И сам будет решать, кого ему любить, а кого нет. А пока он лучше понаблюдает за прадедом, который сидел в своем углу, на почетном возвышении и... Вдруг начал заваливаться назад.

Правнук первым оказался у тела, возбужденный, не знающий – радоваться тому обстоятельству, что он, кажется, станет главой и этого, и всех остальных племен низших не-зверей, или страшиться этой ответственности. Он не успел дотронуться до прадеда, потому что тот оттолкнулся от стены своей опять обретшей упругость спиной, и поглядел с усмешкой и... Все-таки с благодарностью, на правнука, первым метнувшимся поддержать его. Его суровое лицо тут же стало еще суровей, почти сравнявшись застывшей непреклонностью с серым камнем позади. В свете яркого огня костра глаза казались безумными; корявые в тех же метущихся отблесках пальцы вытянули из-под шкуры на груди (впервые в жизни, по крайней мере на памяти двадцатилетнего не-зверя) еще несколько – тоже явно священных – предметов: нанизанные на толстые нити бусины разной величина и цвета. Пальцы начали перебирать эти округлые камни, пока не нащупали самый темный, и прадед наконец заговорил. Заговорил торжественным и одновременно безысходным голосом:

– Спящий бог проснулся. И прислал под наше небо свою Седую медведицу... И еще другие чудовища, чтобы... Не знаю, не пойму зачем?..

– Какое племя мы будем оплакивать? – это отец задал такой нужный сейчас вопрос.

Нужный, в смысле – не к нам ли направляются эти чудовища? Корявые пальцы опять заелозили по груди. Это длилось долго, нестерпимо долго – так что костер почти прогорел. И никто без разрешения вождя или его потомков не решился встать, чтобы подкормить жадное пламя сухими ветками.

– Вот! – наконец произнес прадед.

Во тьме угла не было видно его лица, какая гримаса – радости или ужаса исказили его голос, который Де не узнал бы, если бы не видел своими острыми глазами, как едва шевелятся губы Дената:

– Придет Великий охотник... Должен прийти, со своим племенем. И Спящий бог... боится его прихода (в голосе говорящего теперь было великое изумление). Потому шлет против него такие силы, каких никогда еще не было одновременно под нашим небом...

– Я! – вскочил неожиданно для себя Де, – я Великий охотник!

И действительно, разве не он сегодня поразил единственным ударом пещерного льва, разве есть у него противники на холмах, и далеко за их пределами? Прадед устремил навстречу ему недоумевающий, а потом разгневанный взгляд, и... Какая-то чудовищная сила вдруг снесла парня на каменный пол – на глазах у низших не-зверей. Его, одного из трех высших! Де вскочил, готовый рвать на части любого, и... Опустил тяжелые кулаки, наткнувшись еще на один взгляд, теперь насмешливый. Это Ден, отец, наградивший его оплеухой, чего не делал никогда в жизни, стоял перед ним, огромный и несокрушимый в пламени снова ярко вспыхнувшего костра.

– Убить зверя – даже мохнатого длинноносого великана или владыку пещерных львов трудно, но можно. Но этого мало, чтобы стать Великим охотником. Для этого надо...

– Что для этого надо? – Де устремился всей своей сущностью к отцу – тоже, наверное, впервые в жизни.

– Для этого надо, чтобы не сам ты, а другие признали, что ты Великий. Не сказали, а признали – всем сердцем. Ты готов ответить на этот вопрос?

Молодой не-зверь оглядел лица соплеменников – сначала низших, которые прятали взгляды, даже Лай; только Мина дерзко смотрела, не отводя глаз, в которых он прочел: «Нет, ты не Великий охотник. И никогда им не станешь!».

Потом парень взглянул на прадеда. Тот ответил немного виноватым, но таким же, решительно отказывающим в праве именоваться Великим, взглядом. И Де побрел из пещеры, в который он провел все эти годы, как оказывается самые счастливые в его жизни. И, уже сидя на холодном камне, под яркими звездами, он поклялся, что пройдет время, и эти звезды будут светить только ему, или только неведомому Великому охотнику – другого не дано.

А утром прадед объявил волю предков – племя покидает священный холм, на который волчица когда-нибудь принесет двух младенцев, и направляется навстречу судьбе, навстречу великой битве со Спящим богом. Битве, в которой все племя, и наследник Де в том числе (тут прадед строго поглядел на правнука) выступят на стороне Великого охотника.

– Когда Спящий бог будет повержен, – мрачно улыбнулся Де, – Великий охотник тоже может умереть, неважно по какой причине и от чьей руки.

Он успел заметить такую же ухмылку прадеда, и внезапно успокоился – понял, что замыслы вождя не сильно отличаются от его собственных. Поэтому он, не сопротивляясь, принял на себя обязанности, возложенные на время похода отцом, у которого (тут прадед и правнук не сговариваясь согласились) отлично получалось руководить племенем по хозяйственной части.

Священная дубина (молот) в пути конечно не подарок; надоела уже в первый день, за который Де успел и налюбоваться на зеркально-чистую поверхность металла, и ощупать все неровности рукояти, особенно каких-то царапин, глубоко вдавленных в этот неизвестный материал. Не камень, не дерево – удивительно прочный, который не брал даже кремневый нож не-зверя. Царапал, точнее пробовал царапать эту рукоять Де, конечно же украдкой, чтобы не увидел кто-нибудь, а особенно прадед.

Но прадед не замечал ничего вокруг; он тяжело шагал, опять перебирая пальцами те самые бусины – теперь он не прятал их от взглядов окружающих. И были эти бусины – точно! Были они из того самого материала, что и рукоять Священного молота. Только какая же сила смогла просверлить в этом материале, не поддающемся даже острейшему ножу, отверстия? Кто мог сотворить такое? Разве только сам Спящий бог? Или великий предок Денатурат, не побоившийся сразиться с этим самым богом?

Но если великий предок не смог победить его, как это сделает Охотник? В голове окончательно запутавшегося парня загудело, а тут еще круглые от изумления и страха глаза Лая, углядевшего оказывается его попытки поцарапать священный предмет.

– Не гляди, куда не надо, – злорадно подумал Де, вручая брату по второй матери молот, – сейчас у тебя глаза совсем на лоб вылезут.

Сам он умчался вперед – с копьем – не дожидаясь, что скажет на его самовольство прадед, а тем более отец. Высшие ничего не сказали, когда племя дошагало неторопливо до уютной долины, где Де уже разделявал огромного оленя.

А потом был еще один день, еще, и еще, и еще. Менялась только погода – все чаще лили дожди, и жарче грело солнце. Добычи в новых краях было не меньше, чем в родных холмах. Потом ее стало столько, что уходить далеко от племени больше не требовалось. Зато появились хищники. И падальщики. Последние уже не скрывались – тащились за племенем, подбирая то, что оставалось на временных становищах. Оставалось много, потому что добыча сама шла в руки, а останавливаться хотя бы на день вождь запретил. Так они и брели – не быстро и не медленно; так, как позволяла старость вождя. Он действительно сдавал на глазах; высох – но огонь в глазах горел только ярче.

Пару раз попались мохнатые длинноносые. Не такие, какие забредали на холмы в суровые зимы; много крупнее. И длинных зубов у этих великанов было не два, а четыре, и нижние были плоскими – такими легче выкапывать сладкие корни. Это объяснил Лай – и отец одобрительно кивнул, соглашаясь. Конечно, на этих великанов племя не охотилось – кому хочется попасть под ноги, подобные стволам самых толстых деревьев? Но один раз на пути племени попался полуобъеденный костяк такого зверя, от которого порскнули во все стороны маленькие рыжие хищные зверьки; вот там брат по второй матери и объяснил что к чему. За это он тащил тяжелый молот дольше обычного.

Все чаще взгляд Де останавливался на животе Мины – тот стремительно рос, но пока молодая женщина еще скакала наравне с подругами, подобно годовалой оленихе; совсем как та, которую парень заколол сегодня копьем, выпрыгнув из засады. Он мог, конечно, и догнать животное – длинные ноги и могучие легкие позволяли. Но кто же так поступает? Всем известно – как раз у этих зверей во время длинного бега в жилы изливается горькая жидкость, и есть такое мясо можно только во время великого голода.

– А потом, – подумал он, – надо же тренироваться наносить разящие удары из засады... Ну да, исподтишка, в спину не ждущего удара противника, – не стал он скрывать от себя подленькой мысли, – если уж по-честному, лицом к лицу не получится.

И эта мысль не ужаснула парня. Он наконец-то определился и со своим отношением к будущему сыну – равнодушие. Полное равнодушие, есть он или нет. Самое главное – сам высший не-зверь Де, будущий Ден. Одна буква к имени – все, что правнук вождя ждал от своего ребенка.

Потом прадед заспешил; остановки стали короче, а переходы длиннее. Мина уже не скакала; брела едва ли не тяжелее восьмидесятилетнего вождя. Брела, цепляя босыми ногами горячий песок. Да – вокруг широкими полосами перемежались заросшие травой луговины и непонятные и неприятные глазу, а пуще того, ступням, целые отвалы звонкого песка, котрым, наверное, можно было засыпать все священные холмы.

Пески не пели – до тех пор, пока однажды не задул ветер – резкий, порывами – который внезапно закружил вихрем, мгновенно скрыв в непроглядной колючей мути все племя. И Де самым постыдным образом испугался – испугался того, что так и будет кружить с закрытыми глазами до скончания последних зим, даже после того, как последний желтый кругляш упадет в большой кожаный мешок.

Но песчаная буря кончилась, а племя не досчиталось пятерых не-зверей – всех низших. Мужчину, двух девушек и двух детей. Их не было жалко, по крайней мере, молодому высшему; он искренне не понимал, чему так сокрушается отец. Нарожают еще – что им, низшим; на них ведь запрет не распространяется. А прадед, словно послушавшись Дена, резко повернул налево, отклоняясь от курса, по которому гнал племя.

Через день путь им прекратила река, несшая свои воды назад – туда, откуда они пришли. Денат целый день качал недовольно головой; он словно не верил своим глазам. Молодой высший тоже решил разобраться – приглядывался к берегам, пытался высмотреть в воде неведомых монстров. А понял раньше опять-таки Лай:

– Кажется, эта река течет вспять; раньше она текла в том направлении, – низший брат махнул туда, куда брело племя, подгоняемое вождем.

Де сначала удивился такой длинной и связной фразе – подобная речь тоже была под запретом. А потом понял – Лай был прав. Тогда возникал другой вопрос: «Как же она текла туда, если впереди встают неприступной громадой горы?». И опять сын второй матери поразил его, задав свой вопрос, много практичней:

– А как мы преодолеем эти горы?

Де оглянулся на Мину, которую как-то придется переводить, а может быть даже переносить через заснеженные – видно даже отсюда, за много переходов – перевалы. А без нее не будет нового имени, не будет еще чего-то существенного, чего он пока не понимал. Кто в этом виноват? Конечно Великий охотник, ведь именно его появление сорвало с места племя.

Наутро племя разбудил взволнованный возглас караульного. Он таращил глаза и тянул руку назад – туда, откуда они пришли вчера. На месте покрытой травой степи там гуляли волны. Противоположного края неведомо откуда взявшегося пространства, заполненного соленой, противной на вкус водой, не было видно, как бы не вглядывался туда парень. Если бы там были такие же горы, какие ждали их впереди, может быть не-зверь и определил бы, сколько переходов отделяет его от места, от которого можно было бы вернуться на родные холмы. Теперь же дороги домой не было. И это тоже зачтется Охотнику.

А прадеду теперь было все равно; его гнала вперед только одна мысль – успеть на Великую битву. Но рассудка он не потерял. Дал отдохнуть племени перед горным переходом. Женщины наготовили мяса, добытого молодым высшим; воду решили не брать – поначалу переход продолжится вдоль одной из бесчисленных горных речек, которые сливались в долине в одну большую, поменявшую каким-то образом свой извечный путь. А дальше... Дальше будут снега, которые они или преодолеют... или снега одолеют их.

Преодолели не-звери. Последние полперехода Де тащил Мину на спине – спиной к спине, потому что своим огромным животом она не могла прижаться к его крепкому хребту, а держать ее на руках парень не мог. Он обдирал ладони об острые льдины, стараясь уцепиться железными пальцами в каждую трещину. Еще непомежной тяжестью гнул книзу тяжеленный молот. А Лай? Брат по второй матери сам едва передвигался, но дотерпел – упал уже внизу, на мягкую теплую траву. Рядом повалилась сразу половина племени; остальные остались в горах. Лишь трое высших стояли на ногах. И крепче всех, признал Де, его отец. Может потому, что он шел налегке?... Вторая половина племени осталась в горах навсегда. Но высшему и теперь было все равно. То, что как-то волновало его, он принес сюда собственными руками.

Мина и молот лежали рядом – мертвое оружие и живая женщина; пока живая женщина. Потому что мать высшего всегда умирала при родах. Это не было традицией, это было данностью – маленькая женщина из низших могла выносить крупного ребенка, но разродиться сама не могла. И тогда в ход шел каменный нож вождя – бережный к потомку, но безжалостный к женской плоти. Так что сейчас молот был для него важнее: он даже представил, как это священное оружие летит, вращаясь, прямо в ненавистный затылок... Де даже закрыл глаза в сладком ужасе – он вдруг понял, что видит картину будущего; что прадед не врал! Стоит только захотеть – захотеть до ужаса, почти до собственной смерти – и можно увидеть грядущее, и даже... управлять им. Но это дано немногим; вот великий предок умел. Но даже это не помогло ему в битве со Спящим богом.

Теперь перед ними лежала равнина; и по ней тоже протекала река, берущая свое начало высоко в горах. Вдоль нее племя – его остатки и пошло. В первый же вечер со старым вождем

произошла еще один странный случай – подобный тому, что случился в родной пещере. Только здесь не было надежных каменных стен, так что Денат опрокинулся на спину. А когда успевший теперь первым Ден (его сын даже не тронулся с места) помог подняться деду, все поразились. Сейчас перед костром сидел не вождь; сидел просто глубокий старик – пусть огромный, крепкий еще – но старик. И старик невероятно счастливый – до слез, которые текли из глубоко сидящих глаз и пропадали в глубоких морщинах.

– Все, – выдохнул он наконец, – нет больше Седой медведицы! Убили ее.

– Кто? – оживился Де, – Великий охотник?

– Какая разница? – махнул рукой вождь.

– Нет, – решил про себя его правнук, – еще и этот кусок славы тебе, Охотник... А впрочем – спасибо тебе на этом. Значит, медведицу можно не ждать? Значит, запретов больше нет?

Он встал и направился к низшим – туда, где сегодня не одна, и не две красавицы вспомнят, что в племени есть высший не-зверь. Тот, кто очень соскучился по их ласкам. Де не дошел. Потому что на его пути выросла громадная фигура отца, которого смахнуть с дороги не позволяли ни традиции, ни хмурый взгляд прадеда, ни...

– И желания особого, в общем-то не было, – с удивлением понял он.

Нет, желание как раз было – жгучее, сжигающее изнутри, но к красавицам из низших оно никакого отношения не имело...

Путь вдоль реки оказался не таким уж и безопасным. Здесь тоже были крупные животные – хотя бы те же плоскозубые длинноносые великаны. Но от четвероногих великанов племя, хотя и сильно уменьшившееся и измотанное долгим переходом, могло отбиться – выставив вперед цепь ошестинившихся копьями охотников. А вот в реке таились неизведанные и гораздо более опасные твари.

Когда рано утром одна из девушек зашла в реку по колено, чтобы набрать в долбленку воды почище, рядом вдруг все вскипело множеством брызг и водоворотов. Несчастная низшая успела только коротко вскрикнуть, а бросившиеся на подмогу охотники замерли в ужасе – сквозь брызги и пену были хорошо видны длинные и толстые руки черного цвета. Нет, не руки – словно огромные змеи обвили девушку и утанули ее в темные глубины так быстро, будто ее и не было. Успокоившаяся река опять неторопливо несла свои воды вниз, и туда же брели не-звери, для которых вода теперь тоже стала добычей – не менее опасной, чем дикие звери. К исходу двух рук ночей впереди показалось темная громада леса – не те хлипкие приречные заросли, из которых и костра-то настоящего не разведешь. А когда еще через одну руку племя достигло этого леса, Де не хотел верить своим глазам – деревья тут стояли настолько громадные и величественные, что первый шаг под них хотелось сделать с поклоном – так же, как в пещеру предков.

– Стой! – Де так и не успел сделать этого шага, потому что прадед окликнул его с вернувшейся силой и властью в голосе; правнук оглянулся – в лице старого высшего страх явно пересиливал любопытство, – это родовой лес Седой медведицы!

И Де не рискнул, опустил ногу, так и не переступив незримую черту. Потому что понял – из-за каждого ствола, с каждой мохнатой вершины ему будет чудиться взгляд чудовищной твари; и одно это ожидание способно свести с ума.

А дед скомандовал: «Вперед!», – и еще долгие часы – до самого солнцестояния в верхней точке небосвода не-звери брели, бросая жадные и испуганные взгляды в чашу. Скоро шаги сами собой стали тверже, а руки охотники крепче сжали копья; Де отобрал у Лая Священный молот. Потому что впереди показалось что-то необычное, явно не созданное природой – так ровно и однообразно творить она не могла.

Прозрачная, словно сотканная гигантскими пауками преграда песочного цвета заставила идущего впереди племени младшего высшего повернуть налево, от леса. Преграда была достаточно хлипкой и снести ее правнук вождя мог даже без молота, но совсем рядом о чем-то

кричал ее хозяин (или один из хозяев), который взобрался на высокий помост, скорее даже хижину на четырех длинных столбах. Кверху тянулась лестница, по которой этот не-зверь и взобрался... Погодите! Это существо наверху не было не-зверем! Оно ходило на двух ногах, было одето в какие-то гладкие шкуры и тянуло вперед какое-то совсем не острое корявое копьё из... Металла! Из проклятого металла, одно упоминание о котором обычно заканчивалось изгнанием из племени! И это в лучшем случае.

Де оглянулся на прадеда с беспомощным видом – совсем как в детстве – а тот сам потрясенно смотрел, как незнакомец приложил к губам какой-то прямой рог из желтого... тоже металла! И вот уже широкую пойму заполняет рев длинноноса, если бы у того могло быть металлическое горло.

Совсем скоро незнакомцев стало много – и мужчин и женщин, которые – признался себе не-зверь – несмотря на инородность, выглядели значительно соблазнительней низших девушек. Если кого и можно было сравнить с быстроногой ланью – так это вон ту светловолоску; а вот эту черноволосую красавицу со строгим неприступным лицом он сравнил бы с грациозной и опасной пантерой, а...

Сухой кашель прадеда вернул погрузившегося в сладкие грезы парня к суровой действительности. За песочной паутиной было много чужаков-охотников, и они тыкали вперед свое несуразное оружие из дерева и железа с уверенностью и бесстрашием перед ним, потомком Великого предка, перед прадедом и отцом, превышающими этих задохликов на пять, а может и все шесть ладоней, а в плечах... – и сравнивать смешно! Только совсем не смешно было заглядывать в темные отверстия странного оружия, откуда наверняка и могла вылететь смерть – в виде молнии или еще чего страшнее.

И это тоже доказывало бесстрашие, ну или скудоумие незнакомцев – ведь метать оружие чем либо иным, кроме собственных рук, было запрещено!

Незнакомцы, между тем, появились и за пределами ограды. Впереди шествия двигался какой-то странный зверь (верблюд!), тянущий за собой что-то невероятное – какой-то помост на... Этим круглым штуковинам у Де не было названия; но они катились вперед так, словно круглый камень с горы. Рядом восхищенно ойкнул Лай. Брат по второй матери вообще любил все необычное; он частенько ходил по грани дозволенного, и если бы не тень грозного высшего брата за спиной тщедушного низшего, его давно бы побили камнями. По крайней мере, не-зверем он бы уже не был.

А шустрые незнакомцы сгрузили со своего катящегося насеста еще более странный предмет – помост на четырех... ногах из гладкого дерева, и быстро заполнили его снедью в идеально ровных посудинах. Посудинах ярких, цветных и необычайно крепких, потому что когда одна из незнакомок – та самая, с властным взглядом, приличествующим скорее кому-то из высших – неожиданно уронила одну посудину на землю, та не разбилась, хотя выглядела хрупкой и тонкой. Нет, тонкой она не выглядела – она была тонкой – совершенно не сравнимой с грубыми поделками мастеров его племени.

Одна из девушек позади вскрикнула, когда посудина упала на утоптанную землю, а затем в восхищении простонала – ее наверняка поразила если не удивительная красота поделки, то не менее изумительная прочность. Но Де не повернулся к несчастной, посмевавшей издать звук раньше, чем на то последует разрешение высших. Потому что он сам упивался необычными и восхитительными запахами, которые ветерок донес до его носа. Это было мясо, но какое мясо! Изумительное, волшебное, от которого он... и сам бы отказался, даже без неодобрительного ворчания прадеда позади – после того, как сразу у нескольких низших заурчало в животах. Может это мясо готовили вон на том костре, что исторг сейчас невдалеке целый столб темного дыма?

Волшебству Де не доверял ни в каких его проявлениях, а этому, инородному... Нет, он лучше пойдет и заколет копьем одного из тех оленей, которые совершенно бесстрашно пасутся

недалеко. И пусть незнакомцы сами травятся своими волшебными кушаньями. Незнакомцы травиться не захотели. Один из них сгрузил какой-то серый камень; сгрузил чрезвычайно легко для камня такого объема. Или парень-чужак был невероятно силен, или этот идеально ровный камень был сродни тем, что приносили из дальнего племени – пористый, легкий; которыми низшие девушки терли его ступни, покрытые толстой ороговевшей кожей.

На камень села очередная красавица. Эта смотрела на не-зверей, особенно на высших, с заметным испугом – и Де это понравилось. Значит, незнакомцам тоже ведом страх и сомнения. Он даже оглянулся, чтобы поделиться таким наблюдением с вождем, но тому было не до правнука. Денат с мистическим ужасом на лице не отводил глаз от плюгавенького незнакомца – того, что привел сюда верблюда. Незнакомец и сейчас стоял рядом с горбатым животным, бесстрашно держа рукой веревку прямо у рта зверя, жующего свою вечную жвачку.

Молодой высший тоже взгляделся в его круглое лицо. Совершенно обычное... нет, необычное в своей чужеродности, но такое же, как у его соплеменников лицо, с детской непосредственностью и любопытством рассматривающее не-зверей. Вот его взгляд остановился на Де и тот тоже вздрогнул! Не от страха – какой страх мог привнести в мир не-зверей этот коротышка? – от неожиданности. Потому что в лице незнакомца явственно проступило что-то знакомое; мистически знакомое, сидящее в самом нутре высшего, отчего Де захотелось припасть к этой щедеврой груди.

И в это время мир заполнило нечто божественно прекрасное – девушка на камне развернула что-то блестящее, большое; с черной кожей посредине, сложенной аккуратными складками, которые складывались и раскладывались. Наверное, они-то и исторгали наружу удивительные звуки, какие ни один не-зверь никогда не слышал.

Потом в груди защемило, потому что звуки стали печальными настолько, что Де забыл и об Охотнике, и о прадеде, даже о Спящем божестве, появления которого так страшился и ждал. К чудесной мелодии присоединился голос – такой же чистый и печальный. Молодой высший закрыл глаза и не заметил, лишь ощутил по шуршанию одежды, как его обходят соплеменники, точнее соплеменницы. Когда черная кожа замерла, а вслед за ней пропали и волшебные звуки, и голос еще одной чужачки – той самой светловолоски – между Де и девушкой на камне выстроилась целая шеренга низших девушек. И они явно ждали продолжения зрелища, не обращая никакого внимания на высшего.

Будущий вождь не успел возмутиться – черная блестящая кожа снова развернула свои складки, и грусть опять охватила душу парня. А когда к голосу светловолоски присоединились не такие мелодичные, но старательные и проникновенные голоса соплеменниц, он вдруг явственно представил себе реку с чудовищем в водах и охотника, который никак не может перебраться на другой берег, где ждет его любимая девушка...

Кожаные складки замерли; растаяли в тишине и божественные звуки. Немногие подвыдания не успевших остановиться соплеменниц теперь только терзали слух. Но вот умолкли и они, и все повернулись к незнакомцам, вылезавшим из большой черной хижины, неведомо как появившейся в тылу племени. От нее резко пахло – той самой темной тягучей жидкостью, озеро из которой племени пришлось обходить руку ночей назад. Лай даже сунул в нее ладонь, за что получил по затылку от каждого из высших.

Хижина на таких же круглых непонятных штуковинах нестерпимо блестела на солнце и была – Де почуял это нутром – металлической! И на вылезших из нее чужаках и чужачках тоже было достаточно металла, а еще – высший не верил своим глазам – на боку у первого, шагнувшего к не-зверям, висел какой-то предмет, явно сотворенный из того же чудесного материала, что и рукоять Молота.

Но этот незнакомец подождет! Гораздо опаснее выглядит тот, что вырос за его спиной. Вот этот может сравниться статью с высшими. Конечно, помельче его самого, и какой-то слиш-

ком... ну красивый что ли, стройный и утонченный. Великий охотник! Вот сейчас и посмотрим, кто кого. Де покрепче ухватился за рукоять Священного молота...

Глава 36. Полковник Кудрявцев. Сила есть – ума не надо

– Кого-то он мне напоминает, – остановившийся рядом с командиром Никитин показал на высокого старика, опиравшегося всей массой на крепкий посох, – Велеса, или, может, Чернобога?

– Ты, Толик, наших древнеславянских богов не оскорбляй, – возразил ему профессор Романов, – я бы сам назвал этого «товарища» Франкенштейном.

– Точно, – обрадовался подсказке тракторист, – они все трое какие-то... ненатуральные. Клоны. Только больно громадные. С такими, наверное, даже Марио не сладит.

– С кем это я не слажу? – рядом нарисовалась внушительная фигура Грассо – пока еще Грассо.

Полковник совсем не удивился бы, если в лагере скоро появился еще один Ильин. С Ирины станется. А итальянец признался:

– Да, таких парней я еще не встречал, – он показал пальцем на самого младшего из великанов – того, что сжимал в руках огромный молот.

– Даже если это орудие было из обыкновенного железа, весить оно должно никак не меньше двух пудов, – решил Кудрявцев, – но это не железо. Железо так ярко сверкать не будет. Или эти дикари научились изготавливать нержавейку?

Командир быстро оглядел ближайших «гостей» и поразился. Этот громадный молот был у них единственным металлическим предметом! По крайней мере, сам он металла в руках дикарей больше не увидел. Не углядел и много из того, что должны были иметь при себе чужаки. Из оружия – ничего метательного; только нескладные тяжелые копья с каменными наконечниками; ножи – тоже каменные. Никаких украшений на представительницах прекрасного пола, а ведь это женщины! Забитые какие-то, командир даже сказал бы слабоумные – все поголовно – если бы не видел, что дебильное выражение на вполне себе европейского типа лицах скорее напускное, прилежно наложенное согласно каким-то нелепым правилам и законам. И сквозь него нередко пробиваются острые осмысленные взгляды; а сквозь неприкрытый страх – обычное человеческое любопытство.

Не человеческое! Ведь это неандерталы. И командир, как бы не хотел преодолеть иррациональное чувство внутри, признался себе – он никогда не признает эти существа за своих. Рядом опять заворчал тракторист:

– Товарищ полковник, вам не кажется, что тут собрались одни дебилоиды. Как говорил один известный юморист: «Идиотов куски».

– Нет, – профессор Романов на этот раз оказался наблюдательней, – по-моему, они просто притворяются. Маски надели этих твоих... дебилоидов.

– Точно, – поддержала его Таня-Тамара, – и маски эти им надоели. Посмотрите вон на того парнишку.

Командир проследил за направлением ее пальца. Рядом с младшим великаном, теперь небрежно поигрывающим своим «молотком» и не сводящим взгляда от разведгруппы, стоял еще один парнишка – вдвое меньший размерами. И этот, как видно, свою маску сбросил окончательно. На круглом лице играло жгучее любопытство и он явно был не против подойти познакомиться. Вот только взгляды, которые он бросал на великанов – на молодого соседа, а пуще того на старика, застывшего мрачной скалой посреди своего племени, показывали – без их разрешения этот малыш не сделает вперед ни шагу.

– А разрешения такого не будет, – понял командир, всмотревшись, в свою очередь в лицо старого вождя, изборожденное глубокими морщинами, – и все-таки он на кого-то похож; может я картину какую видел или статую?

Вниманием тем временем опять завладел молодой великан.

– Хо! – крикнул он громко, и добавил несколько каркающих звуков.

Перевести эти слова – если это действительно были слова – не мог даже профессор Романов. Но и без перевода было понятно – это вызов. И среди людей нашелся смельчак, принявший его. Марио, конечно. Кудрявцев не стал останавливать парня, только предупредил:

– Ты там осторожней, с кувалдой. Не смотри, что она тяжеленная – этот громила ей как тросточкой может работать.

– Ничего, – засмеялся итальянец, – меня уже били по голове дубинками. Живой, как видите.

Ирина дернулась было вслед за мужем, но ее задержала рука командира, а больше его команда:

– Оксана, Бэйла – страховка. А ты, – он повернулся к Ильиной, – дай мне одну обойму.

Ирина, не сводя глаз с Марио, вытянула из подсумка обойму с патронами к «Вепрю» и положила ее на ладонь полковника, который, благодарно улыбнувшись, начал их выщелкивать. Марио и его соперника он, конечно же, не выпускал из виду. Потому и кивнул еще раз, когда неандерталец вдруг издевательски ухмыльнулся и отбросил свой молот в сторону. Туда тут же метнулся его мелкий напарник; теперь его лицо заполнял неприкрытый ужас – видимо, это оружие было для дикарей священным. Вот и лицо старого вожака совсем закамнело, и любопытство на многих других лицах опять сменило скудоумие.

Гигант теперь ухмылялся так, словно понял, что вместо чемпиона мира против него выставили третьеразрядника – причем в юношеской категории. Этой пренебрежительностью Марио и воспользовался. Он не стал жать, пока зрители оценят, насколько неандерталец выше него (а выше он был на голову) и шире в плечах – тут итальянец мог поспорить с дикарем, но только плечи эти были разные: мощные, тренированные и гладкие у итальянца и узловатые, несокрушимые без всяких тренировок у дикаря. И кулаки у противников были сопоставимы только по размерам. Сравнить же их крепости и стремительность... полковник все же поставил бы на неандертальца.

А тот словно не ждал от Марио никаких неприятностей. Даже выпятил вперед обнаженный живот – бей! И Грассо ударил – с размаху, прямой правой; готовый добавить потрясенному сопернику с левой, и опять правой, и... И здесь правила бокса не сыграли. Потому что первый удар пришелся словно в каменную стену. Стена эта не шелохнулась, а Марио даже поглядел недоуменно на свой кулак; вроде даже собрался подуть на него. Разве можно позволять себе такое в поединке!?

Несокрушимая неандертальская стена исторгла из себя конечность – тоже правую руку, даже не зажатую сейчас в кулак, и так – открытой ладонью – буквально смела итальянца в сторону. Это был чистый нокаут. Дополнительного удара не требовалось, но дикарь сделал шаг в сторону поверженного соперника и... в недоумении остановился.

Потому что перед ним выросла; нет, так про крепкую, но совсем невысокую фигуру тайского чемпиона сказать было нельзя. Перед дикарем возникла фигура Самчая. Неандерталец даже помотал головой; может он принял его за своего спутника? Но нет – вон коротышка, прижимает в стороне к себе молот.

Самчай паузой гиганта не воспользовался; может тоже понял, как и Кудрявцев, что эта небрежность дикаря к противнику мнимая; что тот оценил и плавные движения чемпиона, и его уверенную, чуть снисходительную улыбку, и вот это движение ладони тайца: «Давай, мальчик, нападай!».

На «мальчика» дикарь не был согласен. Коротко взревев, он сделал обманное движение влево, нанося одновременно еще один удар правой ладонью – точно такой же, что снес недавно Марио, словно пушинку. Итальянец уже сидел в сторонке, тряся головой; вокруг него с какими-то тряпками в руках кружили Таня-Тамара и Люда Николаева.

– Ничего, – усмехнулся командир, – сейчас перекусит – вон сколько сюда еды натащили – и придет в себя.

А чемпион тем временем изящно поднырнул под удар и нанес свой – акцентированный и страшный – ребром ладони по печени неандертальца, если конечно у них она там располагалась. Наверное располагалась, потому что снисходительное выражение лица дикаря как-то сразу сменилось болезненным, а больше удивленным: наверное его никогда так не били.

Вот противники опять замерли против друг друга. И неандерталец вдруг опять ухмыльнулся и опустил руки, подставляя под удар незащищенные живот, грудь и голову. Ну, до головы, достать было бы высоковато, а вот все остальное вряд ли бы выдержало настоящий удар чемпиона. А неандерталец надеялся на это – вон, даже правую ногу словно невзначай отставил назад; совсем так же, как недавно тайцы, подставившие под удар своего кумира доску-пятидесятку.

Ну что ж, чемпион не подкачал. Не рукой – летящей вперед в сокрушительном ударе ногой он постарался пробить пресс неандертальца.

– А надо было не сокрушительным, а смертельным, без всяких ограничений, – с огорчением констатировал командир тот факт, что в последний момент таец все-таки как-то задержал движение, явно вспомнив запреты на фатальные для организма противника удары, – для дикаря он бы не был смертельным. Наверное, вспомнил – не вовремя – что бой все-таки не до последнего вздоха. А этот вспомнит?

«Этот» – гигант – вздрогнул всем телом. Отставленная назад нога даже подогнулась, но все-таки он выдержал удар! Более того, руки моментально дернулись вперед и огромные ладони обхватили лодыжки чемпиона. Но даже сейчас Самчай был опасным противником, и дикарь это понимал. Поэтому он не дал противнику сконцентрироваться – сразу закружил его, словно метатель молота, передвигаясь к свободному сейчас кубику из пористой пластмассы, на котором совсем недавно Ирина Жадова организовала концерт для племени дикарей.

И если сейчас голова Самчая, не останавливая своего движения по большой траектории, обрушится на этот куб со стороны в полметра, ни доктор Браун, ни Света Кузьмина ничем не смогут помочь. Это поняли и снайперы. Бэйла издала какой-то неопределенный звук, а Оксана легонько стукнула Александра по сгибу руки, едва не помешав ему сделать прицельный бросок.

Но вот вперед летит первый патрон от «Вепря», выпущенный не силой расширившихся пороховых газов, а тренированной рукой. Если бы любимая женщина знала, сколько раз метал такой снаряд полковник, будучи еще необремененным количеством больших звезд на погонах! Впрочем, бывшей биатлонистке как раз-таки ничего объяснять не было нужно. Патрон ткнулся острым концом пули как раз туда, куда и должен был – в центр наружной стороны правой ладони неандертальца. Его пальцы самопроизвольно разжались; острая колющая боль была ничуть не слабее той, которой «наградил» этого верзилу тайский чемпион своей ногой. Потому, наверное, парень и зашипел, и остановил свое вращение – а тут и второй подарочек в виде такого же патрона прилетел, поразив уже вторую ладонь.

Чемпион резво вскочил на ноги; отпрыгнул в сторону и тоже замотал головой – быть подопытным кроликом в центрифуге ему явно не понравилось. Повторения он тоже не хотел. Ему этого и не позволили – новый боец; к пластмассовому кубу уже подходил полковник Кудрявцев.

– С одной стороны, – думал он, стягивая с себя камуфляжную куртку, – глупо меряться силушкой с неразумным отроком; но что-то подсказывает, что сделать это необходимо. И, как

это не удивительно, поражения этого дылды больше ждут не наши ребята и девчата – им-то мне ничего доказывать не надо – а как раз дикари. Вон они уже и свои идиотские ухмылки почти растеряли. А сейчас и последние удивлением смоем.

Нет, Кудрявцев не переоценивал свои силы; он прекрасно видел несокрушимую мощь и выносливость неандертальца – не собирался меряться с ним в этих компонентах. Один, ну два точных дозированных удара в нужное место и все! А пока пусть постоит, помассирует ладошки; а нечего их поднимать на людей! Полковник так и сказал: «на людей», – не признавая за противником права называться так же.

Вот соперник уже готов к бою; даже ухмыляться начал – пока не заглянул в спокойные глаза Кудрявцева. И тут неандерталец переменялся в лице; он словно понял, кто стоит перед ним – главный противник всей жизни. Теперь не снисходительная ленца уверенного в себе великана царила в нем, а ненависть и... страх. Этот страх, наверное, и заставил его отскочить поначалу к своему мелкому соплеменнику, со сдвинутым рычанием вырвать у него из рук кувалду, и атаковать полковника, окружив себя сверкающим кругом нержавеющей стали. Теперь не Самчай, а молот выступал в роли крыльев ветряной мельницы, с которым собрался вступить в поединок...

– Нет, не Дон Кихот, конечно, – с усмешкой вспомнил длинноусого испанского героя Кудрявцев, подныривая молниеносным движением под сплошной круг из тяжелого металла, – для этого у меня слишком мало безрассудного благородства. Да и подвигов во имя прекрасной Дамы... Я готов, конечно, но моя дама сама любой подвиг совершить может!..

Он повернулся и улыбнулся побледневшей Оксане; еще сильнее побелели пальцы, стискивающий ложе «Бенелли». Одновременно рука полковника вывернула из громадной ладони молот, по сложной траектории останавливая его бешеное движение. Сам гигант сложился пополам от единственного тычка кулаком – практически туда же, куда уже безрезультатно пытались пробить и Марио, и тайский чемпион. Пресс у тренированных людей, ну и у неандертальцев тоже, большой, а у этого просто громадный; но в каждом из них есть уязвимые точки. А есть особо уязвимые, в которые достаточно ткнуть посильнее. Не со всей дури – иначе противник просто не встанет больше на ноги. А этот ничего – вон даже не упал. Сейчас разогнется и... пусть идет по своим делам, бой уже закончен. И кувалдочку свою, в которой явно побольше двух пудов будет – килограммов пятьдесят, не меньше – с собой забирает.

Кудрявцев опустил взгляд на это грозное оружие и... Нет, не замер в изумлении, хотя такой реакции можно было ожидать от любого, а громко расхохотался. Потому что на длинной рукояти янтарного цвета были выдавлены два слова на русском языке: «Толик козел!». Сама рукоять была изготовлена скорее всего из их (уже их!) чудесной пластмассы, готовой принять любую форму в момент затвердевания и несокрушимой после завершения этой химической реакции. Несокрушимой для всех, но только не для него, полковника Кудрявцева.

И он совершил еще один хулиганский поступок, совсем как мальчишка, пытающийся доказать превосходство над сверстником (на глазах у девчонок, конечно же!). Александр расслабился на мгновение и заполнил тело восхитительным чувством неограниченной ничем силы, которая позволяла ему сгибать вручную тугие рога арбалета, ломать, словно печенье, на куски толстые доски и рушить в сомкнутом кулаке внутренние связи гранитного окатыша, превращая его в песок.

Выпрямившемуся наконец неандертальцу он протянул молот, держа его вытянутой рукой за самый конец рукояти; вряд ли этот гигант смог бы повторить такой трюк. А ведь его ждало еще большее потрясение – на самом кончике пластмассы, прямо под курьезно-оскорбительной надписью теперь глубоко отпечатались пальцы полковника.

– Ну вот, – все так же озорно усмехнулся он, – оставил отпечатки пальцев. Теперь меня найти по ним...

Он заглянул в глаза бывшего противника, принимавшего тяжеленный металл обеими руками, и озорное настроение словно смыло – этот противник никогда не станет бывшим. В потемневших глазах неандертальца плескалась пламя настолько неистовой ненависти, что оставалось задать вопрос: «Когда это пламя сожжет?...».

– Кого? – подумал командир, поднимая с пластмассового куба куртку, – владельца, конечно. Не меня же. Я поворачиваться к этому парню спиной и ждать, когда ярость выплеснется наружу, не собираюсь.

А неандерталец все-таки выплеснул свою ненависть – на беззащитный кусок пластмассы; может потому, что совсем недавно этот кубик послужил сопернику? Кудрявцев круто повернулся, немного не дойдя до супруги, увидев, как у нее округлились глаза – то ли в изумлении, то ли в восхищении. Повернулся, чтобы увидеть картину, достойную запечатленной в камне самым талантливым скульптором: гигантский неандерталец вытянулся в неистовом порыве; его мощные руки замерли, занеся тяжеленный молот для сокрушительного удара.

Миг – и это орудие, сравнимое сейчас, наверное, с гидравлическим молотом нехилых характеристик, обрушилось на такой маленький и беззащитный кубик. Фиг вам – куб остался целым, что явилось, несомненно, еще одним потрясением для дикарей, но не стало откровением для людей. За спиной полковника даже раздалось несколько смешков, которые, правда, быстро умолкли – все же удар был впечатляющим.

Своей нижней гранью площадью пятьдесят на пятьдесят сантиметров куб ушел в плотно утопанную землю так, что над поверхностью сейчас торчало не больше половины объема. Так что Кудрявцеву пришлось приложить неслабое усилие, чтобы выдернуть из земли эту кубическую «репку». Неандерталец испуганно отшатнулся от появившегося неожиданно прямо перед ним противника и опустил молот, уперев его тяжелый кусок металла в остатки травы у ног. А потом... сгорбил спину и ушел, волоча молот по земле, когда несокрушимый, казалось, куб развалился на мелкие куски под единственным ударом кулака полковника.

Люди готовы были взорваться ликующими криками, но этому океану эмоций не дал вырваться наружу единственный каркающий возглас старого великана. Он поднял руку с посохом высоко вверх и обратил к небу лицо с закрытыми глазами, из которых – Кудрявцев едва поверил – стремительно текли слезы. И это были слезы радости! Сухие безветренные губы раздвинулись в широкой улыбке; они что-то шептали, но слов этих полковник не услышал бы, даже если бы стоял вплотную к старому вождю – вокруг шумно радовались победе чужого поединщика неандертальцы.

– Почему? – пожал плечами Александр, – вот пусть сами и объясняют; если сумеют, конечно. Нам тут даже Алексей Александрович не поможет.

Он оглянулся на профессора, который видимо уже успел налюбоваться на неприкрытый восторг нелюдей, действительно сбросивших маски идиотов и готовых пуститься в пляс. Ага – вон тот коротышка, что не побоялся подержать в руках молот, уже пляшет. А профессор смотрит совсем в другом направлении – на стол, уставленный яствами, которые с удивительной скоростью уничтожали Марио с Самчаем.

– Ого, – восхитился такому аппетиту товарищей Кудрявцев, – пожалуй, надо поспешить, – иначе нам не останется.

Он вдруг почувствовал нешуточный голод, ведь солнце уже давно перевалило верхнюю точку небосвода, да и поединок, каким бы он не показался для наблюдателей коротким и нетрудным, все-таки отобрал у организма много сил, особенно нервных.

– А нервные клетки, – он подхватил под локоть Оксану, увлекая ее за собой к столу, – как известно, не восстанавливаются. Хотя, как оказалось, и из этого правила есть исключения...

Еды хватило на всю разведгруппу. Весь стол был заставлен праздничными (гости ведь, хоть и такие удивительные!) блюдами, да и в телеге, запряженной верблюдом, хватало добавки. Даже чай в китайских термосах принесла Егорова.

– А эти ребята есть не захотели, – с обидой в голосе произнесла она.

– Нам больше досталось, – засмеялся Анатолий, и тут же закашлялся, поперхнувшись непрожеванным куском.

Все вокруг тоже засмеялись; еще больший хохот вызвал рассказ командира об удивительном оружии неандертальцев и об еще более удивительной надписи на его рукояти. А когда смех все-таки прекратился, профессор Романов задал уместный вопрос: «И что все это означает?». И тот же тракторист, откашлявшийся и отсмеявшийся вместе со всеми, к удивлению и профессора, и многих других, ответил достаточно логично и убедительно:

– Сказал же этот... лама Севера, что русский язык станет единым в будущем, почему бы ему не быть таким в прошлом?

– Ага, – язвительно возразил ему доцент Игнатов, – а вот этого товарища, наверное, зовут Толик?

Так он обозвал старого вождя, который подходил к ним тяжелой походкой. Следом за ним шли еще двое великанов, причем младший своей недовольной физиономией словно говорил: «Очень вы мне нужны, чужаки! Если бы не старый вождь...». А четвертый в процессии – тот самый коротышка – выглядел самым довольным. Наверное потому, что его взяли в такую солидную компанию. С его согнутой в локте руки свисали какие-то бусы; другая рука придерживала кожаные узлы за спиной. Все выглядело так, словно старый великан направлялся на торжественную церемонию – вручать своеобразные медали победителям. Только вот медалей этих было не меньше дюжины.

Старик с непроницаемым лицом прошел меж расступавшихся людей, словно выбирая награждаемых; вот он остановился у низенького доцента, и только сейчас командир понял, кого напомнили ему эти гиганты – Сергея Петровича Игнатова. Они стояли друг напротив друга – такие разные, даже чужеродные, но их сходство, по крайней мере в лицах, было очевидным. А потом неандерталец опять закаркал, только теперь действительно на русском – словно молитву, которую повторял ежедневно всю свою жизнь:

– С вами спорить, Петровичи – все равно, что пить без закуски неразбавленный денатурат!

Потрясенный доцент повторил эхом последнее слово, произнесенное стариком самым торжественным образом:

– Почему «Денатурат»? Я его никогда не пил – даже вкуса его не знаю...

А неандерталец удовлетворенно кивнул, но одарять свою мелкую копию бусами не стал. Он пошел дальше, снимая с протянутой вперед коротышки соплеменника янтарные ожерелья, и вручая их выборочно, по какому-то непонятному выбору.

– Нет, – поправил себя полковник Кудрявцев, получая дар последним, – выбор как раз таки понятен, но как его сделал старик?

К командиру тут же сунулся профессор; он тоже заметил закономерность – и неудивительно, ведь системность и логика были главными составляющими его призвания по жизни:

– Ты заметил, Александр Николаевич?..

– Что он вручает свои бусы исключительно членам нашего Совета?

– Ага, – несколько обескураженным от такой проницательности Кудрявцева голосом согласился Романов, – Толик успел назвать его Президентским.

– Толик много куда успевает, – усмехнулся командир, – вон – даже на рукояти молота дикарей отметился.

– Не думаешь же ты?..

– Я много о чем думаю, – прервал Романова полковник, – давай лучше послушаем, что нам расскажет этот старик.

– Но как?! – поразился профессор.

– А вот с помощью вот этого, – Кудрявцев сунул под нос собеседнику бусы, которые перед этим перебирал пальцами, словно четки.

Нет – он не играл, не пытался попробовать на прочность, как рукоять (кстати, материал, из которого были изготовлены эти такие разные предметы, был одинаковым). Полковник попытался проникнуть в суть этих застывших кристаллов – так, как объяснял ему тибетский лама. В какой-то момент он понял, что между атомами этих янтарных окатышей текут слова – в разных направлениях; и при этом они удивительным образом меняются, подчиняясь неосознанной воле владельца и обретая знакомые ему формы.

– В общем, – пояснил он, – это устройство универсального перевода. Так что ждет тебя, Алексей Александрович, безработица.

Но профессора такая перспектива не испугала, а вот возможности дикарских «компьютерных» бус весьма заинтриговали. Не сказать, что он совсем не поверил командиру; но сомнения все-таки читались в его лице. И Кудрявцев тут же рассеял его.

– Оксана, – повернулся он к супруге, надевая на шею ожерелье, – скажи что-нибудь на иврите.

Девушка произнесла несколько слов, которые ни сам Александр, ни профессор не поняли. На лице последнего прибавилось скептицизма.

– А теперь так, – командир вынул из рук Оксану бусы и сам надел ее на шею супруги.

Та снова заговорила, очевидно, повторяя первую фразу, и Кудрявцев с удовольствием понял:

– Тебе уже мало, что я говорю, как сильно тебя люблю, на русском языке. Хочешь слышать на иврите?

– И на иврите, и на всех остальных языках, которые только есть в мире... во всех мирах! Теперь Оксана смотрела на него озадаченно:

– Ты учишь иврит, когда меня рядом нет?!

– Ага, – засмеялся командир, – когда это в последний раз тебя рядом не было? Разве только... там, – он кивнул в сторону лагеря, имея в виду помещение, украшенное витиеватым рисунком Ершова, – но уверяю, самоучителя по ивриту там нет.

Оксана Кудрявцева счастливо засмеялась, а пораженному профессору оставалось только наблюдать, как по команде полковника почти пустой уже стол освобождают от посуды, с двух сторон выстраиваются по три стула (в телеге их оказалось как раз шесть штук) и его приглашают к этому столу в качестве одного из членов высоких договаривающихся сторон.

Они так и расселись – три громадных дикаря, а напротив них командир и Оксана с профессором. Последний, вовсе не желая поразить еще раз неандертальцев, а лишь ради последующего скрупулезного изучения (так решил командир), выставил на столешницу планшет и включил его в режиме записи. Если засветившийся экран и поразил дикарей, они этого никак не показали. Больше того, побежденный им гигант вполне оправился, и сейчас нагло ухмылялся, разглядывая окрестности и останавливая, как понял Кудрявцев, взгляд на наиболее приглянувшихся ему человеческих экземплярах прекрасного пола.

Там конечно было на кого посмотреть, но не так же нагло, с оценивающим взглядом неудовлетворенного долгое время самца. Вот его масляный взгляд остановился на Оксане и он даже подмигнул ей – совсем как человек. А вот этого уже полковник, ощутивший острый укол в сердце, прощать не стал. Он снял свое ожерелье и нагнулся к супруге, прошептав ей на ухо:

– Улыбнись-ка, милая, этому парню – как ты умеешь. Вспомни нашу Седую подругу.

И Кудрявцева улыбнулась! Да так, что и командир, да и все рядом увидели, что выражение: «Снести взглядом», – бывает не только фигуральным. Гиганта действительно снесло – вместе со стулом, так что последний разломился на множество мелких частей, а сам поверженный лежал с закрытыми глазами и ушибленным затылком, пока старик не вздернул его на ноги одним рывком (а есть еще силенка у дедушки!). Он поставил соплеменника, как нерадивого

ученика в угол, перед столом. Так тот и простоял все переговоры, уткнувшись в столешницу и ни разу больше не подняв глаз на людей напротив.

– Мы – не-звери! – торжественно начал старик.

– С чем вас и поздравляю, – не выдержал, засмеялся за спиной командира Анатолий, и тут же умолк – после того, как там же прозвучали звуки сразу трех увесистых затрецин.

– Две понятно, – невольно подумал Кудрявцев, – а кто третья?

– Мы – высшие не-звери, – поправился старый вождь, и это уточнение полковнику не понравилось.

– Мы – люди, – не менее торжественно представился он, – и у нас нет низших. Каждому воздается по трудам и заслугам его. И чем больше заслуг, тем больше трудится человек. Я – вождь нашего... племени. Избранный вождь. Полковник Кудрявцев Александр Николаевич; это – опустил он руку на плечо соседа слева, – профессор Романов Алексей Александрович, главный советник племени; а это, – другая рука сжала ласково плечо соседки, – Кудрявцева Оксана Михайловна, моя супруга и помощница.

Полковник совсем не хотел поразить старика перечислением полных имен; однако тот даже отшатнулся, уstraшенный. Как оказалось, длина имени, по крайней мере у «высших» неандертальцев, свидетельствовала о возрасте и, по умолчанию, об авторитете его владельца. Старого вождя звали Денатом; молодого громилу, стоявшего у стола с понуро опущенной головой, просто Де, а его отца – третьего великана, единственного, в чьих глазах полковник, как не присматривался, не заметил ни капли враждебности, только любопытство и... усталость, Деном.

– Сегодня у него, – его широкая ладонь ощутимо хлопнула по обнаженному прессу стоявшего рядом парня, – родится сын, Де. Он сам (еще один звучный хлопок по животу) получит имя Ден, его отец (чуть заметный кивок в сторону внука) – Дена, а я...

– А ты, – подхватил Романов, – Денату. А где же нынешний Дена?

– Он не прошел испытания, – заметно поморщился Денат, – пещерный лев оказался сильнее моего сына... Или умнее.

– Ага, – почему-то с удовлетворением подумал командир, – значит, Википедия не врет, и пещерные львы еще бродят тут. Точнее живут в своих пещерах.

А профессор не унимался:

– Значит, через три поколения ты станешь Денатуратом? – он посмотрел искоса на командира, но тот не стал ухмыляться, потому что понял, что это может разрушить весь ход пока мирных переговоров.

– Великий Денатурат может быть только один, – старик даже встал, – а мне еще три поколения не прожить. Я умру в день битвы со Спящим богом. Твоей битвы, Великий охотник, – он чуть поклонился полковнику.

– Полковник Кудрявцев не охотник, – поправил вождя опять-таки Романов, – он великий воин.

Командир чуть поморщился, а внутри себя ухмыльнулся: «Гляди-ка, и Алексея Александровича на пафос пробило». А вождь кажется не на шутку изумился:

– Кто такой Великий воин?

Теперь настала очередь изумляться профессору: «Что это за дикари, если у них нет воинов?».

– Ну, это, – справился он все-таки с удивлением, – люди, которые защищают свое племя от других людей – тех, что нападают и убивают соплеменников.

– Убивают! – еще больше поразился старик, – но ведь не-зверьям нельзя убивать не-зверей! Такого можно назвать только зверем – и побить камнями всем племенем.

– Вот это правильно! – восхитился Кудрявцев, – у нас там, в двадцать первом веке, тоже нелюдей хватает – вот бы их тоже всех камнями.

Вслух же он спросил:

– И что это за Спящий бог, и почему я должен с ним биться? И можно ли его победить?

Старик надолго замолчал. Наконец он кивнул стоящему позади парню и тот водрузил на столешницу два кожаных мешка, в которых что-то звякнуло. И это «что-то» напомнило Кудрявцеву прошлое – именно так звякали в кошельке монеты. Потом вождь стащил с шеи еще два мешочка и опять замолчал, застыв взглядом на этом нехитром реквизите. Наконец он глубоко вздохнул и, словно ныряя в глубокую холодную воду, опрокинул на столешницу содержимое меньших мешочков. По дереву покатились, сверкая бесчисленными гранями, два камня – явно драгоценных, подобных тем, что украшали оружие неведомого арабского эмира. Вот только размерами те, сирийские, были поскромнее, да чистотой такой не отличались.

Первый – абсолютно прозрачный, так что надо было постараться, чтобы увидеть его на доске – был размером с куриное яйцо; второй, черный настолько, что эта чернота словно утягивала внутрь себя, был покрупнее раза в полтора, но тоже не оставлял сомнений – это был настоящий алмаз, ограненный с поразительным мастерством.

Старый неандерталец начал повествование:

– Эти камни – часть сущности Спящего бога. Их вырвал из груди бога Великий Денатурат в первой битве. И бежал в холмы, куда когда-нибудь волчица принесет двух младенцев.

– Рим, – ахнул профессор, – это легенда о рождении Великого города.

Рядом вдруг оказался Марио, без ожерелья, естественно – ведь он не был членом совета, и кто-то сзади не пожадничал, протянул парню свое. Теперь опять настала очередь поражаться старому вождю:

– Ты, – протянул он корявый палец почти до самой груди итальянца, – ты будешь жить на священном холме уже после того, как волчица принесет туда младенцев. Но как это может быть?

Его восприятие сидящих напротив людей изменилось; он смотрел теперь на них не просто с надеждой, а с надеждой, которая вполне может воплотиться в реальность – в отношении Спящего бога, по крайней мере.

– Спящий бог вернулся к Денатурату, – продолжил он, когда Марио отступил в задние ряды слушателей, – и предложил выкуп за свои камни. Богатый выкуп – вот этот.

Теперь его палец показывал на большие мешки, но развязывать их он не спешил:

– Денатурат отказался, а на священном холме Спящий не мог одолеть его. Тогда бог проклял все поколения не-зверей, и наложил запреты, нарушения которых влекут за собой кару.

Старый дикарь опять встал со стула, снял неторопливо с шеи такое же, как у дюжины людей, ожерелье. Теперь полковник не мог понимать его речи. Но старик опять заговорил по-русски, точнее повторил заученную за долгие годы жизни (можно было сказать – за многочисленные поколения) роль:

– «... и не будет у вас ни буквы, ни цифры; ни колеса, ни лука; ни железа, ни золота; и не будет у племен ваших друзей кроме вас самих. А если кто нарушит запрет, за тем придет мой палач – Седая медведица!».

Сам старик вряд ли понимал, о чем сейчас говорит, а вот Оксана ошутимо напряглась, когда прозвучали последние слова, так что Александр поспешил отвлечь ее, воскликнув:

– И стоили эти камни такой жертвы?

Он взял в руки прозрачный бриллиант, не обращая внимания на слабую попытку вождя остановить его. Старик как раз надевал на свою шею ожерелье, так что не успел помешать Кудрявцеву, а тот вдруг... задохнулся от радости, что заполнила все его существо, от радости понимания того, что впереди все будет хорошо, просто замечательно. Большой палец непроизвольно переместился на другую грань камня; у этой грани название было – счастье. Счастье от того, что все хорошо уже сейчас, что рядом сидит...

Палец сдвинулся еще дальше, и Александра теперь заполняла любовь; не к кому-то или чему-то определенного, нет! Любви заслуживало все вокруг – и бескрайнее небо, и река, несущая свой воды к океану, и друзья вокруг, и даже этот старик напротив и... взгляд наткнулся на парня, поднявшего голову и ненависть, полыхнувшая в его взоре, окатила разум Кудрявцева словно холодным душем, заставляя гнать прочь неестественные и совсем ненужные чувства.

Зачем ему искусственная любовь, когда рядом настоящая – вот она смотрит встревожено на мужа. Полковник улыбнулся Оксане и разжал ладонь. Камень скользнул в подставленный мешочек, а командир, глубоко вздохнув несколько раз, словно выгоняя из легких отравленный воздух, взялся за второй, черный бриллиант.

Теперь его плечи пригнули к низу такие безысходный ужас и боль, что он не сразу понял, куда бредут его разбитые в кровь ноги. Сзади, в голую спину вонзался мириадами игл ледяной ветер (потому что на календаре – откуда-то знал он – был февраль одна тысяча девятьсот сорок третьего года), а впереди встречал еще более жуткий холод газовой камеры...

Что это был за концлагерь; как звали несчастную жертву, чью безысходность впитал в себя черный камень, Кудрявцев так никогда не узнал; палец сдвинулся на соседнюю грань, и разбитые губы Виктора Иванова, заклеенные широкой полосой скотча, не смогли прошептать: «За что? Я ведь рассказал тебе все, что знал!». А над ним с жуткой ухмылкой нависало лицо прибалтийки, и молоток уже опускался на голову, и ничего нельзя было сделать, потому что руки тоже надежно смотаны скотчем за спиной, и только пальцы еще могут шевелиться, могут сжать этот неподатливый кусок камня и давить его пока...

Черный песок сыпался из ладони полковника Кудрявцева во второй мешочек, и над столом, да и над всей округой повисла тяжкая тишина. Александр понял, что никто, кроме него, не посмеет ее нарушить и протянул руку вперед, положив руку на один из больших мешков:

– Здесь тоже камни?

– Нет, – очнулся старик, – это плата за нашу жизнь. Когда этот мешок опустеет, – он поднял мешок, который был явно легче, – умрет последний не-зверь.

Темные пальцы с трудом развязали тугой узел и на столешницу посыпались деньги, советские однокопеечные монеты, увидев которые профессор едва слышно пробормотал:

– Так вот как оценил этот бог жизнь целого поколения. Шутник, однако.

– Ну, может, для него это было не шутка, – неожиданно для себя ответил Кудрявцев, – но это не главное.

– А что главное?

– Вот это, – полковник взял одну монетку из большой кучи – вождь как раз высыпал деньги из второго мешка, и эта куча была раз в пять-шесть больше первой, – монетка номиналом в одну копейку тысяча девятьсот шестьдесят первого года выпуска. Ничего не напоминает?

– Вообще-то я сам в этом году родился, – улыбнулся профессор.

– Ну и я чуть пораньше... А Оксана чуть попозже. То есть это наши деньги, и еще молот с Толиком, Петровичи с денатуратом...

– Ты хочешь сказать, что этот самый Спящий бог из одного с нами времени, может быть... один из нас?!

Прежде чем ответить, Кудрявцев, в свою очередь, стянул с шеи ожерелье (а нечего неандертальцам знать все секреты людей):

– Скорее нет, чем да. А вот то, что скрывается под псевдонимом Спящий бог, вполне могли создать мы. А камни эти, – он кивнул на маленькие мешочки, так и лежащие на столешнице, – что-то вроде микросхем, кристаллов памяти, или что там еще могло быть? Однако не завидую я, друзьям, созданию, который не может ни любить, ни ненавидеть. Что еще могло остаться у такого монстра?

– Знания наверное... Ум, опыт, – неуверенно начал перечислять профессор, – сила, жажда власти, любопытство. Что еще?

– Безразличие, – негромко добавила Оксана – она тоже сейчас была без ожерелья, – то самое безразличие, с каким сюда на гибель отправили сотни людей.

– Тысячи, – поправил ее профессор.

Он как раз закончил выстраивать столбики из монет меньшей кучи и удовлетворенно кивнул:

– Две тысячи штук. Умножить на двадцать – как раз получится те самые сорок лет, через которые – заметьте – как раз где-то в Пиренеях, то есть сравнительно недалеко от Рима, погибнет последний неандерталец.

– Ну, добавим им еще двадцать лет, – полковник щедрой рукой водрузил на один из столбиков монету – ту самую, что взял из большой.

Коротко вскрикнул вождь; за ним еще более изумленно воскликнули его потомки. Пока командир надевал ожерелье, старый вождь трясущимися руками попытался подвинуть часть большой кучи к выстроившейся ровными столбиками меньшей. Увы, фокус не удался. А может, как раз наоборот? Совершенно одинаковые на вид монеты повели себя как черные кружочки магнитов из далекого детства Кудрявцева. Копейки не хотели смешиваться, они упорно отлетали друг от друга, образуя все те же неравные группы.

Денат с мольбой поглядел на командира, но тот только пожал плечами: «Спешить не будем. Посмотрим на ваше поведение»...

Безуспешные потуги вождя прервал дикий крик. Так отчаянно могла кричать только подвергаемая мучительным пыткам женщина или... роженица. Первыми конечно же догадались медработники. Сразу трое – доктор Браун, никарагуанка и Люда Николаева – помчались на крик и первыми подоспели к неандерталке, что лежала навзничь на траве. В ее огромный живот мощно стучался младенец, которому явно было тесно внутри. Но дикарка как-то дошла, поддерживаемая с двух сторон медсестрами, до медицинского фургона, а там ее подняли на ступени крепкие руки парней. Людей, если быть совсем точным, потому что дикарей в пределы лагеря не пустил часовой.

На упершийся в грудь ствол АКМ одного из тайваньских китайцев, который направил вперед оружие, старый вождь посмотрел с недоумением; он мог снести эту хлипкую преграду, даже не касаясь запретного железа. Но рядом стоял Великий охотник, который всем своим видом говорил: «Ни шагу дальше!».

Полковник решил отвлечь внимание племени, а заодно показать, что Денат (пока еще не Денату) совершенно зря недооценивает оружие в руках часового.

– Вы не приняли нашего угощения...

– Запрет, – пожал плечами старик, – у не-зверей нет друзей, кроме...

– Это я уже слышал, – остановил его движением руки командир, – но твои люди от этого запрета менее голодными не стали?

Денат дипломатично пожал плечами.

– Ну, тогда готовьте пищу сами, пока ваша женщина рождает.

– Она не родит без меня, – старик вытянул из-под шкур огромный каменный нож, – а мой внук пока добудет зверя... он быстро бежит.

– У нас ножей хватает, – усмехнулся командир с таким непреклонным видом, что нож словно сам собой исчез под одеянием вождя, – и бегать никуда не надо. Смотри!

Все повернулись от сетчатого забора, за который не пустили «гостей», в направлении реки, вдоль которой как раз мимо лагеря брело, пощипывая свежую травку, стадо любопытных оленей.

– Бэйла, возьмишь отсюда?

За спиной возмущенно фыркнули, и тут же раздался выстрел, от которой практически все дикари попадали наземь. Только «высшие» гиганты не позволили себе уронить авторитет в глазах чужаков (да и своего племени тоже, наверное); они так же вглядывались в стадо, кото-

рое замерло на мгновение, и унеслось подобно ветру, дразня прирожденных охотников белыми «штанами» под хвостами. И лишь один, самый крупный, подпрыгнул вверх на месте, и упал с пробитой головой. Конечно, полковник невооруженным глазом не мог увидеть этого, но куда еще могла целить бывший снайпер израильского спецназа Бэйла Никитина?

Племя побрело вслед за своими огромными предводителями; у ограды осталась только одна неандерталка с маленьким ребенком на руках, на которую старик, отбирая у людей свои ожерелья, показал пальцем:

– Отведете ее туда, – он махнул рукой в сторону фургона, – когда родится Де. Это его вторая мать.

Полковник не поленился, проводил тройку гигантов до стола, вокруг которого с увлечением возились Маша и Даша – их с Оксаной дочки. А когда эта процессия подошла поближе, он не знал что делать в первую очередь – изумляться или смеяться над вытянутыми физиономиями неандертальцев.

На столешнице ровными рядами выстроились столбики монет, и теперь никакой бог не смог бы разделить их по мешкам...

Глава 37. Профессор Романов. Дела текущие

Мина – так звали роженицу – родила крепкого здорового малыша ровно в двадцать ноль-ноль по местному времени. А точнее – по часам доктора Брауна, который и зафиксировал это событие. Имя свое она сообщила сама, при помощи пары ожерелий, которые не успели сдать сам Браун и Таня-Тамара.

Старый вождь или забыл, или не рискнул вызывать гнев Великого охотника, отвлекая от тяжких трудов скрывшихся в фургоне медиков. А труды действительно были тяжкими.

– Девять килограммов восемьсот пятьдесят граммов, – с гордостью, словно это его собственный ребенок, возвестил англичанин, присаживаясь с усталым видом на крылечко.

– А как молодая мама? – командир, конечно, не ходил в волнении вокруг фургона, но каким-то образом узнал, что именно сейчас нужно подойти сюда.

Алексей Александрович последовал за ним. Оксана, естественно, тоже. В общем, к восьми вечера вокруг фургона собралась внушительная толпа, отдельно от которой держалась неандерталка, оставленная вождем.

– Ее хоть покормили? – спросил командир.

– Не ест, – сокрушенно вздохнула Егорова.

Она точно так же вздыхала в тот день, когда в лагере появились худущие итальянки. Этой дикарке было далеко до моделей, в смысле угрозы анорексии, но ведь она еще была и кормящей матерью, который как раз сейчас присосался к ее груди. Ребенок запищал, явно недовольный – или шум голосов разбудил его, или молока не хватило. И профессор совсем не удивился, когда полковник велел принести полноценный ужин, и остатков с обеда прихватить.

Совсем скоро неандерталка, испуганно выслушавшая приказ командира (с помощью волшебных ожерелий, конечно), шустро работала ложкой, забыв и про запрет на чужую еду, и на металлы. Ей и изумленные взгляды людей не мешали.

– Во, дает, – восхитился вслух Анатолий, – словно с ложкой в руке родилась. А завтра вилку с ножом попросит.

Профессор нетерпеливо ходил кругами вокруг ужинавшей «красавицы». Последняя смела все, что ей принесли, потом еще раз покормила младенца, который на этот раз довольно чмокал. Наконец Алексей Александрович дрожащими от нетерпения руками (за ним с каким-то, ничем необоснованным, подозрением следила Таня-Тамара, вышедшая наконец из фургона) надел на шею дикарки ожерелье, врученное ему Кудрявцевым. Второе уже украшала его самого.

И тут он задумался; о чем может беседовать профессор Санкт-Петербургского университета с этой дикой самкой, которой к тому же всю жизнь вдалбливали в голову какие-то притивоестественные запреты?

– Ну, – решил он, – начнем со знакомства. Как тебя зовут, женщина?

– Рина, – со страхом ответила дикарка.

– Зеленая? – неожиданно для себя вспомнил одну из любимых актрис профессор.

Ничего общего с этой неандерталкой актриса конечно же не имела, но... вырвавшегося слова не вернешь, а дикарка ответила:

– Нет, мы не Зеленые. Племя зеленых живет в руке переходов в сторону восхода солнца от Священной пещеры.

– Эге, – подумал Алексей Александрович, – не такие уж вы забытые, как хотели казаться, и как... думает о вас ваш старый вождь.

Увы, аванс был слишком щедрый. На все остальные вопросы Рина только пожимала плечами. Сколько племен было всего? Как они взаимодействовали? Какие враги мешали их существованию? Дикарка определенно понимала вопросы, пыталась ответить, но словарный запас

был чудовищно мал, а главным числом при счете была рука – те самые пять пальцев, о которых когда-то говорил прозорливый тракторист.

Более подробно она рассказала о своей миссии:

– Когда Мина, – женщина показала свободной рукой на фургон, – умрет, я буду кормить сына вождя, и буду называться его второй матерью. А мой Гун (она сильнее прижала к себе ребенка) станет ему братом.

– С чего ты взяла, что она умрет? – удивился профессор; удивился скорее уверенности неандерталки, сообщившей о предполагаемой смерти соплеменницы как о неоспоримом факте.

– Так всегда было и будет, – равнодушно сообщила Рина, – сейчас придет Денат и священным ножом достанет ребенка; а тело Мины сожгут на костре.

Ей, конечно, никто не перевел слова доктора Брауна; Алексей Александрович на всякий случай уточнил у британца:

– А что, Энтони, молодая мама жива?

– Живее всех живых! («Почти как Ленин», – машинально усмехнулся профессор) Живот ей, конечно, распахали прилично – пришлось делать кесарево сечение. А как иначе – такой богатырь родился! Ну, ничего – через пару недель выпишем домой.

– Которого у нее еще нет, – пробормотал Романов.

И тут пронзительным басом возвестил о своем появлении на свет, а также об изменении статусов и имен «высших» неандертальцев, сам герой сегодняшнего вечера. В двери фургона опять показалась усталая Таня-Тамара; она улыбнулась мужу и тут же грозно нахмурила брови, когда мимо нее попыталась прошмыгнуть Рина.

– Куда в грязной одежде? Не пущу!

Ожерелье до сих пор висело на шее неандерталки и она повернула лицо, заполненное отчаянием, к профессору. Тот уже начал лихорадочно подбирать слова для юной дикарки, но, как оказалось, их уже успел подобрать командир. Кудрявцев отобрал у Алексея Александровича второе ожерелье и, взяв за руку Рину, подвел ее к Зине Егоровой.

Профессору оставалось только наблюдать, как меняется выражение лица Рины – ужас и резкое отрицание сменили покорность и повиновение. Ее рука тем временем переместилась в ладонь поварахи и полковник повернулся к своему заму по продовольственной части:

– Вот, Зинаида, теперь ты для нее царь, бог и воинский начальник. Что скажешь, то она и сделает. Точнее покажешь; эти украшения, – командир стянул с шеи Рины переводчик, – нам сейчас понадобятся в другом месте.

– И что мне с ней делать? – успела задать вопрос Егорова.

– Как что? – непритворно удивился Александр Николаевич, – что медики посоветовали, то и делай. Искупать и саму, и ребенка; выдать новое обмундирование... Тьфу, ты! Одежду новую им выдай.

– Точно, – обрадовалась Зинаида, – у нас ведь и ванночка где-то детская есть...

Эти слова она выкрикнула уже в спины командиру, и всех, кто поспешил за ним. Профессор с Оксаной Кудрявцевой в их числе, естественно. Алексей Александрович успел задать вопрос на ходу:

– А зачем нам теперь эта Рина? Мать-то ведь жива.

– Ну, – притормозил полковник, передавая ему второе ожерелье, – слышал ведь, какой богатырь народился. Может, ему одной груди недостаточно будет.

Эти слова услышал старый вождь. Это именно он рвался на закрытую для него и остальных дикарей территорию. И не появившись вовремя командир, пришлось бы ему, наверное, узнать, как надежно защищают звериные шкуры от пуль калибра семь-шестьдесят два.

– Какая вторая грудь? – зарычал он, не дотрагиваясь, однако, до запретного металла автомата Калашникова.

– Поздравляю с рождением праправнука, – протянул ему руку в приветствии Кудрявцев. Старый вождь жеста не понял и не принял. Он отступил от Великого охотника и отрезал, явно давая понять, что никакого отказа не приемлет:

– Выдайте нам тело. К утру пепел первой матери Де должен быть развеян по ветру, иначе...

– Иначе что? – рядом с командиром встал Романов.

– Иначе гнев Спящего бога будет страшен.

– Так мы же и так ждем его, – улыбнулся профессор, – а послать ему сюда больше некого – палач ведь мертв...

В последнем Алексей Александрович не был уверен на все сто – кого там еще могло припасти на такой случай существо, называвшее себя Спящим богом? Но старого неандертальца такой факт сразил; еще больше его поразили жесткие слова Кудрявцева:

– Никто не позволит вам сжигать живую женщину. Мать ребенка жива, и через две недели... через три руки ночей вы получите ее. Вместе с ребенком.

– Отдайте мне моего сына, – буквально зарычал Де (или, точнее, уже Ден).

Но это рычание утонуло в гораздо более грозных и громких звуках – к ним подъезжал трактор с прицепом. Вид этой такой мирной по своему предназначению техники заставил все племя, собравшееся за спинами своих вождей, рухнуть на землю. Сами вожди еще держались, однако и они готовы были повернуться и бежать от страшного чудовища, плюющего темными клубами вонючего дыма. О родившемся недавно Де они, скорее всего, забыли.

А трактор исторг в выхлопную трубу последний клоч дым и умолк. В открывшуюся дверцу выпрыгнул майор Цзы, а из остановившейся позади прицепа «Витары» подошел Холодов. Он сначала доложил командиру: «Все выполнил, товарищ полковник!», – дождался одобрительного кивка, и только потом повернулся к неандертальцам:

– А это что за чучелы?

«Чучелы» уже немного пришли в себя и готовы были продолжать предъявлять требования, но полковнику Кудрявцеву (профессор это прекрасно видел) было не до них. Официальным до сводящей скулы оскомины голосом он произнес:

– Завтра ровно в полдень... Когда солнце достигнет самой высокой точки в небе (это он так обозвал полдень) мы продолжим разговор. О нашей битве с богом, о том, где вы будете жить и... о ребенке. А пока у меня есть другие дела.

Наступила пауза, прервал которую старый вождь, поднявший руку и ткнувший пальцем в грудь командиру. Романов ждал новой порции обвинений и требований, но командир понял этот жест по-своему. Он снял с шеи ожерелье и повесил его на руку вождю за кожаный ремешок – совсем так, как его днем носил неандерталец-коротышка. Профессор, поколебавшись, повторил эту процедуру. Теперь люди и неандертальцы не могли понять друг друга.

– А может, – подумал Алексей Александрович с некоторым сожалением (он уже считал это ожерелье своим), – это был ответный жест командира, – мол, заберите свои цапки и не мешайте занятым людям?

«Высшие» неандертальцы скорее всего так и поняли. Неторопливо развернувшись, они зашагали туда, где уже горел костер, и кто-то копошился рядом – наверное готовил ужин. А небольшая толпа людей, собравшаяся вокруг Кудрявцева и Романова, так же дружно направилась к лаборатории. Следом медленно колесили трактор и «Витара».

Совсем скоро перед зрителями «нарисовали» очень предметную карту анклавов миоценового леса. На ровной площадке рядом с «цехами» лаборатории (идеально ровной, ведь она была создана путем заливки волшебной пластмассой) правильным квадратом разместились двадцать четыре предмета.

– Вот в правом нижнем углу, – узнавал Романов, – между куском шкуры от африканской хижины и каким-то камнем... ага – это обломок Пизанской башни, – между ними приличный блин древесного спила – это его сегодня отпилил Дубов от русской бани...

Его взгляд побегал по частицам артефактов, чуть задержался на горке листьев, коры и каких-то веток в левом верхнем углу. Перед глазами зримо встала картина расправы дикарями с Марио, Холодовым и им самим. Он даже помотал головой, отгоняя видение, которое, наверное, не забудет никогда.

– Молодцы, – похвалил еще раз полковник Кудрявцев, – а теперь вам будет задание (это он обращался к профессору Арчелия и его бессменным помощникам – Благолепову и Ежикову), – надо это «богатство» растереть в порошок и изготовить образцы блоков. Нужно объяснить какие?

Георгий Арчелия даже немного обиделся:

– Изготовим, как полагается – с научным подходом, с бирочками на каждом образце. Завтра часов в одиннадцать можете подходить. Все будет готово.

– Я буду раньше, – пообещал командир...

Утром профессора ждало новое потрясение. За завтраком они с Таней-Тамарой подсели за стол к незнакомке в простеньком ситцевом платице. Алексей Александрович машинально пожелал доброго утра и приятного аппетита, и только потом взглянул в лицо соседки. Это была неандерталка. Но какая! Рину сейчас никак нельзя было назвать дикаркой – по крайней мере, внешне. С отмытым лицом, умело нанесенным... этим, как его... макияжем; с аккуратной прической – она на улице какого-нибудь городка среднерусской долины не обратила бы на себя особого внимания, разве что свежестью щек и задорной улыбкой. Как быстро она освоилась в чужой для себя среде!

– Ей, наверное, и зеркало поднесли на себя полюбоваться, – подумал невольно Романов, кивая Маше (или Гале – никак не мог запомнить профессор юных арабов в лицо) и принимая от нее тарелку с завтраком, – а где же...

– А ребенок сейчас там, – опередила его с ответом вопрос Зина Егорова, – в фургоне, спит рядом со своим молочным братом.

– Значит?..

– Ничего не значит, и ничего не знаю, – опять угадала его вопрос Зинаида, – все вопросы к докторам. А у меня своя задача – как можно больше русских слов вдолбить в эту голову за две недели, – она приподнялась и погладила по каштановым волосам неандерталки, – сделать из нее идеологического и психологического диверсанта.

Последние слова шеф-повар этого заведения общепита произнесла по слогам – явно цитировала кого-то. Профессор не стал даже спрашивать, кто дал такое поручение Егоровой; полковник Кудрявцев, конечно же. А где же он сам, кстати?

Зинаида Сергеевна проявляла сегодня чудеса проницательности:

– А Александр Николаевич с утра пораньше в лаборатории. Позавтракал вместе со своей Оксаной и убежал. Куда? – осадила она возгласом дернувшегося было из-за стола Романова, – а компот? Из сухофруктов – вкуснящий, будто из свежих вишен с абрикосами. А потом еще меня поучишь.

– Чему? – не сразу сообразил Алексей Александрович; в кулинарии он вроде бы не разбирался.

– Ну как же, – всплеснула руками повариха; она теперь стояла рядом с Риной, – а как ее учить русскому, с чего начинать?

– Ага, – мрачно подумал профессор, – в университете студентов этому пять лет учат, и не у всех получается, а тут... Не отстанет ведь.

В общем, в лабораторию Алексей Александрович ушел только через два часа, проведя и лекции, и практические занятия, пообещав к тому же завтра продолжить обучение. Впро-

чем, по ходу занятий он вполне успокоился, даже загорелся от такой возможности вспомнить и применить в деле свои навыки. К тому же он и сам учился – языку неандертальцев, небезосновательно полагая, что это может понадобиться.

– А может, и нет! – вспомнил свои недавние размышления профессор Романов, пробуя закрепить на руках ремешок механизма, сходного с обычными наручными часами.

Вот этим самым ремешком и сходным. Вместо корпуса с циферблатом на ремешке был закреплен большой янтарный кругляш, изготовленный из пластмассы.

– Да не ищи ты язычка и дырочек, – рассмеялся командир, – застегивается на липучки.

Действительно – концы ремешков чуть царапались, а соединенные несильным нажатием, уже не соскакивали с запястья.

– И что это? – вообще-то Алексей Александрович уже догадался; вопрос был в другом – как Кудрявцеву удалось сотворить очередное чудо?

– Это аналог вчерашнего ожерелья, – подтвердил его догадку полковник, – видел я, как тебе не хотелось отдавать «игрушку» Денату.

– Так я и поверил, – подумал, улыбаясь, профессор, – ты, Александр Николаевич, конечно любишь делать подарки. Но этот переговорник делал явно с далеко идущими практическими целями. Ради меня ты вряд ли бы поднялся так рано, от молодой-то жены.

Впрочем, Оксана Кудрявцева тоже была здесь. У разведгруппы сегодня был вынужденный выходной, и практически вся она была здесь – в самом интересном в лагере месте. Конечно, люди не бездельничали. Вон – та же Оксана прикрепляла какие-то бирочки на маленькие кубики разных цветов, которые раскладывала на большом столе Бэйла; Анатолий с Марио помогали двум Сергеям, насчет которых у Романова возникло вдруг сумасшедшее подозрение – не один ли из них выдал надпись на священном молоте неандертальцев? Не взять ли (на всякий случай) образцы почерка у этих парней, а может еще у кого – по примеру того, как брали совсем недавно анализы крови? Его умственные изыскания были грубо прерваны – командир ловко расстегнул ремешок переговорника и закрепил его на собственном запястье.

– Ты чего, Александр Николаевич, – обиделся профессор, – не можешь себе еще один сделать?

– Могу, – с совершенно непроницаемым лицом ответил Кудрявцев, – и сделаю. Но на сегодняшних переговорах он будет только у меня.

– Но почему? – обиды в голосе Романова не убавилось, – разве я раньше, с итальянцами, да колумбийцами...

– Отлично справился, – поспешил успокоить товарища командир, – но сегодня будут дикари; и дикари необычные. Они фальшь нутром почуют. А мне очень интересно будет услышать, о чем они будут говорить, уверенные, что мы их не понимаем. Предчувствие, понимаешь ли...

С предчувствием командира профессор спорить не стал.

Между тем, Георгий Арчелия, как и обещал, был готов представить новые образцы пластмассы к испытаниям. Он заметно волновался; в основном потому, что никак не мог сам оценить результаты собственного труда. Лишь непонятная пока профессору, да и всем остальным (самому полковнику Кудрявцеву в том числе) способность командира физически воздействовать на неразрушимый материал могла показать сейчас, насколько продуктивно поработала эти два дня команда абхазца.

Полковник в сопровождении Алексея Александровича подошел к длинному столу, изготовленному, кстати, из той же самой пластмассы. На столешнице правильными рядами выстроились серые пористые кубики – совершенно такие же, какими играют дети. По размерам такими же; единственным украшением им служили те самые бирочки – от первого до двадцать пятого номера.

– Почему их двадцать пять, – задал резонный вопрос Романов, и тут же, спохватившись, сам ответил на него – один контрольный, без добавок.

– Точно, – улыбнулся Георгий, – контрольный. Только он как раз с добавками – сразу со всеми. А какой – не скажу, пусть Александр Николаевич сам определит.

– Нашли фокусника, – проворчал полковник, приступая к испытанию.

Первый ряд кубиков он раздавил пальцами совершенно свободно; по крайней мере лицо его с закрытыми глазами ни разу не показало, что он ощутил какую-то разницу. А разница была!

– Седьмой самый крепкий, – наконец озвучил свои ощущения Кудрявцев, – ну и... Двадцать первый – лишь чуть-чуть послабее показался.

– Ничего не показался, – довольно улыбнулся абхазец, – седьмой и был тем самым контрольным, а двадцать первый... (он сверился с каким-то списком), в двадцать первом опилки от вашей бани.

Полковник потянулся за кубиками во втором ряду. Показалось профессору Романову или нет, но здесь дела пошли не так просто и быстро. И паузы были подлиннее и пальцы командира побелели заметнее... А когда этот этап эксперимента закончился, глаза командира открылись не сразу; а когда открылись, сразу нашли Арчелия:

– Это ты образцы проверяешь или меня? – с видимым возмущением провозгласил он, – теперь самый крепкий девятнадцатый, за ним третий.

– Вай, молодец, – может, нарочитым кавказским акцентом Георгий хотел скрыть смущение; а может, он действительно так сильно обрадовался? – опять в точку: девятнадцатый контрольный, а третий русский. А еще что заметил, дорогой?

Командир строго посмотрел на него.

– Извините, товарищ командир, – акцент у Арчелия сразу пропал, – я это для чистоты эксперимента. Даже сам не заглядывал, какой номер где. Дальше, уж извините, тоже номера будут меняться. Так как насчет изменений?

– А про то, что в эти кубики добавок насыпали больше, тоже забыл сказать? Или тоже для чистоты? (командир усмехнулся, увидев как абхазец понурил голову – не очень низко, кстати), – во сколько раз больше – в два?

– Точно! – тут же вздернул кверху голову Георгий, – а в следующем ряду...

– Ладно уж, – остановил его полковник, – чистота, так чистота.

В пятом ряду один из кубиков не поддался, как не пытался Кудрявцев стереть его в порошок двумя руками; однако под ударом кувалды, направляемой все теми же руками, развалился на куски. В седьмом ряду еще один – тоже контрольный, как догадался профессор по довольному лицу руководителя эксперимента – не поддался уже никаким усилиям. До десятого ряда решили не продолжать, сэкономили время.

А вердикт профессор Арчелия огласил тут же:

– В общем, друзья, мы теперь знаем, как сделать наш будущий город несокрушимым. Вопрос – нужно ли нам опять собирать эти «легирующие добавки», или обойдемся чисто русским вариантом?

– Ага, – конечно первым выразил свое мнение Толик Никитин, – придет какой-нибудь киргиз – такой же, как наш товарищ полковник... Ну, не совсем такой, конечно – таких больше нет и быть не может (это находчивый тракторист мгновенно отреагировал на общий гул недовольства); шепнет что-нибудь по-своему, по-киргизски, дунет-плюнет и все – нет больше нашей хаты.

Такую возможность представили наверное все, потому возражать Анатолию никто не решился. А вот профессор Романов как раз такую, или подобную возможность совсем недавно рассматривал, поэтому первым нарушил молчание:

– Если кто-то и сможет разрушить это, – Алексей Александрович показал пальцем на немногие оставшиеся целыми кубики, – скорее всего он тоже будет говорить на русском языке...

– Ну да, – прервал его язвительно Никитин, – фразами типа про денатурат.

– Или про Толика, – вернул ему усмешку профессор.

– Хорошо, – прервал перепалку полковник Кудрявцев, – начинаем делать блоки с полным комплектом добавок, с максимально возможной концентрацией. Это для цитадели – центрального здания. А для заборов можно и обычной пластмассой обойтись. С них и начнем строительство.

– А я думал, с цитадели, – озадаченно протянул комендант, – разве это не самое важное?

– Правильно, – согласился командир, – но ведь тебе еще фундамент надо выкопать. Какой там объем грунта?

– Если брать с запасом – почти тысяча кубов на каждый метр вглубь. Так у нас же экскаватор есть!

– Вот пусть и снимет верхний слой – до песка. А там вручную, по десять литров – или сколько там нужно на один блок? И блоки сразу в дело. Огораживайся, Валерий Николаевич от врагов, а заодно... от «друзей» незваных.

– Это же какой объем нужно перелопатить?! – ужаснулся Ильин, – не будем же мы заставлять девчат таскать песок.

– Ну, трубы-то таскать заставил, – не преминула подколоть его бывшая супруга, – надо будем, и песок потаскаем.

– Не пойму я тебя, Ирина, – шутливо нахмурил брови командир, – то ты грозишься оставить нас без детей, то, как Павка Корчагин, хочешь увлечь подруг на никому не нужные трудовые подвиги. Вот пусть наши ученые и технические умы продумают, как автоматизировать процесс, или, по крайней мере, механизировать. А не придумают...

– Придумает командир, – опять быстрее всех отреагировал тракторист.

А полковник Кудрявцев очень странно отреагировал на откровенный подхалимаж:

– Я уже придумал, – усмехнулся он...

На переговоры с неандертальцами командир пошел один.

– Подойдете позже, – велел он профессору и Оксане, а заодно и остальным разведчикам, – соврете, что ходили проведать новорожденного и его мать... Хотя, зачем врать – сходите и проведайте; а я посижу, подожду наших «друзей». Позову вас, когда понадобится.

Разведгруппа дисциплинированно направилась к медицинскому фургону, а Александр Николаевич занял место за столом, который вчера так и не убрали. А чего убирать – до очередного дождя (если только окажется верной поговорка про дождей в четверг) еще два дня, а дикие копытные, да и хищники тоже, давно натоптали себе новые тропы – далеко за границами лагеря.

Вот к командиру присоединились три гиганта; четвертому – мелкому – дикарю стул не предложили. Минут пять спина полковника (а он, естественно, сидел на ближайшей русскому лагерю стороне) оставалась неподвижной. Наконец он вроде как широко потянулся, и разведчики поняли – это сигнал.

На столешнице лежали только три ожерелья, так что всем, кроме самого Кудрявцева с супругой и профессора Романова пришлось ограничиться созерцанием односторонней пантомимы. Больше всех махал руками Алексей Александрович. Неандертальцы сидели истуканами; выплевывал сквозь зубы скупые слова только старый вождь. Командир отвечал такими же лаконичными фразами.

На удивление, дикарь согласился на все условия полковника: племя строит становище там, где укажет Кудрявцев (или человек, им уполномоченный), но не вблизи реки – требование

Денату. Люди обеспечат их питьевой водой (что за водо-, точнее рекобоязнь у дикарей?). Ну и свежей добычей.

Великий охотник может понадобиться в любой момент – когда старый вождь сможет разбудить и призвать Спящего бога. А поскольку командир не собирался таскаться по пятам вождя, рядом с полковником за пределами лагеря всегда будет посланник Денату – правнук Ден, который сегодня сидит напротив профессора и скалит зубы, не решаясь, впрочем, повернуть голову налево, к Оксане Кудрявцевой. Этот самый Ден, молодой отец, который к сообщению о состоянии сына и его матери отнесся весьма и весьма равнодушно, оказывается, был лучшим, и практически единственным охотником в племени, поэтому...

От других услуг и предпочтений дикари в лице вождя категорически отказались. Единственно – попросили хотя бы на час каждый вечер предоставлять аккордеонистку – видимо, настоящая музыка была способна затронуть сердца даже таких, по сути чуждых всему человеческому существ. С полной гарантией безопасности Жадовой, естественно.

В свою очередь племя обязалось поставлять ежедневно по десять крепких мужчин в качестве неквалифицированной рабочей силы – бери больше, кидай дальше! Тут профессор в очередной раз взмахнул руками и искренне улыбнулся – он понял, что будут брать дикари, и куда кидать.

На этом саммит завершился, и одна из высоких (в прямом и переносном смысле) сторон отправилась к соплеменникам в сопровождении вооруженных автоматами Левина и Марио – им предстояло согласовать место стойбища, удобное и безопасное – в первую очередь для людей. А остальные разведчики терпеливо ждали, когда командир решит, что тонкий слух дикарей не сможет улавливать его слов. Одно ожерелье осталось лежать на столе – для связи с Деном; Кудрявцев опять перебирал его, словно четки. Что он хотел выжать дополнительно из этого образца неизвестно чьих технологий (не сами же дикари их изготовили!), так и осталось неизвестным. Полковник, дождавшись, когда «высшие» дикари под конвоем удалятся на достаточное, на его взгляд, расстояние, рассказал остальным разведчиком, чем закончились переговоры.

– А потом? – задал вопрос Никитин.

– Что потом?

– Ну, потом, когда покончим с этим Спящим богом, как будем разбираться с ними?

– Ага, – засмеялся командир, – не «если», а сразу «когда»? Молодец, так держать. Вот когда покончим, тогда и решим. А сейчас гадать бесполезно – мало ли что случится за эти месяцы.

– Месяцы? – поразился Романов.

– Ну да, – засмеялся Кудрявцев, – так почему-то считает этот Денату. Ну и мы спешить не будем. Зачем отказываться от дармовой рабочей силы? Пусть приобщаются, так сказать, к цивилизации.

– А это не опасно? – осторожно заметил Ильин, – тут какая-то пятая колонна получается.

– Это ты правильно назвал, – повернулся к нему Александр Николаевич, – только вот у кого в тылу эта «колонна» будет основы разрушать? В лагерь мы их не пустим, а трехразовое питание от Зины Егоровой кого хочешь перевербует. Да еще рядом совершенно другой уклад жизни – бегают и смеются женщины и дети; никто никого не бьет; все сытые и довольные. И как по волшебству строится город. Что, Валерий Николаевич, покажем неандертальцам, как русские работают (он повел взглядом вдоль шеренги выстроившихся разведчиков)?.. И итальянцы... И израильтяне... И никарагуанцы, – в общем все. Покажем?

– Покажем, – комендант энтузиазма Кудрявцева совсем не разделял, – только сначала надо построить водопровод от родника до стойбища дикарей, который ты, Александр Николаевич, им обещал. А где я столько труб найду?

– Ну..., – протянул полковник, – где же твоя смекалка, Валерий Николаевич, отдыхает? Вон тогда пусть Анатолий подскажет.

Тракторист действительно тянул перед собой поднятую кверху руку – совсем как ученик-отличник на уроке.

– Помните, – начал он, когда командир кивнул ему, – Виталик Дубов объяснял нам, как надо смазывать формы, чтобы пластмасса не приклеивалась (он дождался, когда комендант пожал плечами и продолжил), – ну он еще принес обломок бетонной панели.

– Ну и что, – пробурчал Ильин.

– Так панель та была облегченная, с пустотами внутри. Это же готовая труба. Представь: в длинный деревянный ящик, в отверстия с торцов вставляешь еще более длинную трубу нужного диаметра, чтобы концы торчали; смазываешь все внутри маслом (особенно густо на стыках трубы с деревом), и заливаешь жидкую пластмассу...

– Ага, – подхватил обрадовано понявший, наконец, комендант, – через полчаса вынимаем металлическую трубу и вываливаем из ящика готовый кусок пластмассовой. Главное – у нас все преимущества и круглых и профильных труб. Внутри – круглая, так что вопросы повышенного трения, засоров в острых углах и многое другое снимаются. А снаружи – квадратная, так что складировать удобно – штабель рассыпаться не будет. Ай да Анатолий! Ты почаще общайся с Виталиком, глядишь – он тебе еще какую идею подскажет.

– Уже, – скромно потупил глаза тракторист.

– Что уже?

– Уже подкинул, – пояснил Анатолий, – насчет того, как нам попасть к соседям, минуя гигантских крокодилов.

– И как? – это уже командир задал вопрос.

– Ну, мы с Виталькой рассказывали друг другу про то, где службу тащили, – начал изда-лека Никитин, – вот он и хвалился, какие у них в инженерно-технической части...

– В роте бетонных работ?... – хмыкнул Ильин.

– У них там и другие роты были, – не стал вступать в пререкания непривычно покладистый тракторист, – например понтонная рота.

– Так его же, понтон, собирать надо на месте – я это по телевизору видел, – не унимался комендант, – так тебе эти крокодилы и дадут складывать-раскладывать.

Сам Ильин громадных земноводных хищников, конечно, не видел, но явно был впечатлен рассказами товарищей-разведчиков.

– А зачем его складывать? – победно улыбнулся Никитин, – сколько там безопасная зона – метров сорок? Да сам водоем пятьдесят, как утверждает профессор; плюс такая же зона безопасности за ним – итого сто сорок метров. Для круглого счета сделаем мост длиной сто пятьдесят метров.

– И как же ты эту машину будешь через канал перекидывать?

– Какую машину? – удивился тракторист, – вес кубометра пористой пластмассы всего пятьдесят кило. Я тут подсчитал, что мост длиной сто пятьдесят метров и шириной четыре метра даже с учетом больших колес и всяких там ферм будет весить самое большее десять тонн. Я его своей «Беларусью» легко дотащу до канала, а там – толкну сзади. В воде пластмасса не тонет, на другом берегу так же на колесах проедет, а мы концы потом как-нибудь закрепим. Ну, это чтобы мост ветром не сдуло – вдруг ураган какой нагрянет.

Разведчики помолчали, переваривая информацию; никто так и не успел похвалить находчивого тракториста, потому что Алексей Александрович вдруг вспомнил о главном:

– Александр Николаевич, а уловка-то твоя сработала?

– В какой-то мере, – ответил командир, – главное мы и без нее узнали...

– Какое главное? – подался к нему профессор.

– Главное – это то, что у неандертальцев есть еще ожерелья, или другие артефакты, и служат они им в качестве средств дальней связи, которые нам тоже совсем не помешали бы. Так ведь? – Кудрявцев повернулся к Алексею Александровичу всем корпусом.

– Так, – согласился Романов, – а они сами об этом сказали?

– Нет, – засмеялся командир, – ежу понятно, что если с нами посылают связного, по совместительству согладая, он должен как-то связываться с Денатом: точнее наоборот – старый вождь всегда должен иметь возможность вызвать нас. А рассказали они следующее (улыбка на лице Александра Николаевича пропала) ... Рассказали они о своих планах на будущее. У них почему-то никаких сомнений в исходе битвы со Спящим богом нет. И себя они видят победителями.

– А мы? – это уже Никитин поинтересовался.

– А мы в их планах не числимся, – холодным, не предвещающим ничего хорошего некоторым стратегам тоном, ответил полковник Кудрявцев, – по крайней мере я с Марио и Самчаем точно. Ну и Оксана за компанию. Мнения разделились только в способах устранения конкурентов (естественный отбор, понимаете ли – прямо по Дарвину). Один предложил использовать ту самую кувалду, а второй – скормить какой-то многорукой твари в реке...

– Так вот почему они категорически отказались поселиться у речки, – пробормотал едва слышно профессор.

– А третий? – не унимался тракторист.

– Третий оказался не таким кровожадным; предложил нам разделить участь других людей.

– И какая такая участь нас ожидает?

– Люди должны будут стать не-зверьми... Самыми низшими – со всеми вытекающими последствиями. Объяснять нужно, особенно насчет женщин?

За спиной профессора глухо заворчал Марио. Но естественному всплеску возмущения разведчиков не дал расплескаться командир:

– Ну что ж, их планы нам известны; наш план будет, может быть, не таким кровожадным, зато он будет точно реализован на все сто. Это я вам обещаю...

Глава 38. Оксана Кудрявцева. Ходи, да оглядывайся

Новый день начался с соревнования – какой ствол лучше подходит для охоты на крупную копытную дичь – «Бенелли», «Вепрь», или снайперская винтовка Драгунова. Победило мастерство и... дружба. Только по два раза гроыхнуло каждое оружие и вот уже шесть туш не самых крупных бизонов (так называли этих животных люди) лежат на траве.

– Попробовал бы кто-то из нас промахнуться, – усмехнулась про себя Оксана, – Саша бы мигом устроил головоломку. И правильно – патронов-то все меньше и меньше, а теперь еще и этих дикарей едой обеспечивай.

Впрочем, Кудрявцева ворчала больше из-за того, что охотников, вернее охотниц, сопровождал громила-неандерталец, в присутствии Оксаны придерживающийся каких-то правил приличия, как их понимала израильтянка. Она предчувствовала, что совсем скоро этот гигант получит хорошую трепку от Кудрявцева – вряд ли дикарь, всю жизнь не знавший отказа в любых притязаниях, сможет долго сдерживать свои животные наклонности – не в обиду будет сказано животным, которые как раз перед людьми ни в чем не провинились. Напротив – с первых дней в новом мире исправно служили источником пропитания...

Верблюдицы под «управлением» доцента Игнатова утащили две туши, на которые показал палец Оксаны, в сторону лагеря; остальные окружила целая толпа дикарей. Кудрявцевой наблюдать за тем, как неандертальцы разделяют каменными ножами добычу, было неинтересно; гораздо интереснее было посмотреть, чем это там таким срочным занимался с утра в лаборатории ее милый, пока она состязалась в меткости с Бэйлой и Ирой Ильиной?

Совсем скоро полковник Кудрявцев вместе с Толей Никитиной с гордостью демонстрировали и ей, и остальным разведчиком надежного четырехколесного друга – «Эксплорер» – который вновь обрел дверцу багажника. Самым поразительным было то, что сплошное стекло, которое теперь должно было прикрывать тыл разведгруппы, было тонированным. Ирина даже успела повернуть:

– Обязательно было делать таким темным? Ничего же из салона видно не будет.

– И то, что в салоне творится, тоже никто не увидит, – тут же возразил Никитин.

– А кому тут глядеть-то?

– А тому, кто будет сидеть здесь, – тракторист одним прыжком запрыгнул в стоящий рядом автомобильный прицеп, тоже модернизированный; теперь он напоминал джип из тех, что применяют в сафари – с дугами безопасности, сиденьями и даже прозрачной стенкой спереди, продолжавшейся на половину прицепа навесом от осадков (так поняла Оксана), – наши «друзья» -неандертальцы вряд ли угонятся за автомобилем.

Совсем недалеко у незримой черты, которую вчера Левин со средним из вождей провели, определяя границы, самовольное пересечение которых неандертальцам было запрещено, действительно сидели двое дикарей – тот самый молодой гигант и его молочный брат – «брат по второй матери». Вчера, как подозревала Кудрявцева, их мировоззрение получило сразу несколько ударов. И не самым слабым из них был тот факт, что мать «высшего» ребенка осталась в живых; в первый раз за всю историю цивилизации.

– Ну, – подумала Оксана, – цивилизацией это пока назвать сложно. Но что будет, когда все запреты рухнут, когда не связанные ничем иным, как только заботой о процветании племени головы начнут работать в нужном направлении? Вон они у них какие большие!

Кудрявцева вспомнила, как вчера тот же Никитин рассказывал об этих самых неандертальцах. И больше всего в этом рассказе ее поразило тот факт, что объем мозга у этих дикарей больше, чем даже у них – людей двадцать первого века.

– А тут еще перед глазами живой пример – наш быт, наши инструменты и технологии. Надо сказать Саше, чтобы не все секреты открывал. А не то получится, как у нас дома – Израиль в окружении враждебных государств. Как-то они там?

Впервые израильтянка почувствовала что-то вроде ностальгии; чувство это оказалось мимолетным, потому что поступила команда на погрузку в «Эксплорер» и верный четырехколесный помощник, грузно переваливаясь, направился к той самой границе.

– Мне показалось, или дверца сейчас стукнула как-то иначе? – продемонстрировал тонкий слух Марио.

– А, заметил? – довольно засмеялся Никитин, – командир приказал сделать из автомобиля броневик.

– И вы?...

– И мы с Сережками покрыли весь корпус, да и колеса тоже пластиком. Нас сейчас даже из гранатомета не возьмешь. Вот построим мост и заедем к соседям – отстреливать медвежат прямо из окошек. Вот тут моя Бэйла всем вам класс и покажет.

Марио хотел еще что-то сказать – наверное, вступить за свою Ирину, которая, впрочем и сама готова была постоять за себя, но полковник постучал негромко ладонью по рулю, останавливая автомобиль рядом со вскочившими дикарями. Впрочем, вскочил один – мелкий; здоровяк поднялся легко, но неторопливо, как и положено «высшему»; прения в салоне сразу прекратились.

Первым, даже раньше командира, выскочил наружу Никитин – так ему не терпелось поглядеть, как будут обживать новое средство передвижения необычные пассажиры. Увы, в прицеп с явной опаской залез только молочный брат гиганта, Лао – да и то после повелительного кивка вождя. Сам Ден, вооруженный длинным копьем с каменным наконечником, гордо вздернул голову, не одарив людей другим жестом. Однако полковник Кудрявцев понял его правильно – сел за руль и нажал на педаль газа. Разведчики невольно оглянулись назад – оказалось, что дверца багажника, сегодня появившаяся у автомобиля, изнутри оказалась абсолютно прозрачной. Если это кого и удивило, то только не Оксану.

– Мой Саша и не такое может, – с гордостью подумала она, разглядывая внушительную фигуру неандертальца, который, оказывается, и бегал неплохо, – давай, газуй!

Однако Кудрявцев довел стрелку спидометра лишь до тридцати километров в час – до той самой красной черты на шкале, превышение которой всегда ознаменовывалось противным писком – предупреждением нерадивым водителю и пассажирам, не озаботившимся пристегиванием ремней безопасности. Черточки стрелка так и не достигла. Ден неумоимо бежал за «Эксплорером» до самого поворота от поймы налево, где уже была видна идеально ровная линия скального разлома.

Здесь автомобиль остановился, и неандерталец все-таки залез в прицеп. Никитин издал короткий смешок, но тут же получил команду полковника и открыл дверцу второго ряда с правой стороны, у которой сидел. В ноги ему тут же прыгнул алабай, и трактористу стало не до смеха – вдвоем им было тесно; к тому же от Малыша несло запахом здорового собачьего организма, только что пробежавшего те же пять километров, что и Ден.

– Молодец, Малыш, – похвалил Кудрявцев, и на душе Оксаны сразу полегчало – оказывается за мрачным дикарем велось наблюдение.

Она тоже повернулась назад, и даже протянула руку, чтобы погладить пса по громадной голове; чуть не отдернула ладонь, наткнувшись сразу на несколько других – не только ей пришлось по душе такая служба алабая. Пес благосклонно принял похвалу и завозился, вытягиваясь сразу вдоль всей длины салона меж ногами Никитина, Бэйлы и профессора Романова. Марио, Ирина и Таня-Тамара сидели в третьем ряду сидений. Они первыми и заметили, что по гребню набиравшей высоту скалы идут люди – три человека, согнувшиеся под тяжестью снаряжения. И они были вооружены! На их возгласы зашумели сразу все разведчики, кроме

командира, который бросил недолгий взгляд на незнакомцев, которые после его слов сразу же перестали быть таковыми.

– Холодов и Самчай с майором Цзы. Я думал, они уйдут дальше.

– И что они там делают? – немного обиженным голосом спросила Оксана.

Как же – отправил людей исследовать неведомые земли, а с ней не посоветовался. Впрочем, обида была несерьезной; она прекрасно понимала, что если бы командир каждое свое решение обсуждал с помощниками – ну, хотя бы с ней, на все остальное у него просто не оставалось бы времени.

– Мы сейчас пробежимся вдоль канала, – улыбнулся ей муж, – а ребята посмотрят сверху. С краю – там, где мы завалили крокодила («Ты завалил», – отдала ему первенство Оксана) – высота скалы метров триста, а дальше еще выше будет. Так что, наверное тибетский дацан разглядеть можно будет. В бинокль, естественно.

– А кстати, почему мы мимо тибетцев не поехали? – задал вопрос профессор.

На этот вопрос даже Кудрявцева могла ответить – показать неандертальцам – особенно тому, кто сейчас вольготно раскинулся на мягком сидении прицепа, заняв сразу два места – беззащитных тибетцев, а тем более вход в другой мир?! Ищите дураков в другом месте! Алексей Александрович наверное сам понял это, потому что переспрашивать не стал.

– Видно, скала покруче, чем мы думали, – продолжил командир, – и тропок наверное нет – некому их прокладывать там. Ну ничего, успеют вернуться да вечера к автомобилю...

Оксана опять глянула на него вопросительно.

– Их Ершов с Марией Котовой на «Вранглере» ждут – там, куда джип смог доехать.

Профессор задал теперь вполне обоснованный вопрос:

– А не опасно оставлять их там вдвоем?

Тракторист опять хохотнул:

– Да чтобы такой хлюпик, как Виталька Ершов, посмел даже глаз поднять на Машу. Да она его...

– Да я не в том смысле? – поморщился покрасневший вдруг ученый.

– А в каком? – вроде как удивился Анатолий, и теперь уже откровенно захохотал; а отсмеявшись, ответил за командира, – мы «Витару» тоже в миниброневику превратили. Так что им ни снежный барс, ни даже пещерный лев им не страшны. От диких зверей, кстати, можно просто уехать.

– Ага, если умеешь, – пробурчал Романов.

Тракторист не успел отпустить язвительную тираду насчет ученых с мировым именем, не умеющих даже завести автомобиль, потому что «Эксплорер» остановился. Картина, открывшаяся перед высывавшими из него разведчиками, ничем не отличалась от вчерашней – все так же лежали недвижимыми длинными колодами саркозухи (надо же – запомнила!), а из зарослей настороженно высывались две короткомордые головы. Другие медведи не почтили своим вниманием ни людей, ни неандертальцев, которые неслышно подошли и остановились сзади. Оксана бросила на них короткий взгляд и успокоилась – еще дальше сидел и внимательно наблюдал за чужаками Малыш.

Поговорить с дикарями мог только командир, с шеи которого свисало древнее ожерелье. Он так и поступил:

– Водятся ли в ваших краях такие чудовища?

Ответа неандертальца, естественно, другие разведчики не понимали – до тех пор, пока Кудрявцев не стал негромко переводить на русский:

– У холма, куда когда-нибудь волчица принесет двух младенцев, таких животных нет, и никогда не было. А в дальних племенах – по правую руку, если смотреть на восходящее солнце («Это на юге», – пояснил по ходу перевода полковник – для не понявших) – да, есть. И я на них охотился. Только те были поменьше – как я и мой брат по второй матери Лай вместе.

Огромная ладонь опустилась на неширокое, но крепкое плечо второго дикаря и тот кивнул.

– Ага, – прикинула израильтянка, – раза в два короче этих – по длине; и в три-четыре раза меньше по весу. Но тоже не подарочек был. С копьем с каменным наконечником на такую громадину – это надо иметь мужество...

– На него все мужчины племени напали, – зачем-то развеял ореол над собственной головой дикарь, – трех или четырех крокодил (так перевел Кудрявцев) задрал своими зубами.

– А ты?

– А мне, как правнуку вождя и будущему вождю положена честь последнего удара.

– По полумертвому крокодилу, – насмешливо закончила за него Кудрявцева.

Александр ее слова, естественно, переводить не стал, но посмотрел одобрительно, очевидно полностью разделяя их. Дикарь тоже явно понял сарказм Оксаны, но смотреть на нее не стал. Предпочел повернуться к лежащим у берега чудовищам; они, наверное, казались ему менее опасными, чем израильтянка.

– Но таких огромных я никогда не видел, – продолжил перевод Кудрявцев, – наши копья вряд ли пробili бы их шкуры (дикарь потряс своим оружием); к тому же, их тут руки рук!

– Сотни, – это перевел уже Никитин.

Разведчики – и люди, и неандертальцы, и алабай заняли свои места; «Эксплорер» пока-тил вдоль канала, наращивая скорость; потом нога полковника вдруг вдавила в пол педаль тормоза. Так повторилось несколько раз, и Кудрявцева сообразила – Александр тестирует. Нет, не «Эксплорер» – его возможности командир хорошо знал; он проверял, до какой скорости бега распространяется любопытство двух гигантских медведей.

До поворота направо – там, где на углу миоцена остались каменные россыпи тибетского анклава – полковник Кудрявцев очевидно пришел к какому-то выводу, который и озвучил:

– Километров сорок в час недолго выдержат. Так что сейчас проведем небольшой эксперимент. Медленно едем вдоль канала; внимательно изучаем все по обе стороны. Метров за пятьсот до окончания двадцатипятикилометровки ускоримся – выше сорока км/ч. Там должна быть какая-то преграда. Посмотрим, как ее попытаются преодолеть косолапые.

– Не такие уж они и косолапые, – проворчал Анатолий.

Внимание Кудрявцевой теперь было поделено между лобовым и боковым стеклами – она держала свой фланг. Пейзаж там не менялся все двадцать пять километров; только крокодилы лежали каждый по-своему, но не дальше сорокаметровой зоны безопасности. Они не обращали никакого внимания на автомобиль, который тоже не пересекал эту незримую черту, чего не скажешь о короткомордых зверушках.

Громадным мишкам пришлось выскочить на открытое пространство вдоль канала, которое, на их счастье, совсем немного, но превышало зону безопасности. Они на бегу ухитрились не отрывать взглядов от набиравшего ход «Эксплорера»; вот они замельтешили ногами пошустрей – командир нажал на педаль газа. Кудрявцева не отрывала от них глаза, но и так, по какому-то внутреннему спидометру, поняла, что скорость давно перевалила за сорок. Короткомордые хищники тоже поддали и вдруг...

Нет – они не врезались в стену или другое препятствие, но мгновенно превратились в огромные темно-желтые клубки, исторгавшие каждый из себя пронзительные, полные смертельной муки вопли. Так мог бы кричать сжигаемый заживо человек, если бы у него, конечно, были легкие и горло, как у медведя.

Один мохнатый шар покатился в сторону канала и мнимую леньность крокодилов словно сдуло ветром; сразу несколько длинных хищных морд воткнулось в этот беснующийся громадный ком, и звук живой сирены достиг того предела, который еще могло вытерпеть человеческое ухо. Впрочем, стекла боковых дверей внедорожника, до того открытые, поползли вверх, отрезая пассажиров от внешнего мира, а главное – от этих ужасных воплей. Это командир

одной рукой ткнул сразу в четыре кнопки управления на подлокотнике. Другой рукой он круто поворачивал автомобиль от канала.

Последнее, что увидела Оксана за закрывшимся окном дверцы – это скрывающийся под бурлящей водой мохнатый ком; до второго крокодила не добрались – он уже не шевелился у стены леса, но, показалось израильтянке, разбухал, рос в размерах...

«Эксплорер», судя по спидометру, остановился через полтора километра. Командир тут же выскочил из-за руля; остальные поспешили за ним к вынужденным союзникам, которые, на свою беду, не были защищены от неведомой напасти. А она – эта напасть – присутствовала и здесь; в немногочисленных экземплярах. На лежащих на полу прицепа неандертальцев то и дело пикировали гигантские – не меньше десяти сантиметров в длину – осы, или шершни (Кудрявцева в таких тонкостях не разбиралась). И каждое такое пикирование заканчивалось вздрагиванием тел дикарей, которые уже не могли издавать тех мучительных звуков, с какими закончили свой жизненный путь медвежьи разведчики.

На ладонях командира неведомым образом оказались обычные рабочие рукавицы; он удивительно ловко и быстро перехлопал с противными чавкающими звуками ужасных насекомых – так что когда Оксана сообразила, что эти осы (или пчелы, или шершни) могли покусать и людей, в том числе и ее тоже, с жужжащими хищницами было покончено.

– Это я так привыкла ощущать себя в полной безопасности рядом с Сашей, – поняла она, – и не зря! Вон он их как ловко!

Полковник уже переворачивал неандертальцев вверх лицом. Впрочем, первый – Лай – повернулся сам, как только рука Кудрявцева коснулась его спины. Лица дикаря было не узнать; но это заплывшее лицо как-то ухитрилось улыбаться – до тех пор, пока неандерталец не разглядел тела лежащего рядом недвижимо Дена.

Он затараторил что-то на своем, неандертальском, но, поскольку нужного ожерелья у него не было, естественно, его не понял даже командир. А тот словно этого и ждал. Такие ловкие и крепкие («Ласковые и нежные – когда надо», – добавила про себя израильтянка) пальцы полковника Кудрявцева тут же стянули с шеи лежащего без сознания «высшего» дикаря украшение. Нет – два ожерелья! Одно из них, с многочисленными бусинами, он не менее ловко накинуд на шею Лая, который вдруг замер; на его лице даже сквозь многочисленные укусы, наливающиеся багровыми шишками, явственно проглядывал мистический ужас и... Как почему-то уверилась Оксана, неописуемые восторг и любопытство.

Все это, наверное, не дало парню отметить одно обстоятельство, которое не преминула отложить в памяти Оксана – Александр внимательно ощупывал, почти мял что-то в ладонях; словно пытался сплющить в лепешку пластилиновый ком. Но нет – это был не пластилин; это был единственный камень второго ожерелья, в суть которого сейчас пытался проникнуть Кудрявцев. Наконец он удовлетворенно кивнул, явно добившись каких-то положительных результатов, и повернулся к Лаю с вопросительной миной на лице.

А тот действительно оказался необычайно понятливым; сразу уловил, что от него требуется:

– Мой брат по второй матери уже бежал от этих маленьких злых собирательниц меда (переводил, естественно, полковник Кудрявцев, так что было ли в неандертальском языке такое слово – «мед», Оксана не узнала). Но там собирательницы были маленькие, и то мой большой брат долго болел и распухал – вот так, как сейчас. Нет! Сейчас сильнее, немного сильнее!

Теперь в голосе маленького дикаря было только неподдельное беспокойство, грозящее перерасти в панику. Ведь рядом не было великого вождя Денату, который, может быть, был единственным из дикарей, кто мог помочь собственному правнуку. Но зато были люди! И в их числе специалист по экстремальной медицине – бывшая медицинская сестра «Врачей без границ» Таня-Тамара Романова.

– Сильнейшая аллергия, – ответила она тут же на вопрос полковника, – посмотрю – вроде у меня были антигистаминные препараты. Ага (закончила она, наконец, копаться в своей большой медицинской сумке) – вот супрастин в ампулах. Двухпроцентный раствор венгерского производства. Главное, чтобы у него была совместимость; кто их, неандертальцев, знает. Такому здоровяку, пожалуй, двойную дозу вколоть надо.

Впрочем, иного выбора не было, и совсем скоро маленький дикарь с ужасом глядел, как в тело его молочного брата вонзается игла из запретного металла, которая, в свою очередь, была соединена с чем-то непонятным, подвластным рукам этой красивой (красивее любой девушки не-зверя) ведьмы, явно подарившей свою душу злобным предкам...

Супрастин помог. Ден задышал ровнее, а затем открыл глаза, тут же приняв полулежачее положение. Он почти сразу же сел, оперевшись спиной на переднюю стенку прицепа. И первое, что он сделал – схватился за ожерелья на шее. Они уже висели там, и только опасливые взгляды Лая могли подсказать молочному брату, что совсем недавно эти артефакты меняли хозяина. Почему-то Кудрявцева была уверена, что маленький дикарь промолчит. А проговорится – кому он сделает плохо? Если только себе? Полковник Кудрявцев получил, что захотел...

Автомобиль развернулся и поехал назад – теперь уже по степи, мимо лагеря тибетцев. Командир предусмотрительно сдал правее, чтобы не подъезжать близко к запретной для чужаков россыпи камней с дацаном посередине. Впрочем, эта предосторожность скорее всего была излишней – глаза неандертальцев совсем заплыли опухольями.

Разведывательная экспедиция опять прервалась, как говорил попугай Кеша из детства Оксаны: «На самом интересном месте». Впрочем, результаты были. И главные сейчас хранились в виде трупиков в той самой перчатке, которая и стала орудием их убийства.

– Конечно, – объяснил товарищам полковник, как только автомобиль взял курс на русский лагерь, – это не черви, в которых хорошо разбирается доцент Романов, – но у нас и по этим тварям найдется специалист.

– Какой? – не сразу вспомнил профессор.

Он сейчас лихорадочно тыкал в кнопки планшета, пытаясь отыскать в палочке-выручалочке – Википедии – ответ на вопросы: «Что же это за крылатые хищницы, и главное – как с ними бороться?».

А что бороться придется, сомнений ни у кого не было...

– Ты забыл, что у нас есть самый настоящий пасечник, профессор Арчелия, – напомнил командир, – а чем отличаются эти хищницы от домашних пчел? Размерами?..

В первую очередь сгрузили живой груз – а иначе полуслепых, полуглухих, непригодных к чему-либо полезному неандертальцев назвать было нельзя. Старый вождь практически не слушал скороговорки Лая. А может, притворялся, что не слушает – кто его, старого пройдоху, поймет? Он обвел тяжелым взглядом людей, вышедших из автомобиля, будто пытаясь заставить их потупить взгляды.

– Словно мы в чем-то виноваты? – возмущенно подумала Кудрявцева, – навязал нам на головы своего правнука, а нам отвечать? Ну нет!

В общем, до командира, терпеливо ждущего, когда вождь перестанет бесцеремонно разглядывать его товарищей, и задаст какой-нибудь вопрос, или предъявит претензии, взгляд Денату не дошел. Он наткнулся на не менее яростный взгляд израильтянки, и старик вздрогнул всем телом, не в силах оторваться от таких прекрасных, притягательных и смертоносных для врагов глаз. И только когда взгляд этот принял выражение немигающих глаз обьевишейся кобры, мелкий грызун, которым, несомненно, ощущал сейчас себя громадный неандерталец, шмыгнул в свою норку – в самую большую хижину стойбища.

А этот взгляд – предсмертный дар Седой медведицы – проводил Денату до самой хижины и даже успел оценить состояние последней – выдержит ли она завтрашний дождь?...

Глава 39. Профессор Арчелия. О пользе и вреде профилактики заболеваний

Был ли счастлив профессор Арчелия в новом мире? Ответить однозначно не мог ни он сам, ни, наверное, никто из обретенных в последние дни товарищей. У тех, естественно, у кого были время и желание задать себе подобный вопрос. Когда взгляд его останавливался на Зинане, опять молодой, красивой и желанной, ответ был однозначным – да, иной жизни он теперь не желал. Но то, что их мир, точнее мирок, ограничивается вот этими нескладным, полуразрушенным лагерем; немногими, пока еще хаотично расположенными новыми строениями; реликтовым лесом, в котором совсем недавно произошли жуткие события, свидетелем которых он тоже стал. Ну и конечно – бескрайней степью, у которой, как оказалось, есть все таки границы – та же река, названная с чьей-то легкой руки Волгой; Индийский океан; горы и проливы, образованные той же могучей и безжалостной силой, что легко, словно кубиками, играет судьбами и самой жизнью людей и животных.

Как в этой цепочке разместить новых персонажей – неандертальцев – он пока не знал. Да и знать не стремился. Он только чувствовал, что от них, внешне мало чем отличающихся от людей, исходит угроза существованию крошечного человеческого лагеря.

– Вот, – понял он, наконец, – вот что его поражает и подавляет – несоразмерность их микроскопической человеческой общины и огромного, бесконечного, учитывая их совсем невеликие возможности, мира. Мира девственного, ждущего своих будущих исследователей и покорителей. И именно они стоят у истоков нового человечества.

Страшно. Страшно и безумно интересно. Особенно если учитывать тот факт, что он сам сможет увидеть всю цепочку становления цивилизации. Если, конечно, теория профессора Романова верна. В то, что есть принципиальная возможность понаблюдать, а может и принять непосредственное участие в строительстве египетских пирамид и того же Рима; постоять в толпе, которая провожает взглядами первый в истории крестный ход в Иерусалиме, свершаемый человеком, взвалившим на плечи вместе с деревянным крестом всю боль и горе человечества... Может быть подглядеть, как ложатся на холст краски с кисти великого Леонардо?.. Или встать в бою рядом с дедом, сложившим голову в битве под Москвой?..

Увы, ничего этого не будет. Потому что история сейчас поворачивает совсем в другую сторону. В какую? Георгий надеялся, что туда, где будет меньше трагедий, бессмысленных смертей и предательства; где люди учтут все горькие уроки, записанные в человеческой памяти и... Википедии.

А пока надо эту самую историю творить с укрепления лагеря, со строительства города. Именно для этого Арчелия уже который день прерывается от опытов только на сон и еду. Последнее, впрочем, тоже занимает совсем немного времени, потому что в столовую сам Георгий старался ходить пореже – ел то, что приносила Зинана. Стыдно было профессору перед Егоровой за невыполненное обещание. Не то чтобы Зинаида корила его, показывала обличающе на чадающие очаги, количество которых угрожающе росло вместе с ростом населения лагеря. Просто каждый раз, усаживаясь за обеденный стол, он словно расписывался в собственном бессилии.

Казалось, вот оно – солнце, дарящее им огромные, просто невероятные объемы энергии, которые так заманчиво загнать в ту же чудо-пластмассу, а затем расходовать ее – на освещение, на те же печи или, наоборот, холодильники. Да мало ли куда можно расходовать практически безграничную и дармовую энергию светила? Только вот как объяснить полковнику Кудрявцеву, единственному человеку, способному как-то изменять внутреннюю структуру жидкого

пластика, что такое полупроводник? Нет, не объяснить – дать почувствовать командиру, как этот самый полупроводник преобразует энергию кванта света в электрический ток...

Георгий остановился у крайнего улья. Он уже два дня не был на своей миниатюрной пасеке, занятый бесчисленными экспериментами. Сегодня в лаборатории был не его день. Вся рецептура, поминутный цикл изготовления панелей и блоков были расписаны, точнее распечатаны Зинаной; чертежи и схемы прилагались. А вот как все это перевести в практическую плоскость, наладить самый примитивный конвейер? В этом вопросе Арчелия был не силен. Командовать умелыми, горящими желанием людьми, да еще и десятком неандертальцев? Увольте. Пусть кто другой, с навыками организаторской работы командует. Тем более, что такой человек был – комендант лагеря Валерий Николаевич Ильин. Он сейчас и носился между зарождающимся на месте будущей цитадели котлованом, лабораторией и экскаватором, начавшим копать длинную траншею – там, где будет внешняя ограда города. Профессора пугала сама цифра – три километра стены пятиметровой высоты – которую к тому же планировалось заглубить, да еще снабдить, словно крыльями, широкими дорогами с внутренней и внешней сторон.

– Таковую стену, несмотря на ее легкость, – хвалил свой замысел Валерий Николаевич, – не то что мастодонт, танк не прошибет!

– А время? – попытался ограничить запросы коменданта Георгий, – и силы! Нас же не тысячи? Зачем начинать с такого масштабного проекта? Построим цитадель, потом домики – твои знаменитые коттеджи, внутреннюю стенку, ну и так далее. Лет через десять и к внешней стене подберемся.

– Десять лет, говоришь? – протянул с каким-то необъяснимым выражением Валерий, – нет у меня десяти лет! У тебя есть, у командира, у других – бессмертных. А я хочу не только построить город, я в нем хочу пожить! И увидеть, как в нем счастливо живут мои дети и внуки. И попутешествовать хочу, посмотреть этот мир своими глазами, а не только в рассказах Толика Никитина. А пока город не построю, я отсюда ни ногой!

– Это полковник Кудрявцев такой приказ дал?

– Это я сам себе такой приказ дал, – отрезал комендант.

Он помолчал, и уже более спокойно стал разваливать аргументы Арчелия в пух и прах. Разваливать с калькулятором в руках – точно таким же, какой был у новой подруги Зинаны – у Марии Котовой. А может, это и был тот самый калькулятор. Пальцы коменданта, сейчас прораба, инженера-проектировщика, и прочая..., забегали по кнопкам:

– На три километра забора высотой пять метров плюс метр в глубину потребуется... восемнадцать тысяч блоков...

Профессор присвистнул.

– Пусть по пять минут на блок, – щедро отмерил Ильин, – хотя это только на самый нижний, закладной ряд так много времени уйдет... ну пусть. Это получается... полторы тысячи часов, или... почти девяносто четыре дня, при двухсменной работе. Минус выходные и праздники – всего-то четыре месяца. И это (он воздел вверх указательный палец) – если будет работать одна пара каменщиков. А если четыре? Или восемь?

– Да где ты столько специалистов наберешь? Я, например, тоже готов стать каменщиком – только какой из меня толк?!

– Специалисты и не нужны, – добродушно объяснил Валерий, – первый ряд – согласен – там человек должен знать, что такое отвес, уровень и многое другое. А потом – укладывая на тонкий слой застывающей пластмассы – хоть один на один, хоть с перевязкой – никакой разницы.

– А?..

– А крылья – дороги – в это время другая бригада укладывать будет, – опередил очередной вопрос прораб-комендант; – мы еще социалистическое соревнование устроим.

– Скорее уж не социалистическое, а доисторическое, – пошутил Георгий.

Но Ильин шутки не поддержал; он вдруг нахмурился:

– Есть правда одно..., Нет, два ограничения. Первое – то, что у нас всего два компрессора...

– Так отведи от каждого по несколько шлангов!

Совет дилетанта в строительстве настолько поразил Ильина, что он даже забыл на время о второй проблеме; ухватившись за рукав Арчелия, он беззвучно шевелил губами, очевидно считая в уме, насколько вырастет выпуск стройматериалов, и какая при этом будет экономия ГСМ. Валерий Николаевич забыл сейчас и про калькулятор в руке, и про собеседника, которого он теребил за обшлаг куртки. Георгий напомнил о себе покашливанием.

– Да, – вспомнил комендант, – вторая проблема – верблюды. Точнее верблюдицы. Больно медленно они ходят. Конечно, расход жидкой пластмассы невелик, но за компрессорами им никак не угнаться. Тем более с приспособлением имени профессора Арчелия.

Оба довольно расхохотались; веселья добавил «изобретатель»:

– А ты им – верблюдицам – перчику под хвост. Или Игнатову кнут потолще и подлиннее выдай.

– Ага, и сам же этим хлыстом по спине и получу, – не согласился с таким рацпредложением Валерий, – по-моему, Роман Петрович своих горбатых друзей любит больше, чем людей.

– Женить его надо, – предложил опять Арчелия, – сразу на мир другими глазами будет смотреть.

– Это да, – согласился комендант, очевидно вспомнив, что и он, и его собеседник были в этот мир со своими половинками (а сам Валерий сразу с двумя), – но проблемы доставки это не решит. А возить по тонне трактором... командир не разрешит.

– По тонне не разрешит, – согласился Георгий, – а по десять тонн? Сделай из пластика цистерну... да хоть кубическую – и вперед.

– А герметичность?... Впрочем, – стало видно, что заработала инженерная мысль, – сообразим какие-нибудь мембраны с односторонней проницаемостью...

Ильин убежал к лаборатории, а профессор Арчелия принялся обкатывать на губах зацепившее чем-то сознание фразу: «Односторонняя проницаемость». Он открыл крышку улья и... вместе с горестным возгласом улетели в пространство и эта фраза, и все проблемы коменданта, которыми тот недавно щедро делился с профессором.

Пчелиная семья была мертва. Все – и матка, и рабочие пчелы, и немногочисленные по случаю начала сезона медосбора трутни, и даже – понимал Георгий – детки в расплоде, тоже сейчас немногочисленному по той же самой причине. И соседний улей был таким же безжизненным. Но третий и четвертый (профессор едва не запел и заплясал) были живы! Пчелы деловито гудели, и Арчелия даже не обиделся на ту, что ужалила его за небрежный жест пальцем, придавивший насекомое.

Обычно он был весьма аккуратным; с пчелами ладил без всяких дымарей и защитных сеток. Теперешнюю свою ошибку Георгий объяснял только реакцией на гибель половины пасеки. Та самая сила, о которой думал с утра Арчелия, настигла ни в чем не повинных пчел уже здесь, в новом мире, через полмесяца после катаклизма.

Погибли как раз те ульи, которые он не успел обработать от варроатоза. Два других радовали своей жизнеспособностью – не менее удивительной, чем то обстоятельство, как стремительно и безжалостно клещи Варроа погубили две семьи.

Профессор осмотрел два живых улья; подумал – не стоит ли еще раз обработать бипином, небольшой запас которого он хранил.

– Нет, – решил он, – сейчас самый взяток начинается, – вот откачаем мед, разделю семьи, и можно будет опрыснуть. Только куда девать погибшие семьи? Пожалуй, лучше сжечь – вместе с ульями, рамками и медом – от греха подальше.

Его отвлекли – у пасеки, не решаясь ступить поближе к грозно гудящим пчелам (для других грозно – профессор воспринимал этот гул как прекрасную и животворящую песню природы), переминался с ноги на ногу негритенок Максимка. Георгий посмотрел на часы – половина третьего; занятия в школе закончились.

А Максимка наконец выпалил громко и достаточно чисто для человека, который три недели не знал, что на свете существует русский язык:

– А вас полковник дядя Саша зовет!

Он умчался в сторону столовой, и Георгий, вздохнув, последовал за ним. В «царстве» Зины Егоровой накрывали столы для позднего обеда разведгруппы. Все восемь ее членов (не было рядом только алабая) рассеявшиеся за двумя столами, дружно повернули головы к Арчелия. Было видно, что каждый из них готов задать ему какой-то вопрос, но командир молчал. Он только улыбнулся и пригласил Георгия на стул рядом с собой; а где-то за спинами маячила Зинаида с поварешкой в руке. Все это, конечно, не способствовало разговорам. Главное – восхитительный запах похлебки, буквально ударивший по осязанию профессора из очутившейся непонятно как перед ним тарелки французского стекла. Он не заметил, как тарелка опустела. Зато успел углядеть, как из-за спины протянулась тонкая рука одной из помощниц Зинаиды с другим блюдом. Второе было не менее вкусным – так же, как и обжигающе горячий чай с добавлением каких-то местных травок, чьи ароматы живо напомнили Георгию и склоны Кавказских гор, куда он выезжал с пасекой. Еще он вспомнил двор родного дома, где они с семьей вечерами пили и молодое вино, и такой же бесподобно вкусный чай, которая его Зинана заваривала не менее мастерски.

Она тоже была здесь; наверное, уже пообедала, потому что сидела за соседним столом без приборов – оперлась щекой о руку и любовалась, с каким аппетитом обедает муж. Наконец трапеза закончилась, вся посуда была убрана, а столы чисто вытерты. Полковник Кудрявцев попросил Егорову принести какое-нибудь блюдо.

– Какое, Александр Николаевич?

– А какое не жалко, Зинаида Сергеевна; и сама к нам подсаживайся – я сейчас тебя пугать буду.

Явно заинтригованная повариха вернулась за считанные секунды, притащив огромный пластмассовый поднос. Но эта пластмасса была из двадцать первого века, поэтому принял его командир бережно, словно опасаясь раздавить его пальцами.

– И правильно, – вспомнил Арчелия, – совсем недавно эти пальцы с легкостью крушили кубики, которым нипочем были удары кувалды.

Он тут же замер в великом изумлении, когда командир достал откуда-то из-за спины обычную рабочую перчатку, и вытряхнул на поднос ее содержимое. Рядом испуганно вскрикнула, вскакивая со стула, Егорова. Георгий и сам едва сдержался от такого же возгласа, когда увидел на подносе громадных ос, смертельно опасных даже в таком, полураздавленном состоянии.

Эти огромные родственницы его трудолюбивых пчелок явно не были предназначены для сбора нектара с цветов.

– А для чего? – задал он резонный вопрос, подвигая к себе блюдо со страшными и отвратительными останками.

Нет – сами по себе эти грозные летающие хищницы были наверное вполне пропорциональными, а на взгляд старого пчеловода даже грациозными и красивыми в своей смертельной красоте, но... Но сейчас, раздавленные чьими-то безжалостными руками (он покосился на сидящего рядом полковника Кудрявцева), они даже у него могли отбить аппетит.

– Впрочем, – подумал он, – я уже пообедал, а... вот эта оса относительно целая – только голова расплющена, словно блин. И вот эта тоже... Погодите – это же разные виды! Или?..

Он опять повернулся к командиру:

– Где вы их нашли?

– Сняли, – усмехнулся полковник, – сняли с тел наших союзников – неандертальцев.

– Живы хоть союзнички? – профессор сам удивился, насколько безразлично к судьбе этих существ произнес он фразу.

– А что им сделается? – опять усмехнулся командир, – вон Таня-Тамара «угостила» одного из них супрастином, а второй и так обошелся. Главное – мелкий лишь улыбается, а здоровяка раздуло как шарик – вот его супрастином и откачивали.

– Ага, – сунулся в разговор с веселой улыбкой тракторист Анатолий; его, очевидно, судьба аборигена тоже не сильно волновала, – я такое в фильме «Невезучие» видел. Так этого неандертальского Терминатора посильнее, чем французского Ришара в фильме раздуло.

– Погоди, Анатолий, со своим Ришаром, – остановил этот порыв Кудрявцев, снова поворачиваясь к Арчелия, – место, где мы их нашли, имеет значение?

– Не это главное, – ответил Георгий, – главное – были ли они вместе, или они нападали в двух разных местах?

Он подвинул блюдо ближе к командиру, чтобы тот своими глазами убедился, что трупки на нем принадлежали двум разным видам. Первым сунулся вперед все тот же тракторист. Своим крепким ногтем он нажал поочередно на брюшки обоих насекомых так ловко и быстро, что Георгий не успел вмешаться в этот «эксперимент». Результаты последнего впечатлили даже его. Из первой осы, отличавшейся более мелкими размерами и какой-то хищной грацией, выдавилось и снова утонуло в брюхе длинное жало, маслянисто блеснувшее на солнце. Вторая – толстая, и явно менее поворотливая, чем первая («Словно грузовой авиалайнер рядом с истребителем», – дал мысленное определение Георгий), исторгла из себя большую темно-красную каплю. Это была кровь! И кровь не насекомого, а того, в кого эта оса вонзила вот этот длинный острый хоботок перед своей смертью. Одного из неандертальцев. Значит, это один вид – две осы одного вида с разной специализацией. Этот вывод он и озвучил:

– Вообще-то такие же, ну или чуть меньшие осы встречаются... Встречались и в нашей современности. Знаменитые осы-убийцы в Китае. Недавно от них погибло сразу полтора десятка человек в Поднебесной. Но эти, конечно, будут помощнее. И организовано их общество, или семья – если хотите... более специализированней, что ли. Каждая словно создана для определенной цели – эта (он пошевелил меньшую хищницу) – убивает жертву, а рабочая «лошадки» высасывает кровь и несет ее...

– Куда? – вскрикнул тракторист.

– В гнездо, куда же еще? – Георгий пожал плечами, – осы, чтобы вы знали, как и пчелы живут семьями, там у них матка, детки, запасы пищи.

– О, Господи! – перекрестилась Егорова, протягивая палец к толстому трупику, – это ты называешь пищей? Не дай бог попасть или даже увидеть это гнездо!

– А ведь придется, – негромко сказал кто-то за соседним столиком.

– И чем раньше, тем лучше, – согласился с этим мнением профессор Арчелия.

– Почему? – тут же спросил другой профессор – Романов.

– Потому, коллега, – повернулся Георгий к другому краю стола, где и сидел Алексей Александрович, – что осиные семьи имеют обыкновение роиться. Сейчас они, скорее всего, привязаны к определенному месту и служат тоже живой преградой, про которую вы, милейший, и рассказывали. Но когда-то – через год, пять лет, а может через день... Масса роя достигнет критической массы, или старая матка погибнет...

– И что будет в этом случае? – на удивление эрудированный русский тракторист, который был штатным оппонентом в любой дискуссии, подался вперед, пожирая взглядом и профессора и мертвых ос перед ним.

– Ну, у пчел в таких случаях выводятся новые матки – сразу несколько особей. Самая сильная остается в улье. Некоторых она убивает, а те, что посмышленей и потрусливей, улетают, чтобы где-нибудь построить новый пчелиный дом.

– А может быть еще проще, – добавил командир, – сейчас этот рой держит на месте какая-то сила – вон, отъехали мы немного, и осы за нами не полетели. А когда мы разберемся со Спящим богом? Куда они полетят?

– И что же делать? – Никитин теперь смотрел на Кудрявцева.

– А это ты у него спрашивай, – палец полковника почти ткнулся в грудь Арчелия.

– А я уже знаю, – храбро встретил этот выпад профессор.

Он вдруг вскочил и убежал. Он спешил на пасеку – туда, где мелкие, но опасные паразиты за двое суток уничтожили две здоровые семьи... Запыхавшийся от недолгого бега Георгий плюхнулся на свое место и с возгласом: «Вот!», – высыпал на поднос несколько мертвых пчел. Рядом с громадными раздавленными родственницами они казались такими беззащитными и не опасными, что так и не отошедший от стола тракторист протянул:

– Ну и что! Этим осам твои пчелки, Георгий, на один зуб. Или на жало, если хотите. А там этих хищниц – мириады. Видел бы ты, профессор, как они за пару минут с медведем разделались. А в том мишке, между прочим, росту метра три с половиной было.

– А ты присмотрись повнимательней, – пригласил его Арчелия, – видишь вот эти бляшки?

Он показал на выпуклые светло-коричневые пятна, густо усеявшие брюшки и головогруды мертвых пчел. Такой концентрации клещей Георгий никогда не видел. И еще – они двигались! Нет, конечно, это были живые организмы, и передвижение с места на место было им присуще. Но не так же шустро! Один вроде уже добрался до соседней мертвой осы. Так что Арчелия поторопился объяснить всем:

– Эти пчелы были поражены клещом Варроа...

– Что за мерзость вы сюда принесли, профессор? – возмутилась Егорова.

Впрочем, дальше этого она не пошла – понимала, конечно, что Георгий принес сюда эту «мерзость» ради не забавы.

– Эти паразиты, – продолжил, как ни в чем не бывало, Арчелия, – есть практически в каждой пчелиной семье. Развиваются они не так стремительно. Есть много средств – и химических, и биологических; даже от того, какие растения присутствуют рядом с пасекой, зависит, как успешно семья может противостоять этой напасти. Но если пчел не лечить, семья может погибнуть. Вот как у меня – сразу две семьи.

– И что в это необычного? – спросил тракторист, почуявший какую-то недоговоренность в последней фразе Арчелия.

– Но не за два же дня! – воскликнул тот, – позавчера ульи были здоровыми; пчелы летали за взятком. И матка ползала, откладывала детку, как ей и положено. А сегодня – ни одной живой особи. Так что эти пчелы для окружающих родственных видов – настоящее биологическое оружие.

– Вот и опробуй это оружие на осах, – предложил командир.

А профессор даже обрадовался такому приказу. Сам-то полковник мог считать свои слова пожеланием, но для всех остальных это всегда было... В общем, призывом к немедленному исполнению. Арчелия обрадовался, потому что надо будет ведь съездить в разведку, и потом – наблюдать за течением смертельной болезни... Если только она окажется смертельной. Честно говоря, он с некоторой ревностью наблюдал за профессором Романовым – за тем место в разведгруппе было закреплено давно и, понимал Георгий, вполне заслуженно.

– Хорошо, – рассмеялся командир, явно разгадавший далеко идущие планы Арчелия, – при соблюдении двух условий.

– Трех! – непреклонным голосом добавила Зинана.

О последнем профессор конечно же сразу догадался – он и сам хотел видеть свою ненаглядную всегда рядом, а первые два – командирские, признал и необходимыми, и вполне исполнимыми. Во-первых – надо было продумать и изготовить механизм доставки «биологических бомб» к месту назначения; опробовать его, и не один раз – чтобы не утопишь улы в канале с крокодилами. Ну, здесь понятно – катапульты все видели, хотя бы в кино. А с их чудо-полуфабрикатом, и мастером-артефактором в лице полковника Кудрявцева изготовить что-то типа гигантского арбалета трудностей не составит. Тем более, что местные метеорологи пророчат завтра дождь и командир может весь в день провести в лаборатории. И катапульту поможет изготовить, и второе задание, не менее важное, исполнить.

– Впереди нас, – заставил всех притихнуть и задуматься полковник, – может быть, ждут еще более страшные и опасные создания. Так что не мешало бы экипировку понадежней подогнать – хотя бы для разведгруппы сначала. Да и нашему исследователю тоже... Как называют ученых, изучающих ос?..

Утро четверга действительно встретило Георгия морозящим теплым дождиком, который, будь он где-то в средней полосе России двадцать первого века, назвали бы грибным. Скорее всего где-то там грибы росли и сейчас; при большом желании и достатке времени можно было поискать их и здесь – все это скороговоркой сообщал ему Никитин, встретившийся ему первым на улице. Тракторист накинул на голову какую-то накидку из полиэтиленовой пленки; он подсказал, где взять точно такую же – под небольшим навесом, оборудованным предусмотрительным комендантом рядом с баней в центре лагеря.

Добежать до столовой, сейчас накрытой высоким пластиковым навесом, было делом нескольких секунд. Завтракающих здесь было достаточно – по случаю нерабочего (не для всех!) дня люди не спешили. Но командира, как ни всматривался Арчелия, не было. Впрочем, мало ли забот было у полковника Кудрявцева!

Никитин, завтракающий рядом, словно понял мысли Георгия. Он дождался кусок пирога с мясом (здесь практически все блюда были мясными), заговорщицки подмигнул и пообещал:

– Допивай чай и пойдем со мной – покажу, как командир молится.

Арчелия едва не поперхнулся чаем – хорошо тот уже остыл, иначе ходить бы ему сегодня с обожженными коленками, и еще кое-чем, о чем не говорят вслух, особенно в столовой.

– Под дождем не промок, а тут выйду из-за стола с неприличным пятном на штанах, – потрясенно думал Георгий, не в состоянии понять – правду сказал сейчас Никитин, или, как всегда, пошутил.

Если это и была шутка, то... очень смелая, что ли. Арчелия видел, с каким уважением относятся русские к своему командиру (и моему тоже!), и Анатолий был не исключением. Так что, скорее всего, он и сам недавно был огорошен так же, как сейчас абхазец. За Никитиным, широко шагающим за пределы лагеря, профессор Арчелия поспешал вприпрыжку – так не терпелось ему увидеть коленопреклоненного полковника. Часовой на крыше вагончика проводил их понимающей улыбкой – он тоже видел сверху что-то необычное... На краю большого, разделенного на равные участки поля бродили люди в таких же, как у профессора и Анатолия, накидках. Но ни один из них не подходил к одинокой фигуре, действительно стоящей на коленях.

Это был полковник Кудрявцев. И стоял он, кстати, не на коленях, а на корточках; так что в жирной почве, напитанной влагой, утопали только его высокие ботинки. Командир действительно наклонил низко голову и бормотал что-то себе под нос. Была ли это молитва? А если так – почему она возносится к небесам именно здесь, и в одиночестве?

Полковник, очевидно, почувствовал стоящих за его спиной людей и медленно повернулся. Улыбка на его лице была такой восторженной, мальчишеской, что Георгий искренне позавидовал такой радости Кудрявцева, и сам непроизвольно улыбнулся в ответ. А командир

словно понял, какой вопрос готов сорваться с губ профессора; он необычайно нежным голосом, словно говорил с малыми детьми, произнес:

– Который день прихожу сюда утром («Ага, – понял Арчелия, – вот откуда Толик знал!»), а сегодня увидел...

Он оторвал от чернозема ладони, домиком скрывавшие что-то, и перед изумленным профессором открылась картинка... обыкновенного ростка картофеля, выпустившего наружу два первых листочка.

– В первый раз в жизни увидел, как картошка растет, – немного смущенным голосом сообщил командир, – раньше-то я все по таким полям ползал, где разные бататы, или там, маниок растет; в рисовых чеках мок, в хлопчатнике приходилось маскироваться, а картошку – нашу обыкновенную картошку – в первый раз вижу.

Профессор почувствовал, как у него запершило в горле; полковник тем временем пружинисто вскочил на ноги и махнул рукой. Те самые фигуры, что бродили рядом, наверное, были в курсе его ежеутренних процедур – они сразу все бросились вперед, так что вокруг командира, ну и Георгия с Никитиным тоже, тут же образовалась толпа; шумно и весело галдящая.

– Что за люди, – потрясенно думал профессор, – рядом древние чудовища, осы-убийцы, неандертальцы – а они радуются обыкновенному росту картошки!

Впрочем, он и сам чувствовал, как внутри зарождается какая-то теплая волна, которая грозила выплеснуться, как у остальных, наружу восторженным воплем... Ну или позволить сделать что-то такое значительное, о чем потом будут долго помнить потомки. А полковник Кудрявцев и сам был настроен на эту волну. Арчелия вдруг был выдернут из бушующей толпы сильной рукой – выдернут бережно и непреклонно.

Кудрявцев был уже спокоен и деловит – лишь в глазах еще можно было разглядеть лукавые искорки, да голос был наполнен иронией:

– Пойдем, Георгий Георгиевич – нас ждут великие дела.

Дел в лаборатории действительно было много. А людей – еще больше. Под широкий навес нырнули практически все, кто недавно прыгал и плясал на краю поля, шурша полиэтиленовыми накидками. И всем нашлась работа. Кого припряг сам профессор, кого комендант, а одного – точнее одну – работницу не отпускал от себя командир. Они действительно работали – примеряли на себе какие-то кусочки пластмассы, мяли ее в руках, расходились и сходились по лаборатории. Наконец полковник исчез, оставив супругу с напряженным от усердия лицом.

Профессор невольно задержал взгляд на Кудрявцевой. Вот она радостно улыбнулась, бросила в воздух перед собой несколько слов, и из стены дождя, не такого, кстати, частого, материализовался командир. Да не один, а со своим псом. Теперь все манипуляции с кругляшами пластмассы производились втроем. Малыш, казалось, понимал хозяина без слов; часто самым настоящим образом кивал головой, а один раз – показалось Георгию – повернул голову в его сторону и подмигнул, мол: «Что, интересно?».

Профессору действительно было безумно интересно; но он знал, что командир не станет скрывать свои успехи, если только, конечно, они будут. А еще он, полковник Кудрявцев, строго спросит об успехах самого Арчелия. А вот у последнего дела шли не ахти. С катапультой разобрались быстро – оставалось только вставить тугие пружинистые планки, но это без помощи Кудрявцева, сейчас занятого другими проблемами, сделать было невозможно. Вот они – формочки, заливай пластмассу, зови командира и через полчаса можно посылать по широкой дуге к небу точную копию улья – и по форме, и по весу.

А вот с доспехами, которыми ему надо было обеспечить для начала разведчиков (ну и себя с Зинаной, конечно), дело не пошло сразу. Потому что Георгий не мог решить для себя, какими будут эти доспехи. Он, конечно, в юности почитывал рыцарские романы, да и «Звезд-

ные войны» с внуками смотрел. Но одно смотреть, а другое – сделать самому, да так, чтобы была и безопасность, и подвижность, и дизайн не их худших, и...

– Да, – подумал он, – придется мне, как Валере Ильину, идти на поклон к Никитину: «Сделай милость, Анатолий Николаевич, подскажи, как сделать доспехи – чтобы и командиру понравились, и его жене, и всем остальным».

Шустрый тракторист тоже был здесь – он, кажется, помогал и советами, и крепким плечом и руками всем, кому требовалось, только профессору...

– Стоп! Что это он делает? Страхивает с рукава жидкую пластмассу? Ну, правильно – камуфляж ведь пропитан особым составом, водонепроницаемым. А если?..

Точно – если вместо этого состава использовать пластмассу – окунуть в нее, или размазать по поверхности. А дальше... Дальше – работа для командира. Пусть «колдует» – придает камуфляжу необходимые свойства, он про них лучше кого другого знает!

Арчелия повернулся к полковнику, а тот уже сам подходил; вместе с Оксаной. И тоже, очевидно, с новостями. Но сначала Кудрявцев внимательно выслушал предложение Георгия и одобрительно кивнул; даже сходу перечислил несколько необходимых свойств будущего спецснаряжения – пуленепробиваемость, способность распределять ударную силу по всей поверхности... На вопросительный жест профессора тут же пояснил:

– Пуля, даже если не пробьет броник, может переломать ребра, или куда там она попадет.

– А как же представить себе такое чувство – что в тебя стреляют, и что эта самая сила растекается?..

– Очень просто, – немного грустно ответил командир, – если в тебя уже так стреляли. Показал бы я тебе, Георгий Георгиевич, какие шрамы остаются потом, но... Сюда я попал целехонький, как и все остальные... А еще можно попробовать придать свойства односторонней, или вернее избирательной проницаемости.

– Опять! – воскликнул про себя профессор Арчелия, – что же так мне это словосочетание покоя не дает?

Кудрявцев тем временем объяснял супруге:

– Это когда материал пропускает только чистый воздух, а назад – продукты дыхания; может, кто-нибудь нам химическую войну объявит... Хорошо, – решительно кивнул он, – вот и займемся экспериментами. Только сейчас продемонстрирую, что мы с Оксаной и Малышом придумали.

Он надел на руку какой-то механизм, сравнимый с наручными часами – рядом с другим, похожим. Про второй профессор уже знал – это было устройство перевода, которое «понимало» даже неандертальский язык.

– А это, – с понятной гордостью воздел кверху с двумя ремешками командир, – устройство дальней связи или, проще говоря, рация. Вот я сейчас с Малышом и свяжусь.

– Да вы что?! – поразился Арчелия, – это же собака!

– Какая разница? – улыбнулся Кудрявцев; вслед ему улыбнулась Оксана, на запястье которой тоже «красовался» браслет, – главное, чтобы он услышал, а команду он точно поймет.

Показалось Георгию или нет, но после возгласа полковника: «Малыш», – кто-то рядом довольно заворчал, а после следующей его фразы коротко и внушительно гавкнул.

– Ко мне! И прихвати с собой... любимую поварешку Зины Егоровой.

Полковник Кудрявцев видимо сообразил, что команда была слишком уж... Но было поздно. Где-то недалеко из лагеря послышался возмущенный крик, и почти сразу показался алабай с упомянутым предметом в зубах. Следом спешила разъяренная повариха. Она бы, наверное, не постеснялась излить свое недовольство на Кудрявцева – не посягай на священное! – но и ее гнев, и изумление Георгия куда-то пропали, когда сквозь завесу дождя послышался далекий шум автомобильного двигателя. Все собравшиеся под лабораторным навесом, и в первую очередь – понял Арчелия – командир, облегченно вздохнули. Это могла быть только

«Витара» со второй разведгруппой, которая так и не вернулась вчера из рейда. Такую возможность – с ночевкой – никто не исключал, но как приятно было сознавать, что товарищи возвращаются домой целые и невредимые; да еще с каким-то явно хорошим результатом. Это профессор сразу понял по довольному лицу командира группы Юры Холодова, первым выскочившим из автомобиля.

Полковник Кудрявцев уже был строгим и сугубо официальным, и Георгий его понимал – как иначе должен принимать рапорт подчиненного начальник?

– Есть! – воскликнул Холодов, едва остановившись перед Кудрявцевым, – есть там люди, товарищ полковник.

– Много? – задал тут же главный вопрос командир.

– Не знаю, – немного стушевался Юрий, – самих-то людей не видели; прячутся, наверное, от медведей – вот этих там немеряно. Но в трех местах дымки точно были. И это не пожары! Один вчера потух, а сегодня снова разгорелся. И еще... Озеро там в горах обнаружили – красота неопишная. Севан и Иссык-Куль рядом не стояли.

– И водичка теплая, – подсказал тайский чемпион.

– И купались, что ли? – грозно нахмурил брови командир. Впрочем, глаза его смеялись – он был рад и вернувшимся целыми и невредимыми разведчикам, и известиям о выживших.

– Немного, – теперь тушевался Самчай, – но это не главное.

– А что главное? – подступила к полковнику Егорова, уже вооруженная половником.

– А вот, Сергеевна, принимай, – Холодов распахнул дверцу багажника «Витары» и на траву хлынула серебристая река из огромных рыбин, которыми багажник был заполнен доверху.

Повариха, ошеломленная этим потоком, даже не стала ругаться на парня, обрушившего его на землю; она нагнулась и подцепила за жабры рыбину, которая почти доставала сейчас до земли, в то время, как морда почти сравнялась с лицом Зинаиды. И как только она подняла одной рукой такого монстра?

– Форель, – восхищенно протянула она, – самая настоящая форель. И к тому же икраная! Как же вы наловили столько?

– Очень просто, – не стал делать тайны Холодов, – там из озера река вытекает... ну как река – ручей. Так эта форель целыми волнами вверх по течению в озеро плывет. Аж прыгает вверх на перекатах. Так что подставляй сеть... То есть, сети у нас конечно не было, так что мы куртку подставляли, вот его куртку, – он показал на майора Цзы, который пока не сказал ни слова, поскольку, как небезосновательно подозревал Арчелия, по-русски понимал пока очень мало

– Потому что его куртка самая большая, – закончил Холодов.

– Ну что, мои дорогие, – обвела всех взглядом Зинаида, – часа полтора у вас еще на ваши игрушки есть.

– А потом? – робко попытался отсрочить какое-то мероприятие профессор Арчелия.

– А потом приглашаю всех на уху, – Егорова подняла кверху тяжеленную рыбину, демонстрируя всем недюжинную девичью силу, – вместе с солнышком!

Солнце действительно прорвалось сквозь тучи, обозначив окончание очередного дождя.

Глава 40. Профессор Романов. Первый европейский язык

Сказать, что вчерашняя уха была вкусной – это не сказать ничего! Девушки наперебой осыпали Егорову комплиментами и просьбами записать рецепт – когда-то ведь им тоже придется готовить на персональной кухне. И, судя по всему, очень скоро – вон как комендант старается. Работа кипела сразу в нескольких местах; один из углов внешней, самой высокой стены уже заведен (так выразился сам Ильин) и скоро начнет с угрожающе скоростью расплзаться в обе стороны, отгораживая будущий лагерь (или город – просто еще к такому названию не привыкли) в первую очередь от неандертальского стойбища.

Парни рецептов, естественно, не просили, но оценили мастерство поваров не менее горячо. И похвалами, и, в первую очередь, очередью за добавками. Разругавшаяся в свете огня от очагов Зинаида обещала утром удивить еще раз. И ведь удивила – выставив на завтрак противни с запеченной форелью. Что уж она добавляла в нее, Алексей Александрович так и не узнал, но то, что добавки на этот раз всем не хватило, отметил. Может потому не хватило, что большую часть сырой рыбы успел перехватить Валера Ильин, пообещавший к понедельнику не менее вкусную копченую форель?

Егорова это соревнование подхватила, пообещав, в свою очередь, на завтрак воскресенья бутерброды со сливочным маслом и красной икрой.

– Надо же, – удивился профессор, – большинство ведь там, в России, да и в других странах, если и ели икру, то только по большим праздникам. А здесь восприняли как должное.

– Только, – вздохнув, пожаловалась Зинаида, – соль кончается, Александр Николаевич.

– Как? – удивился полковник, – там же четыре мешка было!

– Так Валерий Николаевич сколько тратит на свои копчения? – мстительно перевела стрелки на соперника по кулинарному искусству девушка.

Профессор вспомнил, как в первый день их появления в этом мире в ванну с мясом для копчения щедрыми горстями отсыпала соль... как раз таки сама Егорова и улыбнулся, ожидая ответного выпада со стороны коменданта. Кудрявцев спору разгореться не дал:

– Понятно, Зинаида Сергеевна. Будем искать выход из положения. Хотя бы у наших «союзничков» спросим. Они-то ведь где-то соль берут? Вот Алексей Александрович и спросит.

Командир одарил профессора такой невинной и дружелюбной улыбкой, что у того невольно заняло под ложечкой – Романов разглядел в улыбке и добрую порцию иронии, и обещание чего-то необычного. Все разрешилось у «Эксплорера», точнее у прицепа, который теперь был защищен не хуже автомобиля. Прозрачный колпак над сиденьями был теперь сплошным, так что непонятно было, как теперь можно попасть внутрь. Дверей у монолитной прозрачной поверхности не наблюдалось.

– Все очень просто, – Анатолий с гордым видом, словно это он придумал («А может и придумал, – подумал профессор, – этот может»), поднял сразу весь колпак – так он откидывается, например, у мотоциклетной коляски, и закрепил его какой-то хитрой защелкой, – прошу!

Это он сказал профессору, но тот замазал руками: «Не хочу даже пробовать!».

А ведь пришлось! Сначала всех отправили назад – по местам проживания – с комплектами новенькой одежды, включавшей в себя даже берцы, подобранные точно по размерам. За этой процедурой наблюдал недовольно бормотавший себе что-то под нос комендант. Через десять минут разведгруппа, к которой сегодня зачем-то присоединилась чета Арчелия – в таком же новеньком камуфляже – опять была у внедорожника.

Комендант терпеливо ждал их возвращения.

– Давай хоть проверю, что получилось, – так же брызжа, он подскочил к стоящему ближе всех Романову, и... въехал ему с размаху кулаком в солнечное сплетение.

Хорошо так заехал, от души – вон, даже рожу зверскую скорчил. А профессор не успел... ни возмутиться, ни ощутить сильной боли в таком уязвимом месте. Удар был словно по огромной пуховой подушке, прикрывшей собой не сильно тренированный пресс Алексея Александровича. Он тоже размахнулся, захотел вернуть удар – по-дружески: «Ты мне – я тебе!». Но Ильин поспешно отскочил:

– Ты что, Алексей Александрович?! Мне ведь спецснаряжение не выдали!

Только теперь Романов узнал, каких удивительных результатов достигли вчера командир с профессором Арчелия. Еще больше удивился профессор, когда последний шмыгнул в «Эксплорер» вслед за своей Зинаной. А когда свои места заняли остальные, что пошустрей, и перед внедорожником остались стоять только командир (он же водитель) и Романов с Бэйлой, Алексея Александровича переполнила нешуточная обида.

Он повернулся к полковнику и наткнулся на его протянутую вперед руку, с которой свисало дикарское ожерелье.

– Возьми, Алексей Александрович, – совершенно серьезно, без всякой насмешки в голосе сказал он, – ты сегодня за главного.

– В каком смысле? – не понял профессор.

– В том смысле, что едешь вместе с Бэйлой в компании неандертальцев. Поговоришь с ними, язык поизучаешь; ты ведь хотел узнать, какой язык на европейском континенте появился самым первым? Вот тебе и карты в руки. А между делом несколько вопросов задашь.

– Каких?

– Ну, во-первых, насчет соли. А дальше – сообразишь по ходу. И поглядывайте там вместе с Бэйлой. У нее глаз наметан, да и пассажиры в прицепе повыше сидят.

– А?... – Романов не успел задать главного вопроса.

– А Георгий с Зинаной едут только сегодня, – успокоил друга командир, – надо же дать ему посмотреть, как сработает «биологическое оружие».

Командир показал на тюки, завернутые в пленку, закрепленные на крыше внедорожника.

– Ага, – понял Романов, – это те самые ульи с погибшими пчелами и катапульта... скорее всего разобранная.

Такой вариант его устроил. Если бы еще не мрачный спутник – гигант Ден, понесший вчера сокрушительный урон в «битве» с осами-убийцами. Вон он стоит, у запретной границы, почему-то сегодня с двумя спутниками.

Автомобиль с прицепом остановился рядом с дикарями и только тут Алексей Александрович понял, что ошибся. Дена в этой троице не было. Высокой мрачной фигурой был представлен его прадед – верховный вождь Денату. Командир даже не стал выходить из салона; его спутники тоже сидели на своих местах, предоставив вести переговоры профессору. Может, полковник Кудрявцев предвидел такое развитие событий?

Старый вождь никакого удивления при виде профессора Романова, прыгнувшего с прицепа, не высказал. Он скользнул равнодушным взглядом по ожерелью на груди у Алексея Александровича и таким же тусклым голосом сообщил:

– Высший не-зверь Ден больше не будет помогать чужакам.

– Интересно, чем это он нам позавчера помог? – с иронией подумал профессор, – скорее он своему братцу молочному услугу оказал, перехватив своим огромным телом большинство ос.

– Здесь, – продолжил Денату, протягивая корявый палец в сторону прицепа, откуда с холодным лицом наблюдала за этими короткими переговорами снайпер, – сейчас будут Лай и...

Он оглянулся на второго сородича; очевидно, не вспомнил имени «низшего», и окрестил его просто: «Он». Затем Денату неторопливо развернулся и грузно зашагал обратно к стойбищу.

– Ну вот, – улыбнулся Алексей Александрович, ничуть не обидевшись, – ни здравствуйте тебе, не до свидания! А мы люди не гордые. Профессор Санкт-Петербургского университета даже колпак твоим сородичам, которых ты по имени не знаешь, подержит.

Он действительно поднял совсем не тяжелую прозрачную крышку, и Лай ловко запрыгнул внутрь. Второй дикарь замешкался – так что Романову даже пришлось подтолкнуть его легонько в спину, отчего бедный парень совсем ступешался. По крайней мере лицо его – а он сел как раз напротив профессора – выражало сейчас причудливую смесь мистического ужаса, детского любопытства и., пожалуй, восторга, который особенно проявился, когда «Эксплорер» рванулся вперед. За прозрачной преградой помчались назад сетчатое ограждение; потом небольшой участок, заросший травой; наконец низкие хижины неандертальского стойбища, у которых стояли недвижимые сейчас дикари.

Не будь в прицеле людей, незнакомый пока неандерталец сейчас бы, наверное, завопил восторженно сородичам: «Глядите, не-звери, какой я удалой да храбрый!». Алексей Александрович не стал портить тожественность момента; дождался, когда вместо хижин потянется однообразная картина степи, оживляемая лишь далекими силуэтами пасущихся животных, и только тогда задал первый вопрос:

– Ты Лай, а он? – палец профессора легонько коснулся груди второго неандертальца, и тот на этот раз не стал шарахаться от человека.

На груди молочного брата вождя висели два ожерелья, которые он с гордым видом погладил, и только потом ответил:

– Это Рав; он будет ходить за Лаем и делать то, что скажет Лай.

С последним словом парень посмотрел на соотечественника вроде как свысока, но тут же не выдержал и рассмеялся. Видно было, что дикари эти находятся в приятельских отношениях (вон как непринужденно Рав ткнул Лая в бок после заявления последнего), а может и вообще были близкими родственниками.

Профессор ткнул теперь в узел, который придерживал на коленях левой рукой помощник Лая. Правая очень органично вцепилась в пластмассовый поручень сверху – так, словно парень всю жизнь гонял на автомобилях. «Эксплорер» сейчас мчался по пойме, по накатанной колее плавно, словно по автострате, так что выслушав приказ-пожелание Лая, его сородич опустил поручень и принялся развязывать узелок – как оказалось, сложенный из тонко выделанной шкуры.

Внутри хранился внушительный кусок жареной, или копченой убоины – ребра копытного, покрытые толстым слоем мяса и застывшего жира. Неандерталец сделал движение – он словно попытался предложить Романову с Бэйлой угощение. Однако профессор успел первым:

– Вот как ловко я, – подумал он, вытаскивая в свою очередь из кармана куртки пузырек с солью, врученный ему недавно Зинаидой, – и предлог придумывать не пришлось.

Мелко размолотый порошок высыпался небольшой горкой на ладонь Лая, и тот, попробовав соль на язык, скорчил уморительную физиономию, став при этом удивительно похожим (по крайней мере мимикой лица) на Анатолия Никитина. Супруга тракториста, сидевшая напротив него, видно тоже что-то углядела, потому что ее лицо застыло сначала в недоуменной, а затем очень суровой гримасе. Даже пальцы на цевье винтовки (отметил профессор) побелели.

А Лай как ни в чем не бывало рассмеялся, и достал..., – Алексей Александрович хотел сказать из кармана, но нет – из нутра кожаных же штанов большой грязно-серый кусок. С чем там соседствовал этот комок соли, профессор даже не хотел представлять; тем более не взял в руки протянутый в его сторону образец. А уж о том, чтобы лизнуть его...

В общем, можно сказать, что профессор Романов поверил на слово неандертальцу, которого тот не успел даже произнести.

– Где Лай нашел это? – палец Алексея Александровича остановился на безопасном расстоянии от предложенного к дегустации комка.

– По пути к дому Великого охотника, – не задумываясь ответил Лай, – в... (вот тут уже он задумался, очевидно считая дни, точнее переходы – именно так определяли в походе время дикари) в одной и еще половине руки переходов отсюда.

Сколько это было точнее – семь, или восемь суток, профессор уточнять не стал. Главное – это было в пределах досягаемости; за солью можно было отправлять экспедицию на автомобиле; ни широкий пролив, ни высокие горы пересекать нужды не было. А о том, что весь путь от гор до миоценового леса, и дальше – до русского лагеря племя проделала вдоль реки, он уже знал.

– Спроси у него, что там с раненым вождем? – неожиданно вклинилась в разговор израильтянка.

Профессор недоуменно посмотрел на нее – с чего вдруг такая забота? Потом он глянул поверх плеч и голов неандертальцев на самый краешек миоцена – на камни Тибета, среди которых можно было разглядеть фигурку одного из лам. Так что этот несущественный вопрос был задан очень вовремя («Это такой еврейский отвлекающий маневр», – беззлобно пошутил про себя переводчик). И маневр вполне удался.

Оба неандертальца устали на задавшую вопрос девушку с таким недоумением, что невольно закрадывалось подозрение – а разрешается ли неандертальским женщинам открывать рот без разрешения мужчин? А когда вопрос все таки был переведен, на лице Лая появилось мучительное выражение – то самое, какое наверное было у Буриданова осла. Ему очевидно и врать не хотелось, и сообщать об изъятиях «высшего» не-зверя было не велено. Тем более, что сейчас за его сомнениями с любопытством наблюдал свидетель. Наконец молодой неандерталец вывернулся с изяществом опытного партийца: не знаешь, что говорить – славь партию, или ее лидера.

– Мой брат по второй матери Ден самый умелый охотник, которого знает племя. Маленькие злые мухи, несущие в гнездо вкус солнца и цветов, еще узнают его гнев.

– Это он так мед назвал, что ли? – повернулся к Бэйле Никитиной профессор, – знал бы этот парень, какой «нектар» носят в свое гнездо осы. К тому же вряд ли тот бандит с большой дороги успеет показать свою храбрость. Если верить прогнозам профессора Арчелия, этот осиный рой через неделю-другую можно будет смести метелкой в одну кучу и сжечь.

– Больно метелка большая понадобится, – не согласилась с ним Бэйла Никитина, – лучше уж пусть Георгий «попросит» ос, чтобы они сами слетелись в одну кучу.

– Пусть попросит, – согласился с ней Романов...

Разговор, умело направляемый профессором, зашел о путешествии неандертальцев, о времени, проведенном дикарями в пути (а срок этот оказался внушительным – почти девять месяцев прошло с того дня, как старый вождь каким-то невероятным образом узнал, что в мир снова пришла Седая смерть – палач Спящего бога). Лай, несмотря на бедность лексикона, оказался достаточно умелым рассказчиком; еще больше он поразил Алексея Александровича своей неумной любознательностью и способностью подмечать необычное. А еще – делать выводы: не многие современные профессору люди отличались этим умением. На одно из таких наблюдений он ткнул пальцем сквозь прозрачный колпак прицепа:

– Плохо пахнет, – показал неандерталец на сизый дымок, выбивающийся из выхлопной трубы «Эксплорера», – так пахнет мертвая вода из черного моря.

Профессор едва не упал со своего сидения, услышав знакомое название из уст дикаря. Потом он сообразил, что ожерелье таким хитрым образом перевело цвет водоема. А чуть позже понял, что это за водоем черного цвета с «мертвой» водой, к тому же пахнувшей выхлопом бен-

зинового двигателя. Конечно же Лай видел, и даже, как тут же выяснилось, испачкал руки в разливе нефти – настолько обширном, что для него ближе всего подошло определение «море».

Увы, этот самый разлив ждал русских за горными перевалами, так что добраться до него было делом нелегким; а ведь еще ее нужно как-то переработать.

– Вроде это называется... крекингом?...

Пролетев за считанные минуты открытое пространство между миоценовым лесом и дебрями, давшими приют короткомордым медведям и людям, возможно ждущим помощи в своих анклавах, автомобиль немного притормозил. И люди, и неандертальцы в прицепе сейчас могли любоваться на длинные неподвижные колоды серо-зеленого цвета. Крокодилов, казалось, стало еще больше; может они ждали еще одной жертвы?

Увы – сегодня мишки почетного караула не выставили, так что границу их обитания людям и в салоне «Эксплорера», и в прицепе пришлось определять самостоятельно. И граница эта действительно была! Темная, грязно-зеленая роща (деревья там были, скорее всего, вполне узнаваемыми пришельцами из двадцать первого века – но не с такого же расстояния) в одно мгновение сменилась буйной растительностью какого-то тропического пояса неведомой пока эпохи. Злые осы вполне могли прибыть сюда с саркозухами, а могли быть современниками тех динозавров, что иногда пугали русских своим диким ревом из-за реки.

Естественно, что уточнять это – хотя бы по растениям, образовавшим пышные заросли – пока никто не стремился. А профессор Романов и потом, если и когда последняя оса издохнет от болезни будущего, не горел желанием посетить этот квадрат двадцать пять на двадцать пять километров. Не хотел видеть, во что превратились люди, убитые, а потом выпитые досуха летающими хищницами. Профессор не верил, что в этом аду, ловко маскирующемся под остров Баунти, мог кто-то выжить. Единственное, на что он посмотрел бы – на центральный участок – тот, где джунгли скрывали одно из чудес света.

– А кто меня будет спрашивать? – задал он себе резонный вопрос, – прикажет Александр Николаевич, и побегу и я, и все остальные сжигать трупы ос, или что другое. Потому что его приказы всегда были и будут нужными, своевременными и логичными.

Успокоив себя таким образом, Алексей Александрович ухватился за поручень – автомобиль, затормозив почти до полной остановки, начал разворачиваться задом, то есть прицепом, к лесу; к степи, естественно, передом.

– Это чтобы удирать было сподручней, – догадался он.

Когда Романов с Бэйлой, а следом за ними пара неандертальцев, подошли к командиру, разгрузка багажа уже заканчивалась. Анатолий помогал Георгию разворачивать из полиэтиленовой пленки детали метательной машины; Марио крутился около ульев, которые сам только что сгрузил в одиночку.

Три снайпера – три подруги – еще раньше разобрали три стороны света, ошестинившись винтовками. Головы их были защищены шлемами сферической формы, какие Алексей Александрович раньше мог видеть разве что в фантастических боевиках. Профессор Романов не был поклонником подобного жанра ни в литературе, ни в кино... Раньше – пока сам не попал в такой переплет – о чем, положа руку на сердце, совершенно не жалел.

В сторону канала с крокодилами, и дальше – в темнеющие джунгли, в которых сейчас не было заметно ни малейшего признака присутствия ос-убийц – никто не целил смертоносное оружие. Зато туда должна была отправить «бомбу» катапульта.

Пока парни, цедя сквозь зубы ругательства по поводу кривых рук создателей этого орудия биологической борьбы, пытались соединить, на их взгляд, несоединимое, профессор подошел к командиру. Полковник вместе с четой Арчелия с интересом наблюдали за этой интермедией. Наконец «криворукий» абхазский профессор не выдержал и направился к паре сборщиков, чтобы объяснить, а скорее показать, куда что надо совать, и у кого на самом деле руки растут не из того места.

Полковник Кудрявцев бросил быстрый, внешне совсем безразличный взгляд на маленького неандертальца с ожерельями на шее, не отстававшего от Романова ни на шаг (видно таким было задание, полученное Лаем от старейшины), и все-таки спросил:

– Ну что, есть результат?

– Есть, и не один! – воскликнул Алексей Александрович.

– Хорошо, – остановил его порыв командир, – расскажешь потом, сразу всем.

– А?..

– А в прицепе поедут дальше... Марио с Ириной. Надо же дать всем пообщаться с нашими «друзьями».

Если в последнем слове и была хоть капля иронии, то распознать ее мог только человек, очень хорошо знавший полковника Кудрявцева. Профессор Романов был одним из таких людей. Он кивнул и снова переключил внимание на монтажников. А они, с помощью профессора Арчелия, наконец справились со сборкой.

– Товарищ полковник, – радостно выкрикнул Анатолий, – все готово. Можно стрелять?

– Давай, – махнул рукой командир.

Звонко щелкнула тугая пружина; по высокой дуге («Сорок пять градусов», – вспомнил вчерашние испытания Романов) деревянный ящик, выкрашенный когда-то в зеленый цвет, а ныне почти вернувший изначальный оттенок старых сосновых досок, полетел через канал.

– А может, и не сосновых – надо будет на всякий случай узнать у Георгия, – непроизвольно подумал Алексей Александрович, наблюдая, как улей распадается на куски, и как каждый из них разбухает, покрывается живым толстым слоем ос.

Первый кусок еще не успел упасть в заросли, а следом уже летел второй ящик с погибшей пчелиной семьей и сотами, полными меда и иным содержимым. Этот улей полетел не так далеко. Разбился он, приземлившись на открытом пространстве – на тех самых сорока метрах, куда ничему живому соваться не рекомендовалось.

Вот и теперь на это вторжение отреагировали безжизненные, казалось, колоды. Ближайший крокодил хапнул сразу всей пастью – так, что улей почти скрылся внутри. Ага – он хотя бы спросил, согласны ли с этим осы? Внутренняя, нежная часть рта чудовища, если только можно так назвать громадную, усыпанную страшными зубами пасть, вряд ли имела защиту от укусов злых насекомых. По крайней мере крокодил завертелся на земле так же, как он привык двигаться в смертельном вращении под водой (именно так умерщвляли крупную добычу земноводные, о чем совсем недавно рассказывал всем на удивление эрудированный тракторист). Пасть свою он, естественно открыл – так широко, словно в ней уже не помещался распухший от укусов язык.

Что-то в его движениях, громком мычании (совсем как корова!), а может в эманациях не привыкшего к подобным нападениям мозга, заставило ближайших чудовищ шарахнуться по сторонам. Следом полетели остатки улья, обрастающие на лету новыми полчищами ос. Крокодил наконец сообразил, где находится спасение – конечно же в водах родного водоема. Он грузно шлепнулся в канал, подняв тучи брызг.

Рядом с профессором громко захохотал Никитин; он, конечно же, не обошелся бы смехом – добавил бы что-то колкое в адрес несчастного животного, но прозвучала команда Кудрявцева: «По машинам!», – и Алексей Александрович повернулся к «своей» машине – к прицепу. Но перед ним уже стояла Ира Ильина с требовательно протянутой вперед ладонью, и Романов понял, что сценарий дальнейшей поездки уже был прописан, и даже озвучен в салоне «Эксплорера»

Ожерелье поменяла хозяйина, точнее обрело новую хозяйку, в глазах которой профессор прочитал какую-то нетерпеливость и почти кровожадное любопытство – так, что он невольно пожалел Лая. А его самого уже ждала открытая дверца внедорожника, а за ней улыбающееся лицо Тани-Тамары, по которой он, оказывается, успел соскучиться. Уже закрывая дверцу, он

оглянулся. За каналом осы – те, что покинули явно несъедобные куски ульев – или другие, которым не хватило места на совсем небольших обломках, скручивались в тугие смертоносные жгуты, поднимающиеся подобно огромной кобре, готовой прыгнуть на противника.

«Эксплорер» резко рванул от канала; проехал те же, что и раньше, полтора километра, и лишь затем неторопливо повез разведчиков дальше – туда, где через два с половиной километра должны были закончиться владения хищных ос. А Кудрявцеву словно не было любопытно, что же там ждет людей (и двух неандертальцев); он заговорил о другом:

– Ну как? – повернулся он к Оксане, сидящей рядом.

Супруга очевидно прекрасно поняла, о чем так лаконично спросил командир:

– Непривычно поначалу, – ответила она, – зато сразу какое-то чувство... неуязвимости, что ли.

Романов понял, что речь идет о защитных шлемах. Он взял такой же, лежащий на коленях у Бэйлы Никитиной, сидящей у противоположной дверцы второго ряда. Таня-Тамара не пропустила момента, погладила по голове мужа, который специально задержал движение назад. Жест никарагуанки заполнил сердце Алексея Александровича теплотой и радостью, так что он не сразу стал рассматривать шлем.

Полковник, очевидно, наблюдал за всеми телодвижениями в салоне в зеркало, потому что поощрительно улыбнулся профессору:

– Вот-вот – примерь, Алексей Александрович, – надо всем навыки обретать. Жалко только, что их у нас всего четыре штуки.

– Так надо сделать свои, – горячо вступил в разговор Никитин, – чтобы для всех хватило. Тем более, что наша пластмасса сто очков вперед даст любому кевлару.

– Думали уже, Александр Николаевич, – немного смущенным голосом ответил трактористу абхазец («Ого! – уже Александр Николаевич?»), – только вот как сделать полую сферу. Не будем же мы щеголять в квадратных шлемах – как телепузики какие-то.

Тракторист громко фыркнул:

– Да я сейчас тебе хоть сотню способов предложу!

– Ну, например? – загорелся Арчелия.

– Например... – Анатолий задумался совсем ненадолго, – попроси у детей займы обыкновенные шарики – у них есть, я видел. Надуваешь шар по размеру, смазываешь его маслом, а сверху – густой пластмассой. Как только она остынет – сдуваешь шарик и вынимаешь его – полая сфера готова. Диаметр шара любой – по размеру головы.

– Вай, Анатолий, – пораженно вскричал абхазский профессор, – как все просто! Я тебе самый большой шлем сделаю!

– Зачем мне самый большой? – с подозрением спросил Никитин.

– Потому что у тебя большая голова – больше чем у двух профессоров и одного академика, вместе взятых...

Алексей Александрович понял, какую троицу имеет в виду Арчелия, но не обиделся, потому что разговор принял совершенно другое направление. И опять с подачи тракториста.

– Самая большая голова не у меня, а у этих монстров из племени. Скажите мне, товарищи профессора и академики, зачем им столько мозгов – работы-то им практически нет?

– Это так, – после некоторого раздумья ответил Романов, – скорее всего природа, а может и кто-то не столь всемогущий, но более нетерпеливый, создал эти творения с большим запасом. Скорее всего, неандертальцев ждало блестящее будущее – в смысле развития общества, наук и культуры. Может, при ином стечении обстоятельств нас бы тут встретили прекрасные города и космические корабли, заходящие для посадки на космодром. Но эти нелепые запреты...

А вожди неандертальцев – это вообще уникальный случай. Скорее всего, созданные, а точнее подкорректированные искусственно – на генетическом уровне. Причем генетика работала так жестко, что уже больше сотни тысяч лет ни один ген не потерял. И опять, скорее

всего благодаря всем этим запретам. Один сын в поколение, никаких связей после зачатия... Что еще? Я думаю, какие-то еще меры принимались – вроде истребления тех младенцев, что не соответствовали необходимым параметрам.

– Но это же дети! – громко воскликнула Оксана Кудрявцева.

Профессор пожал плечами, хотя полностью одобрял негодование девушки:

– А вспомните наших спартанцев?..

– И кто же сотворил эти чудеса? – нетерпеливо перебил его Анатолий.

– Мы, – словно громом средь ясного неба прогремел короткий ответ.

– Как мы? – сразу несколько голосов поразились, и даже (показалось профессору) отвергли в негодовании такое предположение.

– Мы, – повторил он совершенно спокойным голосом, – каким-то образом попали назад, еще на сто с небольшим тысяч лет и устроили там эксперименты с подвернувшимся генетическим материалом – теми же неандертальцами. Но что-то пошло не так, и созданные искусственно гиганты с чертами лица доцента Игнатова прихватили часть лабораторного оборудования – те же камни, священный молот с надписью – не буду напоминать какой – и ожерельями, которые на самом деле обычные средства коммуникации. Может, Оксана или кто-то другой попросил сделать персональный переговорник такой оригинальной формы? Еще и фразы на русском языке запомнили и пронесли через черт знает сколько тысяч лет!

– И что, – через какое-то время спросила Оксана, – ничего нельзя сделать, ничего изменить?

– Почему? – пожал плечами Алексей Александрович, – мы ведь теперь знаем, что должно произойти. По крайней мере (усмехнулся он) Анатолий точно будет поглядывать за тем, или за теми, кто будет изготавливать кувалды. А вообще я в этой фантастической белиберде, в футурологии ничего не смыслю. Даже про «эффект бабочки» знаю только понаслышке. Надо просто жить по совести, и все должно быть хорошо. По крайней мере, сейчас у нас все неплохо складывается, и я другой жизни совершенно не желаю.

Он пожал ладонь Тани-Тамары и замолчал. Автомобиль плавно остановился. Никто не спешил выходить из салона без команды. Наконец Кудрявцев ткнул пальцем в ветровое стекло:

– Что, никому не интересно посмотреть на этих кошек?

Алексею Александровичу, сидевшему с дальней от канала стороны, было плохо видно, на кого показывает командир, тем более, что до фигур, едва заметных в тени, было не меньше сотни метров. Любопытство наконец разрушило тягостную атмосферу в салоне «Эксплорера» и люди дружно выскочили наружу. Но прежде, чем обратить взгляд на канал с крокодилами, и дальше – на неведомых зверей, профессор Романов с изумлением и доброй насмешкой понаблюдал, как из прицепа шустро прыгнули на землю, поросшую свежей травой, оба неандертальца. Они, словно заправские гвардейцы, вытянулись по сторонам, придерживая прозрачный колпак. Следом на траве оказался Марио, подавший руку супруге с истинно итальянской галантностью.

Ирина выплыла из прицепа, словно из салона «Роллс-Ройса»; даже «Вебрь» в ее руках казался непременным атрибутом женского арсенала обольщения. По Марио было видно, что он едва сдерживает смех; а вот аборигены были абсолютно серьезными и предельно внимательными к каждому жесту Ирины. И это дикари, которые, как совсем недавно у них же узнал Романов, женщин считали необходимым, удобным, но все же... придатком мужчины, без которого ей в этом суровом мире никак не выжить...

– Чем же она так поразила дикарей? – любопытство сжигало профессора, но это могло подождать, а вот звери за каналом вскочили на ноги, – может быть, сейчас они скроются из глаз?

– Махайроды? – громкий возглас Анатолия был совсем не утверждающим.

Алексей Александрович вспомнил, что в небольшом удобном рюкзаке за спиной вместе с остальными нужными в рейде предметами ждет своего часа бинокль. И вот прямо в глаза Романову грозно щерится хищник; громадные клыки (не меньше, а, пожалуй, и побольше, чем у махайрода, убитого в далекий уже первый день в русском лагере) вдруг показались во всей красе – пасть зверя невероятно широко открылась.

– Командир?!

Этот вопрос-предложение Бэйлы означал только одно: снайперская винтовка нацелена точно в лоб, или другое уязвимое место животного, а палец израильтянки готов довести до конца уже начатое движение курка.

– Какой? – вопросом на вопрос ответил Кудрявцев.

– Правый.

– Хорошо, – совсем недолго подумав (тоже видно решил, что хищник готов прыгнуть в заросли), дал добро полковник, – я попробую левого.

Негромко – так, по крайней мере, показалось Романову, все свое внимание сосредоточившему на страшной морде зверя – прогремел выстрел и глаз хищника взорвался кровавыми брызгами. Начавшееся было движение огромного тела поменяло траекторию – совсем чуть-чуть, но и этого хватило, чтобы уже мертвое животное принял в себя не густой подлесок, а челюсти крокодила. На ринувшихся к более удачливому собрату земноводных гигантов перевели взгляды, скорее всего, большинство из зрителей этой кровавой драмы; второй хищник – точная копия жертвы винтовки Драгунова – тоже замешкался. Это его и сгубило.

Алексей Александрович, не забывший слова командира о второй, левой, цели, перевел бинокль уже на его морду. Увы – она дернулась, приняв почти осмысленное недоуменное и... предсмертное выражение. Профессору уже приходилось видеть такое – когда истребляли чудовищ в логове Седой медведицы. Краем глаза Романов успел заметить оперенный кончик болта, торчащий под левой лопаткой зверя, тоже дернувшимся в последнем прыжке.

Эта добыча крокодилам не досталась. Подпрыгнув высоко вверх, хищник закружился на месте, взметнув по сторонам комья земли, изломанные ветки кустов и целые кусты – энергия изливалась из тела бурным потоком и, казалось, ей не будет конца. Наконец длинное тело замерло так, что головы со страшными клыками нельзя было разглядеть – даже с высокой крыши прицепа. Но в памяти профессора Романова очень четко отпечатались и эта голова с нереально широко открытой пастью, и мощная фигура с короткими, словно у гиены, задними лапами, и...

В общем, Алексей Александрович, так и не опробовав шлем, полез без команды в салон «Эксплорера» – туда, где его ждал планшет с Википедией, знавшей ответы на все... Ну, или почти на все вопросы...

Глава 41. Анатолий Никитин. Мне сверху видно все

– Позвольте обратиться, товарищ полковник! – Анатолий не думал, насколько естественно сейчас выглядит в глазах остальных пассажиров «Эксплорера» эта фраза.

Вроде все давно называют Кудрявцева по имени-отчеству, а Никитин... Никитин из сидевших в салоне был единственным, кто знал, какая громадная пропасть разделяет обыкновенного сержанта и полковника элитного спецподразделения. Кроме самого полковника, конечно, да, пожалуй, Бэйлы. Но какие там в израильской армии были отношения младших чинов со старшими офицерами, Никитин у супруги как-то забывал спросить – у них для разговоров было много тем поинтересней.

Командир очевидно заметил какую-то напряженность в голосе тракториста, потому что разрешил с добрым смехом:

– Обращайся, младший сержант.

– Вот вы, товарищ полковник, медведей запретили стрелять, а кошек этих саблезубых не пожалели...

– Кстати, их называют смилодонами, – поддержал разговор Романов, – а если точнее смилодонами смертоносными. Клыки у них будут подлиннее, чем у махайрода; а вес – до двухсот восьмидесяти килограммов. Охотились они на мамонтов, мастодонтов, бизонов и другую крупную дичь. Возможно, и человеком не брезговали пообедать. Прожили как вид больше полутора миллионов лет на обоих американских континентах и вымерли около десяти тысяч лет назад. Тот, которого подстрелила Бэйла – самец, с короткой гривой. Самка его не намного меньше.

– Это мы заметили, – подтвердил командир последнее замечание, – а насчет кошек... Надо ведь было понять – бояться они огнестрела, или нет. Не бояться, а значит...

Он так и не закончил фразу.

– Значит, – продолжил наконец Никитин таким же мрачным тоном, что и Кудрявцев, – здесь шансов у людей выжить было меньше.

– Не факт, – не поддержал его полковник, – может наоборот – люди здесь безоружные, а значит, более осторожные. Может, сидят сейчас в своих островках безопасности размером пять на пять метров и ждут помощи. Услышали сейчас выстрел и потерпят – не станут делать безрассудных поступков. Кстати, Алексей Александрович – что ты там обещал о результатах переговоров рассказать.

Профессор Романов недоуменно посмотрел на него, а затем, очевидно вспомнив о чем-то, протянул: «А!..», – совсем как Юрий Никулин в «Бриллиантовой руке»:

– Точно, я же совсем забыл – есть соль, Александр Николаевич. И вполне доступна. Племя наткнулась на залежи уже по эту сторону гор. Так что вполне реально за день на машине обернуться. Она в «одной и половине руки переходов» от нас – так выразился Лай.

– Километров девяносто-сто, – «перевел» Кудрявцев, – действительно можно за день свободно обернуться.

– Еще бы бензинчику кто подкинул на такие километры, – проворчал Никитин, – Валера Ильин вчера жаловался, что пора уже энзэ откапывать.

– Насчет бензина тоже есть новости, – поспешил обрадовать всех профессор, – наш штатный шпион Лай и нефть успел найти – целое море. Даже руки в ней испачкал. Только еще там, за хребтом. Так что до нее добраться будет потруднее.

– Ничего, главное – она есть, – повеселевшим голосом поблагодарил Кудрявцев за хорошую весть Романова, – а пока и здесь запасы не все подобрали.

– Вы хотите сказать, товарищ полковник, что там..., – рука Никитина показала за стекло – туда, где все так же умело изображали неживые колоды гигантские крокодилы.

– Я просто уверен в этом, – перебил его командир, – расчет тут самый простой – сколько бедных стран в Африке, куда тоже дошла гуманитарка? Нам попался анклав, в котором было сразу два склада ГСМ.

– Но по одному случаю давать такие прогнозы, – покачал как-то неуверенно головой профессор Романов.

– Почему по одному, – не согласился с ним полковник, – а помните тот взрыв за рекой? Два случая – это уже система. Я почти уверен, что в каждой зоне – как у нас в миоцене – попадется и свой склад горючки, и вооруженные до зубов люди, и что-нибудь совершенно необъяснимое – вроде наших тибетцев и маньчжурского шамана.

Никитин обменялся с Алексеем Александровичем понимающими взглядами (уж если командир уверен, тогда конечно что-то есть!) и неожиданно для себя негромко запел: «Листья желтые над городом кружатся, с тихим шорохом нам под ноги ложатся...».

Ничто вокруг – ни сочная зелень травы, лежащей под колеса автомобиля, ни ослепительно синее небо, ни палящее высокое солнце не говорило об увядании природы, но вот – пришлось к слову. И вдруг плечо его словно сдавило клещами – даже сквозь защитный камуфляж тракторист почувствовал, с какой невероятной силой вцепился в него с заднего ряда Георгий Арчелия.

– Что ты сказал? – вскричал абхазец с заметным акцентом, – что ты сейчас сказал?!

Анатолий, конечно, не считал себя ни Кобзоном, ни Басковым, но голосом обижен не был. Поэтому он поправил Арчелия:

– Не сказал, а спел – про листья желтые, которые кружатся над городом.

– Вот! – еще громче воскликнул абхазец, – вот тот самый зрительный образ, который я искал, Александр Николаевич. Ты ведь видел, дорогой, как порыв ветра сдирает желтые листья с деревьев осенью?

– Конечно, – пожал плечами командир, снова трогая с места внедорожник. После первого порыва Арчелия он плавно остановил «Эксплорер», – ну и что?

– Как что? – акцент Георгия стал заметней, – помнишь, мы говорили про солнечные батареи, про полупроводники? Вот там так же солнечный свет срывает с места электроны, гонит их, словно желтые листья по асфальту, в специальные приемники и...

– Электрический ток – это направленное движение электронов, – к месту вспомнил всезнайка-тракторист.

– Вот именно, – обрадовался Георгий, – и наша задача совсем простая – при помощи солнечной энергии создать в одном месте избыток электронов, а в другом – их недостаток. И тогда...

– И тогда появится электрический ток – прямо по учебнику физики за шестой класс, – перебил его штатный скептик, – только как это сделать на практике?

– На практике у нас есть пластмасса, – победно возвестил Арчелия, – которой Александр Николаевич может придать любые свойства.

– Прямо так и любые, – проворчал с кресла водителя командир.

– Не любые, конечно, – согласился Георгий, – а вполне определенные. Во-первых – пластину – приемник солнечных лучей; он называется фотоэлектрическим преобразователем. Это у нас условно будут ветви деревьев с очень слабо висящими на них желтыми листьями – электронами. Во-вторых – аккумуляторная пластина большой емкости – это тот самый асфальт, или, если хотите, мусорный контейнер, куда дворник соберет все листья.

– Так ведь листья-то на асфальте не задержатся, – тракторист хотел знать все подробности, – есть такие понятия, товарищ профессор, как отрицательно и положительно заряженные частицы, которые, как известно, притягиваются. Так что дворник ваш, скорее всего, не успеет подмести – листья сами улетят, назад к своим веткам.

Профессор сначала едва не проглотил язык – какой-то тракторист учил его азам ньютоновой физики. А затем засмеялся – поощрительно и победно:

– А вот на этот случай мы попросим уважаемого товарища полковника третью пластину изготовить – с избирательной, точнее односторонней проницаемостью!

– Это по типу осмотической мембраны, что ли? – все-таки сразил его Анатолий.

Арчелия не выдержал и завопил:

– Поворачивай, Александр Николаевич, поворачивай! Поехали доказывать этому... этому... моему самому лучшему другу, что Солнце – лучший источник энергии! Экологичный, возобновляемый, не занимающий много места...

– Ага, не занимающий, – засмеялся Никитин, – я читал, что площади солнечных батарей занимают огромные пространства – даже не гектары, а квадратные километры.

– Ерунда, – отмахнулся абхазец, – это при неблагоприятных природных условиях той же Европы, да с кристаллическими кремниевыми полупроводниками, дающими максимум двадцать пять процентов эффективности. А знаете ли вы, что на квадратный метр поверхности земли в наших условиях падает не меньше киловатта в час мощности потока солнечных лучей? А с нашей пластмассой никакой кремний не сравнится! Крыша обычного жилого дома, выполненная из таких трехслойных пластин, вполне сможет обеспечить все потребности, даже с учетом дождика в четверг, когда солнце скроется за тучами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.